

Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук
Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

**«Ресурсное проклятие»
и социальная экспертиза
в постсоветской Сибири:
антропологические перспективы**

Ответственный редактор
Д.А. Функ

Москва
2019

УДК 39(5Н.64)
ББК 63.5
К 906

Исследование проведено при финансовой поддержке
Российского Научного Фонда
(проект «Ресурсное проклятие» на циркумполярных территориях:
российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов
из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания
аборигенных этнических групп», грант № 15-18-00112)

Книга публикуется по результатам работы
секции «Коренные народы и добывающие компании: российская модель экстрактивизма
в перспективе социальной антропологии»
на XIII Конгрессе этнографов и антропологов России

Рецензенты:

д.и.н., проф. В.В. Карлов
д.и.н., проф. Е.П. Мартынова
к.и.н. Е.А. Пивнева

К 906 **«Ресурсное проклятие» и социальная экспертиза в постсоветской Сибири: антропологические перспективы** / Д.А. Функ, В.В. Поддубиков, Е.В. Миськова и др.; Отв. ред. Д.А. Функ. М.: ООО «Типография «Демос», 2019. 312 с.

В коллективной монографии, базирующейся на значительном полевом опыте авторов, представлены результаты социально-антропологического анализа феномена экстрактивизма как в виде отдельных региональных кейсов, так и теоретически насыщенных обсуждений методики и практики отечественных «этнологических» экспертиз и дискурсивной зависимости от природных ресурсов в целом. Основная часть глав книги написана в рамках проекта «Ресурсное проклятие» на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп» (грант РНФ № 15-18-00112).

Книга будет полезна всем социальным антропологам, в особенности специализирующимся на прикладных исследованиях, а также государственным служащим. Работа может быть использована при чтении курсов лекций по прикладной антропологии студентам профильных кафедр.

ISBN 978-5-6044072-0-2

УДК 39(5Н.64)
ББК 63.5

© Функ Д.А., ред., 2019
© Коллектив авторов, 2019
© Грибов Олег, 2019
© Фото на обложке: Шостак Д.Д., 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (Д.А. Функ) 5

Часть I. Ресурсы и люди:

локальные модели сосуществования 13

Глава 1. Левиафан: дискурсивная зависимость от нефти.

От ресурса к метонимии и обратно (Е.В. Миськова) . . . 14

Глава 2. Юганские ханты и нефть:

стратегия сосуществования (Е.Н. Данилова) 43

Глава 3. Актуальные модели взаимодействия недропользователей
и коренных жителей Чукотки (О.П. Коломиец) 70

Глава 4. «Ресурсное проклятие» с антрацитовым отблеском:
коренные народы и добывающие компании Кузбасса
в ситуации конфликта (В.В. Поддубиков,
С.А. Арцемович, Д.А. Функ) 96

Глава 5. «Ресурсное проклятие» и стратегии жизнеобеспечения
на острове Итуруп (А.С. Бородулина) 122

Глава 6. Экстрактивизм на Российском Севере:
корпорации и коренные народы
о распределении благ (Н.И. Новикова) 146

Часть II. Социальная экспертиза:

в поисках оптимальных подходов 181

Глава 7. «Этнологическая экспертиза»: российский опыт
оценки социального воздействия

промышленных проектов (Д.А. Функ) 182

Комментарии

7.1. Этнологическая экспертиза:

уроки России (Н.И. Новикова) 211

7.2. Этнологическая экспертиза: десятилетия

российского опыта и контекст мировой

исследовательской повестки (В.В. Поддубиков) . . . 223

7.3. Об исследованиях программ развития: этнологическая экспертиза vs оценка стратегического воздействия (Ю.В. Рожкова)	235
7.4. Дисциплинарные отношения антропологии и оценки социального воздействия (С.О. Ковальский)	241
7.5. Заключительные комментарии (Д.А. Функ)	249
Глава 8. Диалог и бюрократические процедуры: этнологическая экспертиза в Республике Саха (Якутия) РФ (А.С. Басов)	256
Заключение (В.В. Поддубиков, Д.А. Функ)	295
Summary	302
Сведения об авторах	308

ВВЕДЕНИЕ

Прикладная антропология, антропология развития, или такие частные ее аспекты как «ресурсное проклятие», или «антропология нефти», — активно развивающиеся в последние 25–30 лет сферы научно-практических исследований. В значительной мере они концентрируются на анализе социальных проблем, характерных для различных локальных (социокультурных, этнических) групп, оказавшихся в ситуации ресурсных конфликтов или, иначе говоря, конфликтов, разворачивающихся в дискурсивном поле ресурсной ренты. По существу, речь идет о социальной проблематизации извлечения и распределения доходов от добычи и экспорта полезных ископаемых, от которых зависит сегодня экономика многих государств мира, ущерба, нанесенного местным сообществам ресурсных регионов, удаленных от центра дистрибуции создаваемых материальных ценностей, благ и выгод, возможных в этой связи компенсаций, ресторативных практик и политик социальной ответственности.

В России проблематика ресурсной ренты и, в частности, конфликтной формы ее дискурса рассматривалась как в отношении ситуации, вылившейся в войну за нефть на территории Чеченской Республики, так и в историческом контексте мирного освоения запасов углеводородов в Сибири, заложившего основы благосостояния (равно как и значимых перекосов в развитии экономики) российского государства. Несмотря на внешне бесконфликтный характер второго из указанных кейсов, понятие конфликта вполне приемлемо для его описания. На протяжении всей истории освоения недр Азиатской части страны возникающее в этой связи межгрупповое взаимодействие сопровождалось социальными конфликтами различного уровня, приводившими к наиболее драматическим последствиям для малочисленных аборигенных групп, чей образ жизни и культура неминуемо трансформировались (и подчас весьма динамично и глубоко) по мере индустриализации территорий их традиционного проживания. Данного рода конфликты не были ярко выражены на начальном этапе освоения недр, маскируясь риторикой солидарности советского народа в освоении и наращивании экономического

потенциала общей Родины, хотя именно на ранних этапах культура аборигенов при этом претерпевала революционные и, как показала история, необратимые изменения. Конфликты обострились и в ряде случаев стали явными (перейдя в фазу открытого противостояния) в постперестроечный период, когда передел собственности, сфер влияний в области недропользования и ресурсной ренты происходил на фоне падения уровня жизни основной части населения ресурсных регионов, как аборигенного из числа коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и «русских» старожилов (разнообразных по этническому составу и локальным культурам групп), так и «пришлого», из числа первых освоителей и строителей, которые давно осели на этих территориях.

К настоящему времени эти конфликты как будто затушеваны, но вполне могут обостриться на фоне накатывающих волнами экономического и финансового кризисов.

В последние два-три десятилетия такого рода конфликты рассматриваются в мировой антропологии с разных точек зрения – от ставшего традиционным изучения этнических, языковых, культурных противоречий и трансформаций до изучения «ресурсного проклятия» как особой формы борьбы за доминирование, которая сама по себе становится отдельной культурой, в которой меняются этнические и социальные границы различных групп. Проблема влияния таких ситуаций доминирования и конфликта на облик сообществ, сложившихся или складывающихся – применительно к современной России – на территории Русского/Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока – одна из важнейших и актуальных социальных и гуманитарных проблем, имеющая важное практическое значение в случае успешного ее научного осмысления. Важной стороной проблемы является также изучение устойчивого развития, ставшее одним из приоритетных направлений исследований в России и во всем мире. Это связано с теми рисками — экологическими, биологическими, социальными, культурными, — которые неминуемо влечет за собой наращивание темпов индустриального развития. И особенно это актуально для регионов, относящихся к Арктике, где легко нарушить баланс природы и индигенных культур, причинив ущерб как природе, так и людям.

Сегодня в российских условиях изучение высоко конфликтных сообществ весьма актуально. В зонах усиленной экономической активности мы зачастую имеем дело не со старыми социальными единицами с хорошо знакомым набором признаков, в том числе этнических, а с новыми социальными границами и взаимодействиями. Эти границы выстраиваются вдоль линий «за» и «против» тех или иных экономических, социальных, культурных решений и проектов, определяются объемом и характером включенности в конфликты и противостояния, формируют новые атрибуты лидерства и маргинальности, задают координаты мировоззренческих сдвигов, порождают новые формы выражения солидарности и протеста. Очень важно изучать эти процессы сдвигов социальности в условиях борьбы за доступ и доминирование в сфере добычи ресурсов и распределения доходов от нее. Эти процессы уникальны – дают уникальный культурный и этнографический материал, – и, в то же время, являются моделирующими для понимания аналогичных ситуаций и зон конфликтного взаимодействия.

Проблемы «ресурсного проклятия» активно изучались в рамках разных научных дисциплин на Западе. В социальной и культурной антропологии это, как правило, принимало формы исследования доступа различных аборигенных групп к доходам, полученным от эксплуатации природных ресурсов на территории их проживания. Эти группы редко оказываются в числе бенефициаров ресурсной ренты, но зато часто являются стороной, испытывающей на себе всю тяжесть негативных последствий освоения ресурсов. Со временем значительное место в изучении «ресурсного проклятия» по-антропологически заняли формы не только виктимизации, но и сопротивления и включенности этих групп в «борьбу за ресурсы».

В России такого рода исследования стали возможны только начиная с 90-х годов XX века и почти сразу же они стали вестись в прикладном ключе с опорой на решение юридических вопросов включения аборигенных групп в число бенефициаров от добычи полезных ископаемых и снижения негативных экологических и экономических эффектов добычи на образ жизни и культуру данных групп. Длительное время продолжается дискуссия – не только в научных кругах, но и в государственно-правовом пространстве –

о статусе «этнологической экспертизы» и ее проведении в рамках различных промышленных проектов. При этом совершенно очевидно, что в XX столетии накопился богатый опыт изучения мировой практики реализации различных проектов развития, включающих в себя разные формы оценки и экспертизы, который уже просто невозможно не замечать при проведении экспертных работ на территории Российской Федерации.

Исходя из этих вводных соображений, в 2015 году коллектив опытных и на момент начала проекта совсем еще молодых исследователей из МГУ, ТГУ, КемГУ и университета Хельсинки объединился для реализации проекта ««Ресурсное проклятие» на циркумпольярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп» (грант РФ № 15-18-00112). Задачей этого проекта было не просто обобщить российский и зарубежный опыт решения прикладных задач, но и предложить новые концептуальные подходы к изучению модусов существования социальных общностей в зонах повышенной конфликтности, обусловленной разными формами борьбы за доминирование в процессе получения ресурсной ренты. Представлялось важным обозначить состав и статусы участников борьбы, тем самым выявив разные ее структурные уровни, описать структуру лидерства и сопротивления, систему усвоения, соблюдения и нарушения правил «игры» / диалога, систему рационализации конфликтных ситуаций с использованием традиционной культуры и мировоззрения. За пять лет реализации проекта было издано более 30 статей, обзоров и рецензий в профильных журналах *Ethnographia*, *Folklore. Electronic journal of Folklore, Nomadic Peoples*, Сибирские исторические исследования, *Studia Orientalia*, *Asian Ethnicity*, *Anthropologica*, Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, Антропологический форум, Этнографическое обозрение. Были сделаны десятки докладов на конференциях самого высокого уровня, в частности на Международном конгрессе социальных исследований Арктики (ICASS) и на конференциях Европейской ассоциации социальных антропологов (EASA). Разработан и прочитан (магистрантам Венского универси-

тета) курс лекций «The “Resource Curse” Phenomena in Post-Soviet Siberia (Russia): Anthropological Perspectives». Проведен целый ряд семинаров на разных площадках как в Москве, так и в регионах, где шли полевые исследования. Казалось бы, результаты проекта не нуждаются в еще большей презентации. И все же, с учетом того, что большая часть перечисленного – это все же тексты в академических и не всегда, надо признать, легкодоступных для читателя изданиях, было принято решение изложить основные результаты работы в монографии.

Книга, которую вы сейчас держите в руках, состоит из двух частей. В первой публикуются, в основном, региональные кейсы, позволяющие показать различные варианты социально-антропологического анализа феномена экстрактивизма. Представленные тексты базируются на материалах из Ханты-Мансийского округа – Югры, Сахалинской и Кемеровской областей, Ямала и Чукотки. Вторая часть книги посвящена обсуждению феномена «этнологической экспертизы» на основе анализа обширных материалов, представляющих позднесоветскую и современную российскую практику. Логика книги не дала возможности включить в нее все результаты исследований, полученные в ходе названного выше проекта, равно как и ограничиться лишь работами собственно членов проектной команды. Для написания глав об актуальных моделях взаимодействия с добывающими компаниями локальных групп коренного населения Ханты-Мансийского и Чукотского автономных округов – значимых с точки зрения накопленного там опыта – были приглашены наши коллеги из Екатеринбурга (*Е.Н. Данилова*, глава 2) и Анадыря (*О.П. Коломиец*, глава 3). Главы 1, 4, 5, 7 и 8 являются доработанными текстами, ранее опубликованными участниками проекта на страницах журналов «Сибирские исторические исследования» и «Этнографическое обозрение» (*Миськова* 2016: 83–107; *Басов* 2018: 91–123; *Бородулина* 2018: 124–141; *Новикова* 2018: 87–92; *Поддубиков* 2018: 96–100; *Поддубиков, Арцемович, Функ* 2018: 142–163; *Функ* 2018а: 66–79; *Функ* 2018б: 100–104; *Рожкова* 2019: 141–143; *Ковальский* 2019: 143–146; *Функ* 2019: 147–149). Глава 6 была специально написана для этого издания *Н.И. Новиковой*, присоединившейся к реализации проекта РФФ в 2018 году.

Представляя эту книгу на суд читателей, авторы надеются, что она в той или иной мере будет полезна всем социальным антропологам, в особенности тем коллегам, которые уже специализируются на прикладных исследованиях и тем, кто только еще на пути к освоению азов прикладной антропологии. Мы адресуем эту работу также государственным служащим, которым приходится сталкиваться с описываемыми нами ситуациями и искать оптимальные варианты решения возникающих при этом проблем, и рассчитываем на то, что знакомство с поднимаемыми в этой книге вопросами и вариантами их обсуждения окажется небесполезным.

Д.А. Функ, ноябрь 2019 г.

Литература

- Басов А.С.* Диалог и бюрократические процедуры: этнологическая экспертиза в Республике Саха (Якутия), РФ // Сибирские исторические исследования, 2018. № 2. С. 91–123.
- Бородулина А.С.* “Ресурсное проклятие” и стратегии жизнеобеспечения на острове Итуруп // Сибирские исторические исследования, 2018. № 2. С. 124–141.
- Ковальский С.О.* Дисциплинарные отношения антропологии и оценки социального воздействия // Этнографическое обозрение, 2019. № 4. С. 143–146.
- Миськова Е.В.* Левиафан: дискурсивная зависимость от нефти. От ресурса к метонимии и обратно // Сибирские исторические исследования, 2016. №4. С. 83–107.
- Новикова Н.И.* Этнологическая экспертиза: уроки России // Этнографическое обозрение, 2018. №6. С. 87–92.
- Поддубиков В.В.* Этнологическая экспертиза: десятилетия российского опыта и контекст мировой исследовательской повестки // Этнографическое обозрение, 2018. №6. С. 96–100.
- Поддубиков В.В., Арцемович С.А., Функ Д.А.* “Ресурсное проклятие” с антрацитовым отблеском: коренные народы и добывающие

компании Кузбасса в ситуации конфликта // Сибирские исторические исследования, 2018. № 2. С. 142–163.

Рожкова Ю.В. Об исследованиях программ развития: этнологическая экспертиза vs оценка стратегического воздействия // Этнографическое обозрение, 2019. № 4. С. 141–143.

Функ Д.А. “Этнологическая экспертиза”: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов // Этнографическое| обозрение, 2018а. №6. С. 66–79.

Функ Д.А. Ответ оппонентам: продолжаем разговор // Этнографическое| обозрение, 2018б. №6. С. 100–104.

Функ Д.А. «Этнологическая экспертиза»: завершаем разговор? // Этнографическое обозрение, 2019. № 4. С. 147–149.

Часть I

**Ресурсы и люди:
локальные модели
сосуществования**

Глава 1

ЛЕВИАФАН: ДИСКУРСИВНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ОТ НЕФТИ. ОТ РЕСУРСА К МЕТОНИМИИ И ОБРАТНО

Елена Вячеславовна Миськова

Можешь ли ты удою вытащить леви-афана и веревкою схватить за язык его? вденешь ли кольцо в ноздри его? проколешь ли иглою челюсть его? будет ли он много умолять тебя и будет ли говорить с тобою кротко? сделает ли он договор с тобою, и возьмешь ли его навсегда себе в рабы? станешь ли забавляться им, как птичкою, и свяжешь ли его для девочек твоих? будут ли продавать его товарищи ловли, разделят ли его между хананейскими купцами? можешь ли пронзить кожу его копьем и голову его рыбачьею острогою? Клади на него руку твою и помни о борьбе: вперед не будешь.

Ветхий Завет. Книга Иова, глава 40

Я начну с пересказа кадров из кинофильмов. Кино сегодня мне представляется этнографией в самом близком к значению данного понятия смысле – это авторская репрезентация значений и смыслов, имеющих массовое распространение и влияние. Последний кадр фильма «В сердце моря» («In the Heart of the Sea»)¹. Герой фильма (актер Брендан Глисон) – старый китобой – рассказывает

молодому писателю, будущему автору «Моби Дика», историю гибели в противоборстве с морским чудовищем судна «Эссекс», на котором он много лет назад первый раз вышел юнгой в море. Пережив в ходе рассказа заново все, что пришлось испытать ему в юности, старик провожает писателя до порога своего дома и произносит на прощанье: «Говорят, один парень в Техасе пробурил дырку в земле и добыл земляной жир. Чудно! Земляной жир!». Так точка в сюжете фильма отсылает к финальной точке в истории китобойной эпохи и ее героев, добывавших важнейший на тот момент энергетический ресурс – китовый жир – в борьбе с морскими левиафанами.

История добычи китового жира очень «удачно» и привычно вписывалась в мифологическую традицию Запада, основанную на библейской истории и повествовавшую о подземном и подводном – субповерхностном, мире как о царстве хтонических чудовищ, цепко держащихся за свои сокровища. Доступ к этим сокровищам может быть осуществлен только через борьбу за доминирование со сверхчеловеческим могуществом.

Таким образом, борьба за ресурс изначально была героизированной. Морское, глубоководное чудовище долгое время было лучшей метафорой врага, пока на смену ему не пришло сложное понятие «подземных богатств». Субповерхностное перестало быть инфернальным, а сделалось «залежью полезных ископаемых», гидрокарбонатным резервуаром, полным источника «жизни». Модифицированный миф о ресурсе потребовал модификации образа чудовища, стоящего на страже подземных богатств. Оно развоплонилось, утратило прежние морфологические черты, не устранив, тем не менее, основного мотива схватки с ним претендующего на ресурс человека. Есть ресурс, есть герой, но нет врага. Вместо него – сопротивляющаяся и одновременно флиртующая с человеком Природа, взять, а не ждать милости от которой, как известно, «наша задача». Вечный мотив мифа о покорении природы остался сам по себе неизменным, но деперсонализированным оказался страж, защитник, враг, с которым прежде необходимо было сразиться герою. Таким образом, героизм добытчика, покорителя, первопроходца и первооткрывателя приобрел гомоэротические свойства.

«Миф о ресурсе» имеет определенные культурные координаты в европейском легендарно-историческом нарративе. У народов российского Севера и Сибири, например, сказок, мифов и легенд про нефть нет, но зато у главной на сегодняшний день нефтедобывающей компании страны, Роснефти, они есть! Нефть и газ – это сказка «не про “аборигенов”, это сказка, легенда и одновременно космогонический миф покорителя и первопроходца о самом себе. С этнографической точки зрения, это ситуация описания, в которой местные жители, коренное население – только зрители спектакля, которые оказываются волей-неволей в центре травмирующего взаимодействия, но при этом играют далеко не главные, хотя и трагические роли. Один из текстов об истории ХМАО называется «Там, где живет нефть»². Это примечательно: не люди, не группы, даже не «национальности», а нефть в чистом виде, которая умеет вполне себе антропоморфно «жить».

Марисоль де ла Гадена убедительно пишет о том, каким образом становится возможным подобный дискурс о ресурсе (De La Gadena 2015), благодаря исключению из него так называемых земных существ (Earth Beings), неантропоморфных субъектов взаимоотношения человека и среды, природы во многих неевропейских культурах. Они не учитываются, становятся невидимыми. Самоочевидность современной политики строится на том, что она имеет дело с «исторически доказанными», засвидетельствованными субъектами и фигурами. «Быть историческими» означает быть возможными, реальными, а земные существа, наподобие гор или рек – это невозможные субъекты политического процесса и отношений, на которых строится дискурс об ископаемом ресурсе. Добывание китового жира не предполагает рассмотрения кита в качестве субъекта ресурсных отношений, как это происходит, например, в эскимосской культуре, в крайнем случае, в нем видят субъекта сопротивления – левиафана. А добывание нефти, или природного газа, или золота не предполагает уже и этого.

В своем политическом поле, однако, в порождаемом ею дискурсе, нефть мыслится и учитывается как сущность, и именно поэтому мы можем говорить о «ресурсных отношениях» в антропологическом ключе как об этнографиях.

В специализированном журнале «Бурение и нефть» в 2013 г. 60летие «открытия Северо-Западной нефтегазовой провинции» отмечалось как величайшее событие в истории России³. В данном случае две системы координат сведены в общую карту: «открытая» столетия назад Сибирь как административная территория и вновь открытая нефтегазовая провинция, придавшая прежней административной единице совершенно особый статус в новейшей России. Новой территории потребовался особый способ освоения, которому отвечает особый нарратив об этом: «Для освоения Сибири было недостаточно сотни новых героев трудового фронта, готовых на суровую борьбу, нужны были еще и сотни тысяч обыкновенных тружеников, желающих иметь условия для жизни не хуже, а может быть, и лучше, чем в более теплых и обжитых районах страны».

В этом нарративе новая территория не только потребовала героев для своего освоения, но и постепенно стала родить своих, превратилась в мифическую праматерь всех лучших людей, всей элиты страны. Хорошей иллюстрацией может быть художественный фильм «Территория», снятый в 2014 г. по роману Олега Куваева⁴, о поиске и освоении золотоносных месторождений на Дальнем Востоке. Фильм снят как дорогой, красивый блокбастер по мотивам героического эпоса, с обилием удивительных кадров «суровой и прекрасной» северной природы, которые невозможно снять без участия вертолетов и самолетов, без применения новейшей и дорогостоящей техники. В последних кадрах фильма почти 2 минуты занимают титры с перечислением лиц, которым съемочная группа выражает особую признательность за поддержку. В этом списке под проникновенное музыкальное сопровождение и на фоне реальных архивных и семейных фотографий героев Севера плывут фамилии представителей высшей правящей элиты современной России, начиная с президента и председателя правительства, президентов и вице-президентов госкомпаний и банков с государственным участием и до министра культуры и мэров обоих «столиц» государства – Москвы и Санкт-Петербурга. Все они перечисляются с полным обозначением необходимых регалий. Таким образом, вся элита отождествляется с Территорией, а Территория – с элитой.

Этнография государства и проблема ресурса

В соответствии с предметом антропологическое изучение роли нефти и газа в человеческой жизни имеет существенный крен в сторону этнографии государства и предприятий, власти и инфраструктуры разных уровней, доминирующего образа мысли и массового нарратива. Дуглас Роджерс в первой главе своей книги «Глубины России. Нефть, власть и культура после социализма» предупреждает возможные методологические претензии следующим образом: «Один из наиболее частых вопросов, которые мне задают, когда я рассказываю о своем исследовании: вся эта этнография государства и корпоративных проектов – это очень интересно, но как обычные люди реагируют на вмешательство всего этого в их жизнь? Это важный вопрос, но повседневная жизнь, понимаемая как область практики, не является главным фокусом моей книги. В последние годы, в особенности, это далеко не единственный сюжет, над которым работают антропологи... Повседневные практики были более важны в 1990-е и начале 2000-х – период, когда структуры и институты лежали в руинах, а повседневные практики приобретали значение и последствия, которые они не имели прежде... Но ситуация изменилась. История, которую я рассказываю в этой книге, большей частью о способах, которыми практики и проекты поднимающейся государственно-корпоративно-культурной элиты имеют еще более далеко идущие последствия для преобразования целого региона» (Rodgers 2015: 28–29).

Да, субъектами в ресурсных отношениях выступают институты наподобие государства, корпораций, а объектом – не столько ресурс сам по себе или используемые в борьбе за него группы, а «жизнь» во всей ее полноте. Государства, компании, торговцы, производители претендуют на то, что они добывают, продают, производят не просто ресурс, а жизнь как таковую.

Стоит остановиться на самом понятии «ресурс», которое антропологи все чаще включают в свои тексты. Оно заимствуется из лексикона экологов, которые пользуются им в качестве оружия в полемике со своими извечными врагами – экономистами. Чаще всего это вариации на тему, насколько человечеству хватит

разнообразных жизненно важных ресурсов и когда они закончатся. Говоря на разных языках, экономисты и экологи задают, тем не менее, координаты общего дискурса о цене и качестве жизни на Земле. Биолог Мэтт Ридли обращает внимание на характер разногласий, лежащих в основе этого дискурса⁵. Говоря о потреблении как важной части экономических и политических отношений, экологи чаще говорят об «использовании ресурса», экономисты же – о «покупке товаров и услуг». Экологи обвиняют экономистов в том, что те поклоняются некой сверхъестественной силе под названием «рынок» и уклоняются от вопроса о пределах роста. Экономисты же считают, что со своим алармистским подходом экологи мыслят статистическими пределами, игнорируя историческую динамику смены «жизненно важных ресурсов»: когда стал иссякать китовый жир, открыли нефть; когда урожаи перестали расти, появились удобрения, а когда изобрели оптоволокно, упал спрос на медь. Собственно, понятие «конструирования ниши», подразумевающее способность людей создавать новые возможности для себя и повышать продуктивность своих хабитатов, также из арсенала экологов.

Таким образом, идеология «ресурса» жестко связана с понятием человеческой жизни как предельной и краткосрочной перспективы. Ресурс – это всегда что-то ограниченное, сокращающееся, невозобновляемое, и потому имеющее особую ценность, значимость и причину для борьбы за него. Один из самых распространенных вопросов о нефти: когда ее запасы закончатся, если закончатся? Может ли нефть вообще закончиться? Один из министров Саудовской Аравии прославился своей фразой: «Каменный век закончился не из-за нехватки камня».

Проблема в том, что нефть и газ, как и другие полезные ископаемые, не напрямую связаны с ограничениями и нехваткой, якобы обуславливающими их высокую стоимость. Эти свойства они приобретают, будучи записанными в разряд жизненно важных ресурсов. В своей знаменитой работе «Carbon Democracy» Тимоти Митчелл описывает «социально-энергетический метаболизм» современности как постоянную трансформацию углеводородного изобилия в систему ограниченных ресурсов⁶. Навыки добычи полезных ископаемых обеспечили человечеству экспоненциальный

экономический рост на протяжении двух столетий и снабдили такой формой энергии, которая ускорила и сжала временные и пространственные условия его существования. Это обусловило существование городов, размеры которых почти ничем не ограничены и не нуждаются в соседстве с сельхозугодьями. Энергетическое изобилие в сочетании с сетевой системой транспортировки постоянно обостряет вопрос о контроле и конкуренции за добычу и продажу. Нефтяные компании, как пишет Митчелл, столкнулись с вызовом их контролю над рынком сырья: для того, чтобы его сохранить, необходимо было научиться замедлять и ограничивать циркуляцию нефти. Метод «капитализации неэффективности» позволил компаниям взять под контроль те «бутылочные горлышки», через которые проходят нефтяные потоки, ограничивая развитие конкурентных каналов и зарабатывая на этом.

Антропологические штудии нефти и газа долгое время ограничивались исследованиями энергообмена в экологической парадигме. В ней источник и ресурс (source and resource), как запас и условие – инструмент достижения целей, тесно сближаются друг с другом, почти сливаются. Здесь идеология ресурса как условия не просто жизни, а выживания, очень близка пафосу этнографических репрезентаций. В одном из ридеров по энергетическим исследованиям авторы подборки напрямую ставят перед собой цель «сбить спесь, которая подвергает риску наше выживание. Наш народ, наше общество и наша хрупкая демократия нуждаются в такой философии 21 века, в которой выживание (survival) должно быть на переднем плане государственной политики, в том числе энергетической» (The Energy Reader 2010: 2). Так, с помощью ресурсного подхода, рефрен «выживания-вымирания» переносится с «аборигенов» на «наше общество» и «хрупкую демократию».

Биополитика. Управление жизнью

Идеология жизненно важного ресурса подразумевает использование целым рядом социальных дисциплин категории «жизни» в качестве ключевой в объяснении энергетических отношений – социальноэнергетического метаболизма – и политики. Это понятие

хорошо маскирует властные отношения, возникающие вокруг контроля энергетических ресурсов. На его кажущейся объективности строится та форма власти, характерная для постсовременности, которую Мишель Фуко в своих лекциях 1978–1979 гг. назвал биополитикой. Она приходит на смену дисциплинирующей власти над индивидами, оформляется как «регулирование жизнедеятельности населения», и в ее область входит контроль над населением (статистический мониторинг), 2) контроль над недееспособной в трудовом отношении частью населения, 3) контроль над средой обитания населения. Чем больше такая власть претендует на управление большими группами, оперируя «естественными» показателями жизни, тем более отстраненной, менее заметной и более непосредственной она становится, передавая целые сегменты контроля во внутригрупповое самоуправление⁷.

При этом, при всех различиях, например, либерального и социалистического «управленческого разума», вектор развития и того и другого один и тот же: от разных форм контроля к менее персонализированному, но тотальному контролю над обществом. В либерализме и неолиберализме этому посвящено создание «публичной сферы», которая оттягивает на себя самоопределение индивида и создает видимость «невидимости» государства. В советской системе это были тотальное, телеологическое планирование и сцепка систем жизнеобеспечения и промышленного производства, где государство, разумеется, декларативно присутствует везде, но оно не менее деперсонализировано.

Стивен Кольте, анализируя в своей книге «неолиберальный» постсоветский транзит, начинает с характеристики последствий советского проекта освоения территории, который включал в себя создание сети урбанизированных поселений, объединенных в той или иной степени централизованной системой жизнеобеспечения. Сразу же после крушения СССР встал вопрос о выживании этих городов, промышленные центры которых перестали быть эффективными уже в эпоху застоя, а после перестройки, в большинстве своем, прекратили работать. Но одним из следствий системы советского социалистического планирования было то, что, вопреки очевидности, экономические сдвиги не вызвали волны социальной

мобильности: население оказалось как будто приклеенным к местам проживания. «Трубы, многоквартирные кварталы, радиаторы и бойлеры, потоки бытового газа, горячего отопления, топлива и рублей и привычки бюрократов, которые ничего не делали, но никуда не делись, – все это, как оказалось, держит и связывает людей вместе, – пишет Колье. – Промышленное сердце Белой Калитвы [город в Ростовской области. – Е.М.] – алюминиевый комбинат – было разбито. Но рутинные системы поддержания повседневной жизни – элементы экономики жизнеобеспечения, городское хозяйство – каким-то образом выжили» (Collier 2011: 7)⁸.

Все эти материальные системы подключения населения к централизованной системе снабжения, а города – к национальным механизмам экономического регулирования, обеспечивали советский тип социалистического модерна – «инфраструктурного модерна». Они стали видимыми, когда оказались как будто бы на грани разрушения. Они превращали городские хозяйства в объединенные общей судьбой социальные единицы. Демонтировать их можно было только вместе с поселениями, и их демонтаж воспринимался как политическое посягательство не просто на права, а на жизнь населения. В итоге «неолиберальные» реформы свелись к точечному включению микроэкономического регулирования.

Аргументация советских планировщиков-телеологов переключается с аргументацией Тимоти Митчелла, когда он пишет о «гидрокарбонатной демократии». Так же как открытие нефти через изменение способов транспортировки качественно изменило форму зависимости населения от ресурса, так же и при социализме, с точки зрения телеологов, отпала необходимость привязывать города к перекресткам путей и водным артериям. С открытием электричества изменилась значимость ресурсных центров, поскольку есть энергетическая сеть, а источники энергии могут быть расположены везде. Главный и решающий аргумент: промышленный город должен быть неразрывным целым с общим промышленным планом. Способ расселения и поселения должен зависеть от распределения, размещения индустрии.

Таким образом, неотъемлемой характеристикой биополитики как власти и управленческой рациональности является склейка с

«жизнью», определение последней через «нормы» и «потребности» и самооправдание с помощью идеологии ресурса как борьбы за жизнь.

Но для кого нефть и газ – ресурс в таком его понимании? И каковы свойства этого ресурса? И как они определяются и используются в одном из доминирующих нарративов современности об энергии и жизни? Ответами на эти вопросы, во многом, занимается современная «антропология нефти». В ней акцент делается на том, что «наша зависимость от нефти одновременно материальная и дискурсивная» (Huber 2015: 31), поскольку нефть играет ведущую роль в современном производстве «жизни».

Нефть включена в третью составляющую биополитики – контроль над средой обитания населения, повседневную географию жизни. Она конституирует режимы жизни – «хорошая» или «плохая», «цивилизованная» или нет, т.е. полноценная или неполноценная жизнь. В США, после Великой депрессии, в рамках «Нового курса» были предприняты меры по регулированию добычи, и Бюро по полезным ископаемым выпускало прогнозы о потребности в сырой нефти на национальном рынке. Подсчет потребности велся на основе статистики «жизненных показателей» населения: число зарегистрированных автомобилей и печей. Цель: соблюсти баланс между достаточно высокими ценами на нефть, чтобы обеспечить прибыль добытчиков, и достаточно низкими, чтобы поддерживать бум потребительского спроса на товары. По этой модели была создана и работала ОПЕК. Таким образом, режимы жизни – дом на одну семью, наличие автомобиля и других товаров – были приравнены к самой «жизни». Государство, регулируя рынок, как бы претендовало не на регулирование цен непосредственно, оно лишь обеспечивало рынок экспертной информацией о потребностях населения (Huber 2015:43).

Таким образом, государственное присутствие в регулировании ресурса может быть разным – тотальной склейкой производства и норм жизнеобеспечения в светском модерне или товарном опосредовании контроля этих норм, но основа этого контроля практически идентична: признание за источником энергетического сырья статуса жизненно важного ресурса.

Есть группы и места, в которых биополитика, основанная на дискурсе о ресурсе, способствует расползанию серых, неподконтрольных, эскапистских зон. В этих случаях аборигены Севера и жители районов Подмосковья без газа одинаково относятся к управленческой рациональности – исключаются из нее. Подмосковье с газом и без газа – это две разных «жизни»: приличная, включенная, обеспеченная необходимым продуктом потребления, следовательно, подконтрольная, против диковатой, самостоятельной и неподконтрольной. Но в любом случае «истории о газе» – перипетиях включения и «исключения» – легитимирующие нарративы различных «загородных» и «лесных» сообществ. Складывается парадоксальная ситуация: материальной зависимости от «ресурса» как будто нет, но дискурсивная с лихвой материальную восполняет.

Дискурсивная зависимость

Исследование того, как зависимость от нефти связана с качествами этого ресурса, – еще одно направление «антропологии нефти», в которой материальная составляющая зависимости изучается через формы доминирования и борьбы за ресурс в контексте «нефтяного проклятия», а дискурсивная – через те метонимии, в которые превращают нефть разные агенты публичного высказывания в современном мире, в том числе науки об обществе.

Дискурс о «жизненно важном ресурсе» поддерживается не только с помощью алармистских опасений его конечности и ограниченности, но и с помощью сакрализации его свойств, окружения его ореолом исключительности и загадочности. Коллективная монография «Подземные владения» («Subterranean Estates») открывается наблюдением о том, что вход в мир нефти и газа всегда вызывает «интеллектуальное головокружение» (*intellectual vertigo*) (Appel, Mason, Watts 2015: 8). Затруднения, сомнения и неясности возникают вокруг, казалось бы, самых базовых, эмпирических показателей: соотношения добываемой нефти и общего объема ее запасов, ценообразования, рыночного оборота. Крупнейший африканский экспортер нефти – Нигерия – вообще не имеет системы оценки количества добываемой и экспортируемой нефти. «Отсутствие про-

зрачных данных» и «рациональная иррациональность» – рациональные интересы отдельных игроков приводят к социально иррациональным последствиям и антирыночному безумию – стойкий контекст рассуждений о ресурсе.

С экономической точки зрения, нефть слабо корреспондирует с рыночными факторами, и нет такой экономической дисциплины, которая была бы успешна в оценке энергетических рынков. Не очень успешны социальные дисциплины и в исследованиях взаимоотношения человека и ресурса. Само словоупотребление – безумие, проклятие – свидетельствует о том, что эта сфера с трудом поддается рационализации. Экономика, экология, социология, антропология имеют дело с целым клубком противоречивых и повторяющихся сюжетов, связанных с нефтью. Нефть торгуется на мировых биржах не в физическом своем качестве, а на бумаге, что порождает рынок фьючерсов и других финансовых ценных бумаг и институтов. Из нефти, благодаря совместным усилиям добывающих компаний и государства, в таких местах, как Россия или Венесуэла, вырастает чувство национальной общности и принадлежности. Понятие «нефть» уравнивается с понятием «государство» (и это справедливо не только для африканских нефтяных государств (petrostates): капитализация и доля рынка, занимаемая национальными нефтяными компаниями по всему миру сегодня, значительно превышают те, которые занимают крупнейшие частные нефтяные компании, абсолютно доминировавшие в 1970-х (Seven Sisters – ExxonMobile, BP, Shell, Chevron, ConocoPhillips, Total, ENI). Расширяется сеть экспертизы глобального нефтяного производства, включающая в себя не только геологов и химиков, но и консультантов, аналитиков, предсказателей, «производящих алхимию интерпретаций и консенсус по поводу всего – от инвестиций до законодательных новаций»¹ (Huber 2015:21–26).

Вопрос, которым социальные исследователи неизбежно должны были задаться: как возможна ситуация, когда нефть одновременно не поддается пониманию, вызывает intellectual vertigo и является объяснением для всего подряд, синонимом самой жизни? С помощью каких историй о человеке, природе и власти это происходит? И кому принадлежит право собственности на авторство таких

историй? Может быть, секрет всемогущества нефти кроется как раз в том, что социальные науки часто используют это понятие в качестве метонимии: нефть как современность, деньги, геополитика, насилие, супертovar?

Нефть связывается с важнейшими метафорами, гнездящимися в разных дискурсивных полях:

- патологии развития (авторитаризм, насилие, коррупция и т.д.). Политика нефти – это только извлечение ренты, и нефть возвращает естественный процесс развития. Нефть здесь – это, в первую очередь, деньги;
- корпоративизм и геополитика. Пик добычи и запасов нефти провоцирует геополитические войны и конкуренцию. Нефть – это вся послевоенная (после холодной войны) политика и национальная безопасность. Нефть – метонимия всего геополитического насилия, в том числе – «исламского радикализма»;
- нефть и образ жизни, уровень потребления. Нефть, как кровь, течет по всей нашей жизни, но социальная цена за многие из благ, которые на ней строятся, – зависимость. Нефть здесь – биополитика;
- нефть присутствует в социальной образности – «течет» из воображаемого крана, «бьет фонтаном» из буровой скважины, становится «черным золотом», «глубокой культурой» и т.д. Визуальная культура щедро изображает нефтяное проклятие, оркестрируя пафос (*Huber 2015: 21–26*).

В массовом воображении (*popular imaginary*) нефть – это то, что ассоциируется, например, в США не со своей территорией и политикой, а с политикой ближневосточных деспотов, а в России, напротив, с национальной собственностью и гордостью. Политики Восточной Азии ориентировали элиты своих стран на будущий успех через инкорпорацию их в глобальную экономику, а в Латинской Америке всегда сильным было национальное начало в качестве социального воображаемого: нефть в коллективных представлениях должна была работать на построение государства, где богатство будет распределено между всеми (*Gledhill 2011: 168*). Благодаря сильной социальной компоненте построения «новой социальной общности – советского народа» и идеологии коллектива, добыча

нефти и газа на Севере России была вписана в особый социально-политический контекст: не насильственное извлечение чужих ресурсов, а работа на общее дело. Этот контекст объединял самые разные группы – приезжих «покорителей Севера» и коренные народы – в единую модернизационную повестку. Одновременно ситуация в Чечне 1990-х годов походила на гоббсовскую войну всех против всех, а чеченская нефть не стала источником интеграции для строительства государства, как это произошло в Азербайджане, Башкирии, Татарстане, Туркменистане, а стала объектом соперничества разных клиентелл Чечни – олигархов, нефтяных баронов, боевиков. Государство, кем бы оно случайно не управлялось, было назойливым препятствием для их грабительской активности (*Khizrieva, Reyna 2011: 294*).

Таким образом, в коллективном воображаемом тропы героизма и предпринимательства соседствуют с подозрительностью по отношению к коррупционной и насильственной природе нефти.

Авторы различных «антропологий нефти» придирчиво рассматривают эти дискурсивные поля, которые делают нефть тотальностью, сводя множественность к метонимии. Основной методологический подход такой «критической топографии» – стремление описать нефть как *agencement* – эмпирическую и опытную множественность: мелкие нефтяные компании, финансовые и страховые организации, коммунальные службы, сфера потребления, сфера производства знаний и субъектности и др. Таким образом предполагается противостоять метонимическим регистрам нефти, в которых она – все что угодно (деньги, модернизация, насилие, образы массовой культуры), но редко – явление как таковое со всеми технологическими возможностями (*Appel, Mason, Watts 2015: 17*). Тимоти Митчелл обратил внимание на то, что структура нефтяной индустрии редко исследуется в социальных науках, потому что она представляет собой стандартную форму – модель – для всех базовых энергетических отношений современного общества. Отправной пункт – рассматривать нефть как глобальную производственную сеть из институтов и режимов накопления и регулирования. Близкий к подобному акторно-сетевому подходу предлагает и Стивен Колие: рассматривать «рынок» и «общество» не как

предзаданные сущности, но как объединения исчисляемых субъектов действия. Это думающие субъекты – не в смысле абстрактно мыслящие или зафиксированные в эпистеме, но занятые в практико-критической активности, посредством которой, как цитирует Колье Пола Рабиноу, «исторические конъюнктуры превращаются в концептуальные и практические проблемы» (*Collier 2011: 28*).

В исследованиях ресурса и инфраструктуры антропология вынуждена поступиться некоторыми из своих инструментальных ценностей в пользу подхода, адекватного объекту. Колье прямо признается, что его книга – не этнография с обширным цитированием разговоров в поле, поскольку последняя не позволяет ему ответить на вопросы, которые он перед собой поставил. Этнография была изобретена в отношении к специфической теории антропологического объекта – культуры или этноса. Для других типов объектов в современной антропологии резонно спросить, насколько этнография как инструмент подходит для их исследования?

Авторы другой коллективной монографии по «антропологии нефти» сетуют, что они упустили время, когда специалисты-смежники разрабатывали теории ресурсного проклятия в 1980-е гг. Тогда антропологический цех, с их точки зрения, погряз в постмодернистских играх. А были, оказывается, вполне конкретные предметы, по поводу которых антропологи могли бы сказать свое веское слово. «Рой Раппопорт в пору своего президентства в ААА (1987–1989) побуждал дисциплину внести свой вклад в формулирование проблемы общественного управления сферой добычи нефти и газа. Но многим антропологам тогда эта тема казалась неинтересной и периферийной. Зачем тогда было заниматься этим антропологам, когда они как, например, авторы сборника “Writing Culture”, могли заняться ловлей куда более “жирной рыбки” и других постмодернистских деликатесов? В итоге сегодня NYT [New York Times. – Е.М.] не сообщает о триумфах в антропологическом анализе нефти, а публикует программы Пентагона по подключению антропологов к усилиям американской армии по ведению колониальных войн в Ираке и Афганистане», – негодуют и иронизируют одновременно Стивен П. Рейна и Андреа Берендс в первой главе «Crude Domination» (*Reyna, Behrends 2011: 9*).

Дискурсивная зависимость от метонимии нефти – основной предмет Дугласа Роджерса (*Rodgers 2015*). С точки зрения Роджерса, изучение петрогосударств – нефти в национальном масштабе – долгое время блокировало изучение нефтяных регионов. Сам Роджерс сосредоточивает свое исследование на одном из старейших нефтяных регионов России – Пермском крае (нефть здесь была открыта в 1929 г.). Начиная с упоминания о популярности в науке и искусстве XX в. исследований так называемой жидкой или текучей современности (*liquid modernity*): от железа к нефти, от твердого к текучему, от *mining* к *drilling*, Роджерс изучает место, которое занимают материальные качества нефти в социальной и культурной жизни. Еще одним важным исследовательским контекстом для антропологии нефти Роджерс считает ситуацию неоинституционализма (Дуглас Норт, Этьен Балибар, Иммануил Валлерстайн) – режима экономической ренты, когда контроль над промышленностью сопровождается не менее важным контролем над производством истории и культуры. Социалистические государства, с его точки зрения, во многом были сродни нефтяным государствам – политика играла огромную роль в оформлении государственной экономики. Как и социалистическое государство, нефтяные государства играют огромную роль в производстве культуры – «не просто “садовом” варианте культуры, но искусном (тщательно проработанном) спектакле – больших представлениях и праздниках» (*Rodgers 2015: 17*). В этом же ряду – использование истории как «естественного» национального ресурса.

В России после перестройки нефть «приобретает» ряд свойств, которые были незаметны, не востребованы в дискурсе прежде: становятся известны подробности разливов нефти и прочих «особенностей» нефтедобычи, которые не афишировались в советских медиа, осознается конвертируемость нефти в деньги, возникают реалии «собственности» на нефть, наконец, нефть ассоциируется с идентичностью как на национальном, так и региональном уровне («пермская нефть утекает в Центр», не нефтяной район в Пермской области не может объявить себя «культурной столицей», как другие, потому что «у нас нет нефти» и т.д.). «*Petrolic semiosis*», нефтяной семиозис, становится доминирующим и реализуется сначала в

форме социальной корпоративной ответственности, которая заменяет социальную политику, а потом вновь встраивается в большой национальный нарратив о “недрах как основе национального благосостояния и гордости”». Роджерс настаивает на том, что «птичий», заимствованный из привнесенных программ и аудита язык только лакировал в 1990-х дискурс, строившийся из «руин советского культурного конструкта и всепроникающей озабоченности поверхностными и глубокими смыслами вещей – от души до долларовых счетов» (Rodgers 2015: 69).

Для изучаемого Роджерсом пермского региона особое значение играет глубина залегания нефти, метонимически «рифмующаяся» с «глубиной» культуры (глубокая нефть, глубокая история, культура и душа...). Роджерс показывает, как одно материальное качество нефти – подземная глубина – обеспечивает важнейший семиотический якорь для локального дискурса о нефти, вне зависимости от того, кто является его доминирующим субъектом. В Перми 2000-х им стала корпорация «Лукойл», инициировавшая практику корпоративной социальной ответственности. Это государственно-корпоративное партнерство заменило собой инициативы гражданского общества. К середине 2000-х «Лукойл» взял на себя в регионе практически всю публичную сферу: от здравоохранения и экологии до спорта и культуры. Он стал координатором различных социальных взаимодействий – роль, которая обычно приписывается государству. Только к концу 2000-х корпорации начали освобождаться от нематериальных активов и уходить от подобной активности. Затем корпоративные программы «Лукойл» заместились полновесным государственным спектаклем, однако по своему рефрену эти репрезентации оказались преемственны друг другу, как и советскому «спектаклю» в прошлом.

Форма этой репрезентации, по наблюдениям Роджерса, есть сага о пространствах и временах пермского региона. При наблюдаемых им на протяжении полутора десятилетий быстрых и значительных административно-территориальных изменениях, меняющих карты региона, постоянным компонентом оставалось и остается «производство, циркуляция и потребление определенных видов темпоральности» (Rodgers 2015: 22). Время пластично в этой

игре, но сама игра постоянна. Глубина залегания ресурсов, рождение которых относится к очень отдаленным геологическим эпохам, сопрягается с «глубиной» культуры: пермский звериный стиль, строгановская индустриализация – первая по своим масштабам в России, «Лысьва – месторождение культуры», пермский геологический период, упоминающийся в истории «Лукойла» и возводящий ее к незапамятным временам. Все поездки Роджерса в регион сопровождались празднованиями каких-нибудь очередных «юбилеев»: 20 лет «Лукойлу», 75 лет пермской нефти, 395 лет Перми, 5 лет Пермскому краю, юбилеи окончания войны, 580 лет с основания Соликамска и т.п.

Слишком подвижные времена и пространства одного конкретного региона, с точки зрения Роджерса, ограничивают для антрополога возможность оперировать столь обобщенными категориями, как «социализм» и «постсоциализм», «советскость» и «постсоветскость». В каждом регионе необходимо изучать свои формы преемственности в сказаниях о «ресурсе», которые рассказываются корпорациями и государством, местными властями и героями о самих себе.

Чужая «сказка о нефти»

Троп «глубокого залегания» и «добычи» культуры как ресурса в какой-то мере был позаимствован и утвердился в «аборигенном» дискурсе. Это две стороны одной медали: чтобы противостоять и нивелировать свою исключенность из рентно-ресурсных отношений, коренные жители дискурсивно зеркалят себя в этих отношениях как группу и таким образом встраиваются в эти отношения. Они разрабатывают свою культуру как нефтяное месторождение и этнографическое исследование, которые оказываются двумя сторонами ресурсной медали. Это характерно, конечно, в первую очередь, для так называемых “профессиональных” ханты, ненцев, чукчей и т.д. – локальных культуртрегеров.

Марисоль де ла Гадена обращает внимание на то, что включение в ресурсную парадигму предполагает своеобразное предательство тех самых Earth Beings, которые на самом деле могли бы быть ресурсом в отношениях с добывающими компаниями, поскольку

они взламывали бы, подрывали, деконструировали бы самую основу этих отношений, лишая их навязанной исторической легитимации (*De la Gadena* 2015). Вновь вспоминая кино, можно привести здесь в пример сцену из фильма Вернера Херцога «Там, где мечтают зеленые муравьи»¹¹, в которой в качестве последнего и предельного доказательства своего права на землю группа аборигенов предъясняет в зале суда тотемный столб. Абсолютная невключенность такого рода доказательств в легитимирующий дискурс подрывает, останавливает судебный процесс, чей ход, казалось, предопределен.

В России на такой вариант сопротивления нефтяному доминированию – деланию зримой неактуальность «сказки о нефти» для всех с помощью демонстрации исключенности аборигенов из этих отношений, обращают внимание немногие исследователи, и среди них Наталья Новикова, которая много пишет об «ойлизме» – слиянии власти промышленных компаний и государства на региональном уровне, особенно на примере ХМАО, который часто расшифровывают как «Ханты-Мансийский акционерный округ» (*Новикова* 2014). Долгие годы исследуя сложность применения обычного права для регулирования земельных и других локальных конфликтов, Наталья Новикова отмечает места нестыковки ценностно-правовых систем.

Наиболее интересный аспект темы – это рассмотрение категорий земли, владения, традиции, будущего в комплексе представлений равно аборигенов и нефтяников. Разные пересекающиеся перспективы создают парадоксальную картину, в которой одни и те же элементы ландшафта маркируются не просто по-разному, а в конфликтном стремлении перечеркнуть и обесценить иное обозначение. В итоге одна и та же территория для каждого участника конфликта – и «своя» и «чужая» одновременно. Для «охотника» она «своя» – родная, единственная и кормящая; и «чужая» – захваченная нефтяниками. Для нефтяников она «своя» – героически освоенная и важная для всего государства и «чужая» – временная, откуда можно и нужно уехать в более благоприятные условия. Разница очевидна: если нефтяник попадает в перспективу охотника, то абориген в перспективе нефтяника просто отсутствует. Для мировоззрения охотника важны обратная связь с землей, восприя-

тие ее в качестве судьбы, для нефтяника важны представления о его собственной избранности и значимости, а данная территория – инструмент. Можно ли совместить эти два мировоззрения?

В ответе, который Наталья Новикова предлагает, она одновременно фиксирует принципиальные различия двух миров и при этом не оставляет надежды их примирить: можно, говорит она, ведь охотникам нужны поверхностные, возобновляемые ресурсы на земле – пастбища, звери, птицы, а нефтяникам – то, что в земле. Для тех и других должно быть важно, чтобы их ресурс не иссякал и возобновлялся. И, в идеале, именно охранные, берегающие идеологии и технологии должны лежать в основе взаимодействия. Им должна отвечать и терминология объекта сбережения – территория (поскольку для аборигенов не «земельный участок» с частной собственностью на землю важен, а общественный характер отношения к земле как территории, что не исключает индивидуальных прав).

Такой подход, однако, близок к тому, чтобы совместить несовместимое – развести ресурсные сферы «нефтяников» и «охотников» и при этом сохранить и расширять пространство диалога между ними. При хорошо разработанной законодательной базе, например в Ханты-Мансийском автономном округе, конфликты охотников и нефтяников, тем не менее, не прекращаются. Приходится без конца констатировать, что в основе их мировоззренческий дисбаланс – не в неспособности понимать доминирующим большинством «нефтяников» позиции меньшинства «охотников», а в отсутствии доверия и уважения к позиции «диких аборигенов, живущих на земле нашего месторождения» (Новикова 2014: 211). Несмотря на «экологическую идеологию» корпораций и «аборигенную политику» в программах социальной ответственности, нефтяники одержимы идеей своей исключительности в социально-экономической и политической системе РФ, которая не способствует ощущению сопричастности жизни местного сообщества, соседства.

И в этом смысле призывы преодолеть мировоззренческую пропасть, используя якобы общее для нефтяников и охотников понятие территории, явно не достигает адресата. Территории у тех и других – разные, даже при том, что физически они совпадают. В одноименном фильме о героях Севера на их «территории» «охот-

ников» вообще нет, за исключением одного лубочного персонажа на нартах, соответствующего «сказанию о добытчике».

Ресурсное проклятие

Борьба за то, чтобы вписаться в ресурсные отношения, – это составляющая модуса доминирования, который получил название «ресурсное проклятие» и стал в последние годы предметом исследования в «антропологии нефти». Один из авторов коллективной монографии «Грубое доминирование. Антропология нефти» («Crude Domination»), Стивен П. Рейна, описывает структуру и функцию ресурсного конфликта через двойственный процесс конституирования империализма ведущими конкурентами за ресурсную ренту, с одной стороны, и конструирования культурного желания сопротивляться ему, используя субъективные ресурсы коллективного воображения, на уровне локальных сообществ, – с другой (Reyna 2011: 135), Сопротивление невозможно без активации укорененных в социальном дискурсе сюжетов и образов в мировоззрении, которые стимулируют эмоцию страха и протеста¹⁰.

Авторы сборника выделяют ключевой концепт инодисциплинарного анализа – «нефтяное проклятие», как вариацию ресурсного проклятия в целом. С помощью этого понятия описывается ситуация с эксплуатацией избыточного природного ресурса – от добычи серебра в Испании XVI в. до современной добычи природных ископаемых, при которой развивается так называемая голландская болезнь: государства превращаются в рантье, сосредоточенные на извлечении и перераспределении природной ренты и пренебрегающие ради этой цели развитием всех остальных средств производства. В итоге хиреют другие отрасли промышленности и сельское хозяйство, гипертрофированно развиваются сфера услуг и транспорт. Экономисты считают, что нефтяное проклятие сопровождается высоким уровнем вражды потому, что возможности важнее для объяснения конфликта, чем его мотивы: избыточные ресурсы обеспечивают возможностями контроля над ними и, таким образом, провоцируют конфликты. Политологи объясняют особенности политических институтов, формирующихся в процессе борь-

бы за ренту: в погоне за этой самой рентой объединяются интересы властных и частных групп, а индивиды, организации и компании получают деньги в процессе манипулирования политическим или экономическим окружением, а не в результате производственной или торговой активности как таковой. Получила распространение у политологов и теория неопатримониального государства (neopatrimonialism), особенно в связи с современными африканскими нефтегосударствами (petrostates), когда институты власти присваиваются формальными функционерами, политиками и силовиками, чье господство основывается на приватизации *res publica* и которые действуют так, как будто государство – их вотчина (patrimony).

Квинтэссенция концепции ресурсного подхода в констатации «безумности», нерациональности этого проклятия: изобилие, которое должно вести к благу и процветанию, приносит вред, вражду и разложение институтов, складывание авторитарных политических режимов. Приводя в качестве примера Испанию XVI–XVII вв., Джонатан Фридман цитирует испанского автора того времени, отмечавшего, что богатые серебряные рудники и концентрация на добыче и продаже серебра привели к тому, что «богатство Испании утекает к ее врагам» – воинственная держава в результате снабжала сырьем для оружейной промышленности тех, с кем воевала. То есть ресурс влияет на социальные отношения и действие таким образом, что помещает этот конфликт в разряд безумных, необъяснимых. Саму нефть многие из участников игры-битвы за нефтяную ренту в глаза не видели, и ее ценность в качестве сырого продукта для них неочевидна и непонятна. Но на выходе вместе с сырым продуктом проявляется такая же «сырая», грубая власть, доминирование в чистом виде, приводящее к самому непосредственному использованию и регулированию жизни подчиненных групп и зачастую войне всех против всех (Friedman 2011: 36–38).

Авторы «Crude Domination» ставят перед собой задачу подвергнуть это «безумие» деконструкции. Они предлагают осмыслить «нефтяное проклятие» как аспект «доминирования в чистом виде» – «нефтяного модуса доминирования» (Oil Mode of Domination, OMOD), и вписаться таким образом в междисциплинарный исследовательский дискурс. Проклятие – это результат не

просто борьбы за ренту, но борьбы за власть, в которой важна постоянная демонстрация силы, в том числе символическая. Власть, построенная на нефтяном ресурсе, подразумевает процесс получения социального капитала группами в результате регулирования места и поведения других групп. В статьях авторов коллективной монографии исследуются ситуации «нефтяного проклятия» с разным уровнем государственного вмешательства, разным составом игроков в борьбе за нефтяную ренту, разным качеством конфликта вокруг нефти.

Деконструкция пафоса «ресурсного проклятия», однако, оказывается не простым делом и, как всякий анализ актуальности, компенсируется новым пафосом в виде спорных антиглобалистских и антинеолиберальных сентенций, например, о Венесуэле при Уго Чавесе как об «устойчивой участвующей демократии» (*sustainable participatory democracy*), проводящей политику нефтяного национализма (*Schiller 2011: 190–193*). Используя пример российских «северов», Флориан Штаммлер приходит к выводу о том, что «не обязательно должна быть корреляция между свободой и демократией в государстве и мирной добычей минеральных ресурсов. На Севере России нет нефтяных войн даже в отсутствии демократии» (*Stammler 2011: 264*). Галина Хизриева и Стивен П. Рейна пишут о Чечне, в которой люди «предпочитают террористов, поскольку они помогают им избежать авторитарного правления и оправдывают свою жестокость сопротивлением внешнему доминированию» (*Khizrieva, Reyna 2011: 294*).

Всего несколько лет спустя (книга вышла в 2011 г.), мы узнали, чем обернулась «участвующая демократия» в Венесуэле, насколько спорна постановка вопроса, стоит ли реструктуризировать гражданское общество в России, если нефть в одной ее части добывается бесконфликтно и без демократии, учитывая, что в другой ее части это сопровождалось несколькими войнами, а использование экспорта газа превратилось в геополитическую дубинку с трагическими последствиями. Вопрос, возможно ли авторитарное управление в Чечне, сегодня и вовсе превратился в риторический.

Один из авторов монографии, Гюнтер Шлее, как бы подводя ей итог, признает: непосредственной склейки между природой ре-

сурса («сырая, грубая нефть») и характером конфликта вокруг него («сырая, грубая власть») нет. Не существует ресурсного конфликта самого по себе. Он ставит вопросы, с помощью которых можно было бы по-другому подойти к исследованию «нефтяного проклятия» в антропологии: как конфликт вокруг ресурса переводится на рельсы этничности, как происходит идентификация своего и чужого, участника и конкурента? Как нефть превращается в проблему конфессии или национальности? Не стоит ли сделать акцент на том, что на разном уровне различные игроки ведут несколько войн с разными целями одновременно, используя «ресурсное проклятие» в качестве идеологического зонтика для борьбы, вражды и насилия?

Вместо заключения

Таким образом, переход от метонимии к исследованию агентности нефти привлекает и удовлетворяет не всех антропологов. Для многих из них деконструкция метонимии нефти с целью изучения дискурсивной зависимости от ресурса гораздо интереснее, чем изучение форм жизни самых разнообразных ресурсных акторов – равно человеческих и нечеловеческих. На этом пути исследователей, с одной стороны, поджидает опасность увлечься «этнографией государств и корпораций», субстантивировав и превращая в акторов средоточие отношений и противоречий. С другой стороны, акторно-сетевой подход, применяемый к изучению нефти, часто буксует в болоте дискурсивных полей, намешанных вокруг качеств и свойств ресурса. То есть маятник от метонимии и обратно раскачивается в антропологии ресурсных отношений с довольно большой амплитудой.

Изучение нефти как «сказки не про все» и не про всех, остранение ресурса позволяют антропологам взглянуть на суть конфликта вокруг извлечения ресурсной ренты по-другому. На поверхности этот подход напоминает старую добрую адвокатуру по отношению к аборигенным группам в их борьбе за землю и иные возобновляемые ресурсы, но на деле он направлен на деконструкцию «конфликтного консенсуса», когда коренные и иные сообщества вовлекаются в ресурсный конфликт якобы за общий и одинаково

ценный для всех ресурс. «Выключение» из этого дискурса позволяет не просто обнажить ценностные разрывы и дезавуировать «рациональность» и «универсальность» ресурсных отношений по модели «сказки о нефти», но поставить вопрос об отправной точке социального конфликта-договора: что и для кого есть ресурс?

Общесоциологический контекст биополитики и неoinституционализма помогает вынести с поля боя ресурсного конфликта своих «раненых» – антропологов, которые пошли в атаку на нефть поздно и попали не просто под артиллерийский обстрел, а в самое пекло. Что может нового сказать «антропология нефти» о ресурсе, ресурсном проклятии, ресурсной зависимости? В контексте биополитики – то, какими способами, с помощью каких инструментов что-либо, например горячее топливо, текущее по трубе, номинируется на роль собственно жизни.

В 2008 г. в пустыне Ика палеонтологи нашли останки древнего кашалота, который обитал в океанах предположительно около 12–13 млн лет назад. Длина тела животного составляла свыше 17 метров, зубы у него были до 36 сантиметров в длину и 12 сантиметров в ширину. Аналогов этому виду не найдено. Это – единственный вид *Livyatan*. Ученые придумали ему остроумное и показательное имя – *Livyatan melvillei*. Первая часть названия взята из Ветхого Завета, вторая же – в честь Германа Мелвилла, автора «Моби Дика». Трудно быть более разоблачительным по отношению к научному воображению: назвать то, что не укладывается в таксономические ряды и давно вымерло, метафорой и дать ему фамилию одного из авторов метафоры. Другой актуальный пример: американская нефтяная компания Noble Energy назвала именем Левиафана газовое месторождение, открытое ею в 2010 г. на шельфе Левантийского моря, на морской границе Израиля с Ливаном.

С каждым годом имя мифического чудовища все чаще встречается в разнообразных номинациях: возникает все больше границ в познании, на которых вдруг вырастает тень чудовища, что-то скрывающего, стерегущего и вызывающего на сражение за что-то, цена чему – сама жизнь. Метафоры и метонимии упорны живучи, и сказание о ресурсе воспроизводится с паразитической устойчивостью,

оставляя, таким образом, широкое поле для исследований взаимозависимости социальности и качеств жизненных ресурсов.

Примечания

- ¹ <https://www.kinopoisk.ru/film/463893/>
- ² <http://sputnikipogrom.com/history/52902/where-oil-lives-1/#.V9fVazv-reQ>
- ³ <http://burneft.ru/archive/issues/2013-11/1>
- ⁴ <https://www.kinopoisk.ru/film/601933/>
- ⁵ *Ridley M.* The World's Resources aren't Running Out. <http://online.wsj.com/news/articles/SB100014240527023042799045795178626122871>
- ⁶ *Митчелл Т.* Машины демократии. <http://www.nlobooks.ru/node/3433>
«Для того, чтобы представить себе эту компрессию, достаточно вспомнить, что один литр бензина, используемого сегодня, требует для своего производства около 25 тонн древней морской жизни. Или же – что для формирования запасов органического топлива, сжигаемых нами в течение одного года, нужна органика всех растений и животных Земли, скапливавшаяся на протяжении 400 лет. Уголь и нефть сделали доступными запасы энергии, эквивалентные десятилетиям органического роста и гектарам биомассы».
- ⁷ *Донзло Ж., Гордон К.* Управление либеральными обществами – эффект Фуко в англоязычном мире // Логос. 2008. № 2; Фуко М. Правительственность / Пер. с фр. И. Окуновой; под общ. ред. Б.М. Скуратова // Логос. 2008. № 4-5; Фуко М. «Искусство государственного управления». Интеллектуалы и власть, ч. 2 / Пер. с фр. И. Окуновой; под общ. ред. Б.М. Скуратова, М.: Праксис, 2004. «Индивиды становятся “предпринимателями себя” и как таковые объединяются в общество силой решений, которые принимают, рисков, на которые идут, и той ответственности за себя и других, которая отсюда проистекает и которую они обязаны брать на себя. Вследствие этого роль гражданина перестает исполняться в рамках отношений с государством или в публичном пространстве (такое становится вообще сложно выделить), скорее, она отправляется в рамках самых различных

частных, корпоративных или квазипубличных практик, начиная с работы и заканчивая потреблением: гражданин-потребитель становится активным агентом безопасности, гражданин-работник становится активным агентом модернизации промышленности».

⁸ *Collier S.J.* Post-Soviet Social. Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics. Princeton University Press, 2011. P. 7. Система отопления связывала советский модерн и его наследника – постсоветский модерн – воедино. Переходные реформы призваны были буквально расцепить, децентрализовать эту систему с помощью механизмов маркетизации газообеспечения, коммерциализации системы энергоснабжения и отопления и повышения ответственности потребителей за рациональное и экономное потребление и контроль над обеспечением. Но эти реформы потерпели крах, именно по причине того, что децентрализовать, поставить счетчики и ограничения, организовать контроль оказалось невозможно из-за материальной громоздкости и тотальности систем жизнеобеспечения, сложившихся в советское время.

⁹ <https://www.kinopoisk.ru/film/463893/>

¹⁰ Кайса Экхольм Фридман приводит в качестве примера такого сопротивления актуализацию дискурса колдовства в Конго-Бразавиле. Парадоксальная ситуация всплеска обвинений против «детей-колдунов» находит свое объяснение в ситуации очень острой борьбы за нефть в нефтяном государстве-клиентелле. Доступ к ресурсной ренте имеет узкая группа «друзей и родственников», которая тесно связана с зарубежными нефтяными ТНК. Этот союз создал буквально угрозу для жизни простых конголезцев, поскольку сделал их существование «необязательным», незначимым для государства в процессе нефтяного производства (в нефтедобыче занято очень ограниченное их число в качестве низко квалифицированных рабочих) и в качестве налогоплательщиков (мизерный сбор налогов с почти незанятого населения). В обществе, в котором прежде источниками магической силы и власти, выраженными в концепте колдовства, было старшее поколение, баланс сил и поколений

нарушился. Старики оказались бессильны, а молодежь, нанимаемая в качестве «охранников»-боевиков соперничающими группировками и просто сбивающаяся в уличные банды, приобрела особую власть насилия. В результате обедневшие люди, которые рассматривают собственных детей как бремя и угрозу, возложили ответственность за «колдовство» на последних, одновременно обвиняя собственных детей и возлагая надежду на их силу в сопротивлении тотальному угнетению и жестокости. При этом сами «дети-колдуны» (молодые люди) практически гордятся своей «силой» и демонстрируют, что колдовство сильнее политической власти. То есть в ситуации угнетения и насилия, когда войны за нефть привели к обесцениванию власти и авторитета глав семейств и старейшин, бедные вообразили, что они тоже имеют особую власть, чтобы психологически сопротивляться доминированию. В том же Конго активно распространялись слухи о нападении особых львов-мстителей на «колдунов», якобы работающих в штате компании Exxon. Так конголезцы с помощью «социального воображения» переводят в субъективную плоскость понимания через колдовство объективной ситуации противостояния за нефтяную ренту между французской добывающей компанией, конголезскими предпринимателями и государством.

Литература

- Новикова Н.И.* Охотники и нефтяники. Исследование по юридической антропологии. М.: Наука, 2014.
- Appel H., Mason A., Watts M.* Introduction: Oil Talk // *Subterranean Estates. Life Worlds of Oil and Gas* / Ed. by H. Appel, A. Mason and M. Watts. Cornell University press, 2015. P. 1–27.
- Collier S.J.* Post-Soviet Social. Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics. Princeton University Press, 2011.
- Friedman J.* Oiling the Race to the Bottom // *Crude Domination. An Anthropology of Oil* / Ed. by A. Behrends, S.P. Reyna and G. Schlee. 2011. P. 30–49.

- De La Gadena M.* Earth Beings. Ecologies of Practice Across Andean Worlds. Duke University Press, 2015.
- The Energy Reader* / Ed. by L. Nader. Wiley-Blackwell, 2010.
- Gledhill J.* The People's Oil: Nationalism, Globalisation and the Possibility of Another Country in Brazil, Mexico and Venezuela // *Crude Domination. An Anthropology of Oil* / Ed. by A. Behrends, S.P. Reyna and G. Schlee. 2011. P. 165–190.
- Huber M.* Oil for Life: The Bureau of Mines and the Biopolitics of the Petroleum Market // *Subterranean Estates. Life Worlds of Oil and Gas* / Ed. by H. Appel, A. Mason and M. Watts. Cornell University Press, 2015. P. 31–45.
- Khizrieva G., Reyna S.P.* 'Against... Domination': Oil and War in Chechnya // *Crude Domination. An Anthropology of Oil* / Ed. by A. Behrends, S.P. Reyna and G. Schlee. 2011. P. 270–298.
- Reyna S.P.* Constituting Domination/Constructing Monsters: Imperialism, Cultural Desire and Anti-Beowulfs in the Chadian Petro-state // *Crude Domination. An Anthropology of Oil* / Ed. by A. Behrends, S.P. Reyna and G. Schlee. 2011. P. 132–165.
- Reyna S.P., Behrends A.* The Crazy Curse and Crude Domination. Towards an Anthropology of Oil // *Crude Domination. An Anthropology of Oil* / Ed. by A. Behrends, S.P. Reyna and G. Schlee. 2011. P. 3–30.
- Rogers D.* The Depth of Russia. Oil, Power, and Culture after Socialism. Cornell University Press, 2015.
- Schiller N.* 'Now That the Petroleum is Ours': Community Media, State Spectacle and Oil Nationalism in Venezuela // *Crude Domination. An Anthropology of Oil* / Ed. By A. Behrends, S.P. Reyna and G. Schlee. 2011. P. 190–220.
- Stammler F.* Oil without Conflict? The Anthropology of Industrialisation in Northern Russia // *Crude Domination. An Anthropology of Oil* / Ed. by A. Behrends, S.P. Reyna and G. Schlee. 2011. P. 243–270.

Глава 2

ЮГАНСКИЕ ХАНТЫ И НЕФТЬ: СТРАТЕГИЯ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

Данилова Елена Николаевна

Металлические буры, которые ввинчиваются в землю в поисках нефти, проникли в гроб подземного бога и выпустили на свободу злых духов.

Е. Тевлин (Вигет, Балалаева 2014: 63)

Развитие нефтегазового комплекса в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, начавшееся с конца 1960-х гг., вывело регион на первое место в стране по величине разведанных запасов и добыче нефти. Однако, сегодня в центре дискурса оказалась цена развития, которую приходится платить за экстенсивное освоение природных ресурсов, сопровождавшееся отчуждением земель и необратимыми экологическими изменениями. Проживающие на территории округа коренные малочисленные народы на себе испытывают воздействие добывающих производств: уничтожение оленьих пастбищ, сокращение поголовья зверя, дичи, рыбы, нефтяные разливы ведут к разрушению основ традиционного хозяйства, а в ряде мест округа «под угрозой оказалось не только традиционное природопользование и жизнеобеспечение, но и вероятность самого этнического выживания» (Перевалова 2017: 406). Практически в каждом случае, связанном с разработкой нового месторождения, возникают конфликты и перед местным населением всегда встает выбор траектории дальнейшего развития, при этом сохранение традиционного хозяйства и быта на родовых угодьях становится все более проблематичным.

Опасения и прогнозы, которые высказывают коренные жители, относительно высоких темпов развития нефтегазовой промыш-

ленности в регионе, пессимистичны и чаще всего связаны с фактическим «исчезновением земли» как таковой. «Вот выкачают всю нефть, в земле пусто станет, и земля рухнет»; «в какое-то время провалится Тюменская область»; «когда газ кончится, начнутся обвалы земли, все города под водой окажутся»; «вы скажите нефтяникам, что там такие [сильные духи – Е.Д.] сидят, как дернут стрелу, никакой земли не будет» (ПМА 2003, 2007, 2019). Подобные апокалиптические истории, олицетворение нефти с кровью земли, зафиксированы и другими исследователями (*Вигет, Балалаева* 2014: 62–63). На р. Аган существует предание о куске бересты, на котором изображены «три этапа жизни земли: [1] тайга, озера, много зверя, рыбы, оленей, а людей мало; [2] каменные дома, бетонные дороги, трубы и провода, людей куча, по небу железные корабли летают, зверя и рыбы мало; [3] города, дороги, газопроводы, самолетов не видать, птиц и рыб нет и людей нет. Это еще в старину нарисовали. Потом эта береста исчезла. А мы, кстати, к этому идем» (ПМА 2007). На фоне неутешительных прогнозов относительно будущего, коренные народы формируют свои механизмы адаптации к изменяющимся условиям, интегрируют свою культуру в современную среду и готовы позиционировать себя в новом социальном пространстве в качестве активных участников диалога.

Одной из стратегий, направленной на поддержание очагов «живой» культуры, тесно соседствующих с нефтяными вышками, является практика создания достопримечательных мест. Согласно федеральному и окружному законодательству, это, пожалуй, единственная возможность, которая позволяет определить в качестве объекта охраны территорию как целостную динамичную систему природопользования и жизнеобеспечения этнической группы. Достопримечательные места – «творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы» – являются одним из видов объектов культурного наследия. Помимо прочего они включают в себя объекты, представляющие ценность с точки зрения сохранения этнических культур, а именно места традиционного бытования народных художественных промыслов, памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей; места совер-

шения религиозных обрядов; религиозно-исторические места (ст. 3 Федерального закона N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»). При создании достопримечательных мест предполагается выделение различных функциональных зон, в том числе для промышленного освоения, что позволяет обеспечить сосуществование нефти и коренных жителей, сохраняя природные ресурсы и возможность традиционного природопользования.

Создание достопримечательных мест в ХМАО – Югре идет с 2012 г., к настоящему времени в округе насчитывается 55 таких объектов культурного наследия. Из этого числа большая часть связана с историей формирования этнических групп коренных народов, их культовых мест и мест традиционного проживания. Чаще всего одно достопримечательное место сочетает в себе различные объекты, представляющие ценность с самых разных точек зрения, но важные также и для историков, археологов, этнологов, географов. При организации достопримечательных мест проводится ряд исследований, в том числе оценка этнического компонента историко-культурных ресурсов территории, которая фактически является экспертизой, которую обычно называют этнологической, и определяет соответствие данного объекта требованиям законодательства.

Предложенный кейс иллюстрирует конфликтную ситуацию, возникшую на р. Большой Юган в результате активного нефтяного освоения компанией «КанБайкал» территории, которая считалась у хантов вотчиной духа-покровителя всей реки. В центре дискурса оказались возможная утрата символа традиционных верований, разрушение природного ландшафта и социальные перемены. Базой для исследования послужили полевые материалы автора, собранные в ходе экспедиций в 2017–2018 гг. с привлечением материалов более ранних поездок 2002–2003 гг.

История конфликта

Зимой 2016 г. от хантов, проживающих в юртах Каюковых, поступили жалобы о разрушении действующего кладбища и священных мест в процессе сейсморазведочных работ. В поисках ва-

риантов сохранения своих святынь они обратились к губернатору Ханты-Мансийского автономного округа – Югры с просьбой рассмотреть возможность организации достопримечательного места с жесткой регламентацией деятельности нефтяных компаний на территории их проживания. Кроме того, О.Э. Балалаева, известная исследовательница культуры хантов, предложила вариант сохранения территории в виде биосферного резервата (Балалаева 2017: 6–7). Стоит отметить, что идея сохранения территории компактного проживания хантов на р. Большой Юган возникла еще в конце 1990-х гг. Был подготовлен проект биосферного резервата, который стал совместной инициативой общины юганских хантов, научного коллектива Юганского федерального заповедника, эксперта ЮНЭСКО О.Э. Балалаевой и американского антрополога Э. Вигета. Авторы отмечали, что Юганский бассейн представляет собой замкнутую этноэкологическую территорию и является одним из немногих очагов «автохтонной этничности», от сохранения которого может «зависеть существование древней традиционной культуры восточных хантов». Целью создания биосферного резервата являлось обеспечение и развитие сбалансированных взаимоотношений между коренным населением и окружающей средой (см. Балалаева, Вигет 1998). Однако, проект не был реализован. Организация же достопримечательного места казалась более «рабочим» вариантом и была поддержана губернатором.

Первые полевые исследования по проекту достопримечательного места проводились в ноябре 2017 г., основной целью поездки была встреча с представителями коренных жителей и определение предварительных границ будущего объекта культурного наследия. Сбор этнографических сведений и историко-культурная оценка территории были выполнены в марте 2018 г. Все, с кем проводились беседы и/или анкетирование, твердо высказывались за организацию достопримечательного места, поскольку осознавали, что может повлечь за собой бесконтрольное нефтяное освоение этой территории. В апреле, то есть спустя месяц после экспедиции, к нам поступила информация о том, что в с. Угут прошла совместная встреча «представителя недропользователя и представителя КМНС», в результате которой коренные жители подписали документ, призна-

ющий создание достопримечательного места «Яун-Ики Мых» на Унтыгейском лицензионном участке «нецелесообразным». В протоколе также указывалось, что создание достопримечательного места «не позволит Компании осуществлять свою деятельность в полном объеме, в результате чего, Компания не сможет оказывать дальнейшую материальную и иную помощь в рамках социально-экономического сотрудничества». Как выяснилось позже из бесед с информаторами, на этом собрании им пришлось выбирать: экономические соглашения или достопримечательное место.

Конфликтную ситуацию, сложившуюся вокруг создания достопримечательного места на Большом Югане, обсудили на рабочем совещании 15 мая 2018 г. На нем присутствовали представители недропользователей, разработчиков Проекта, Службы государственной охраны объектов культурного наследия и законодательной власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Из выступления генерального директора ООО «КанБайкал» Д.В. Перова стало ясно, что представители компании преднамеренно искажают информацию и, несмотря на факты, безапелляционно заявляют, что они не нарушают законов РФ и прав коренных малочисленных народов Севера. Единого мнения по рассмотренным вопросам у участников совещания не сложилось. А.В. Новьюхов, депутат думы ХМАО – Югры, предложил временно признать подписанный хантами документ недействительным из-за небольшого количества подписей и провести еще одну рабочую встречу летом, на которую пригласить хантов, подписавших протокол.

В июле 2018 г., перед запланированной встречей стейкхолдеров, вновь были проведены полевые исследования. Как оказалось, на этот раз жителей «запугивали» тем, будто они не смогут рыбачить и собирать ягоды в этих местах, если территории присвоят статус достопримечательного места. Непонятно, кто именно распространял эти слухи, поскольку во время бесед я и мои коллеги неоднократно разъясняли людям статус, который получит их территория, подчеркивалось, что традиционное землепользование в его пределах будет не ограничиваться, а наоборот поддерживаться. Июльская рабочая встреча в селе Угут проходила на повышенных тонах, адвокат нефтяной компании разговаривал с каждым из присутству-

ющих хантов и пытался выяснить, сам ли он подписывал письмо губернатору, как бы намекая на то, что подписи были подделаны разработчиками проекта.

В результате июльской экспедиции мы вновь заручились поддержкой хантов, проект был доделан и в срок сдан заказчику. Следующим шагом должны были стать общественные слушания и последующее внесение границ достопримечательного места в территориальное планирование, однако с того момента прошел почти год, ничего из этого до сих пор не проведено. В тоже время компания «КанБайкал» ведет активную деятельность и успевает до внедрения проекта освоить нужную им территорию (см. рис. 1).

Кто живет сегодня на территории спроектированного достопримечательного места

Коренным населением исследуемой территории являются юганские ханты (самоназвание яун ях – ‘реки Югана народ’, ‘народ реки’, ‘речные люди’), проживающие вдоль рек Большой и Малый Юган, считающиеся отдельной локальной этнической группой и говорящие на языке, который относится к сургутскому наречию восточной группы диалектов хантыйского языка (*Терешкин* 1981: 4.). Юганские ханты, на первый взгляд представляющие собой единую этнокультурную общность, имеют территориальные различия. Так, проживающие по Большому Югану ханты называют себя энэд яун ях – ‘большой реки народ’ и противопоставляют себя живущим на Малом Югане – ай яун ях – ‘малой реки народ’.

В пределах границ достопримечательного места расположены несколько поселений. Деревня Каюкова, насчитывающая три с половиной десятка домов, расположенных на пяти улицах, считается самым крупным хантыйским поселением на р. Большой Юган. В деревне проживают около 150 жителей. Свой статус и название деревня получила в 1950-е гг., до этого здесь находились юрты Рыскины. В советское время в деревне был колхоз имени Первого мая, звероферма, жители выращивали картофель, разводили чёрно-бурых лисиц и песцов. С 1986 г. в деревне существует начальная национальная общеобразовательная школа.

К деревне Каюкова относятся жители ближних юрт. В пределах спроектированных границ это юрты Каюковы летние и зимние. Юрты Каюковы летние (см. рис. 2) сами ханты называют Лунг Пухэл (луңк пухэл) – ‘духов селение’ (именно здесь проживает дух-хранитель Яун-Ики). В юртах насчитывается 12 жилых домов семей Каюковых и Мултановых. На зимнее время (примерно с 1 сентября) семьи Л.Н. Мултанова, А.М. Мултанова, В.Г. Каюкова, И.В. Каюкова перебираются в зимние юрты («там ягоду ближе собирать», «потому что бор рядом», «летние юрты как дачи, там теплицы»).

В первоначально предложенном нами варианте предлагалось включить в территорию достопримечательного места юрты Чегаевы, однако все опрошенные ханты были против, аргументируя это тем, что сейчас в юртах проживает «новый» хант К., который записался в ханты ради выгод, а на самом деле таковым не является.

Современный годовой хозяйственный цикл хантыйской семьи, ведущей традиционное хозяйство, выглядит следующим образом (на примере семьи Л.П. Каюкова, см. рис. 3). Зиму семья проводит в «вонт кот» (‘лесном доме’) на охоте в урмане. Уезжают туда в ноябре после каникул детей, на новогодние каникулы возвращаются в юрты и вновь уезжают примерно 22–24 января. У одной семьи может быть несколько охотничьих избушек. Первая примерно в 30 км от летних юрт, вторая – в 50 км, третья – в 70 км. Сначала едут в первую избушку примерно на неделю, там проверяют капканы, «мнут» (укатывают буранами) дорогу, затем уезжают на месяц в дальнюю избу и только на обратном пути, на неделю заезжают во вторую избу. За зиму семья добывает около 50 соболей, 5 лосей. Возвращаются из леса в летние юрты 28 февраля – 3–4 марта. К концу марта заготавливают дрова, женщины занимаются бисером. Временами выезжают на охоту или «топчут речки» (ловят рыбу, утапывая снег с землей у мест ее зимовки). В мае женщины начинают скоблить шкуры и выделывать их для ныриков и кисов. В июне женщины выделывают лапы, мужчины строят нарты (см. рис. 4), обласа. С июля по октябрь занимаются сбором дикоросов (ягод и грибов). Большую часть ягод сдают в общину на продажу. Летом многие семьи выращивают овощи и ягоды, у большинства хозяев есть теплицы. Рыболовством занимаются круглый год для собственного пропитания.

Летом рыбу ловят сетями в небольших речках и озерах, зимой ручьи перегораживают запорами.

На территории от юрт Каюковых до юрт Рыскиных ягодными считаются следующие боры: Вэлы Котэн Ёхом (вэди котэң йохэм) – ‘оленьих избушек бор’; Ём Юхэн Лох (йом йухэң лөх) – ‘черемушкин яр’; Ики Кёрхэм Ёхом (ики кёрхэм йохэм) – ‘бор, где упал мужик’; Йимэн Пухлэн Ёхом (йимэң пухлэң йохэм) – ‘кладбищенский бор’; Коймэн Ури Ёхом (коймэң ури йохэм) – ‘бор возле старицы с ручьями’, ‘бор у старицы, где рыба нерестится’; Качни Сап Ёхом (қачңи сап йохэм) – ‘муравьиной речки бор’; Кор Лох Охты Ёхом (қөр лөх охти йохэм) – ‘у подножия болота бор’, ‘у болота бор’, ‘яр-бор’; Мухэн Лор Ёхом (мухэң лор йохэм) – ‘карасинога озера бор’; Мэльні Ёхом (мэл’ни йохэм) – ‘бор маленьких рыбок’; Мэнк Нёл Котэн Ёхом (мэңк ньёл котэң йохэм) – ‘великана нос дом бор’; Нёрэм Яче Ёхом (ньорэм йачэ йохэм) – ‘посреди болот бор’; Онтэрэн Локи Пэтэ Ёхом (онтэрэң локи пэтэ йохэм) – ‘бор в кругу речки’; Оть Пырнэ Ёхом (оть пырнэ йохэм) – ‘старого огорода бор’, ‘бор позади огорода’; Пухлэн Ёхом (пухлэң йохэм) – ‘деревенски бор’, ‘домашний бор’; Пухэл Ёхом (пухэл йохэм) – ‘поселения бор’, ‘деревня-бор’, ‘у деревни бор’; Рэп Ури Ёхом (рэп ури йохэм) – ‘городков бор’; Сур Вэрэм Ёхом (сур вэрэм йохэм) – ‘стадо образовалось бор’; Тюкнэн Сох Ёхом (тыукнэң сөх йохэм) – ‘горбатый бор’; Энэл Ури Ёхом (энэл ури йохэм) – ‘большого урия бор’.

Ягодными также являются расположенные здесь болота: Вэлы Котэн Кор (вэди котэң қөр) – ‘оленьих избушек болото’; Ём Юхэн Лох Кор (йом йухэң лөх қөр) – ‘черемушкиного яра болото’; Йимэн Ури Кор (йимэң ури қөр) – ‘священной старицы болото’; Кор Лох Охты Ёхом Кор (қөр лөх охти йохэм қөр) – ‘у подножия болота бора болото’; Кукли Кор (қухли? қөр) – ‘просторное болото’; Пев Сап Кор (пев сап қөр) – ‘еловой/сосновой шишки болото’; Торэх Сапэл Кор (торэх сапэл қөр) – ‘журавлиная шея – болото’.

Рыбные водоемы от юрт Каюковых до юрт Рыскиных: р. Вантрас (вэнтэр(э) әс) – ‘выдриная речка’; старица Варэн Ури (вэрэң ури) – ‘варовая старица’, ‘старица с рыболовным запором – варом’; озеро Вэсэн Тох (васэң төх) – ‘водяного чудовища небольшое озеро’; старица Йимэн Ури (йимэң ури) – ‘священная старица’; озеро Ёхомхэн

Кут Лор (йохэмрэн кут лор) – ‘между борами озеро’; старица Коим Ури (коймэң/койэм ури) – ‘рыба нерестится старица’; старица Кэспэн Ури (кэспэң ури) – ‘черемушкиной дуги старица’; старица Лянкэсэн Ури (дяңкэсэң ури) – ‘густая, непроходимая старица’; ручей Махэл Ури Сап (мэхэл ури сәп) – ‘круговая старица’; озеро Мухэн Лор (мухэң лор) – ‘карасиное озеро’; старица Мэл Монкэн Ури (мэл мөңкэң ури) – ‘глубокая старица с островом посередине’; озеро Мэлни Тох (мэл’ни төх) – ‘маленьких рыбок озеро’, ‘половина пути озеро’; старица Мэлни Ури (мэл’ни ури) – ‘старица маленьких рыбок’; старица Нынкэн Кухэн Ури (ниңкэн кухэн ури) – ‘женщины и мужика старица’; старица Пев Сап (пев сәп) – ‘еловой/сосновой шишки речка’; старица Сорэм Монкэн Ури (сорэм мөңкэң ури) – ‘сухая (мелкая) старица с островом посередине’; старица Томрал (?) Ури (? ури) – ‘как червяк передвигается полосками старица’; старица Утер (?) Тох (? төх) – ‘утер-озеро’; старица Энэл Ури (әнэл ури) – ‘большая старица’, ‘большой урий’.

Для самих жителей топонимы также являются и системой ориентиров, которой они пользуются в своей повседневной жизни. По названиям боров, болот, озер, стариц можно судить об основных занятиях и образе жизни коренного населения, его культуре и местных традициях.

Традиционное хозяйство является основным источником дохода многих семей, кроме него ханты получают средства за отчуждение земель, экономические соглашения, социальные пособия (например, детские), некоторые из молодых мужчин работают на предприятиях нефтегазовой промышленности.

Представители традиционных верований

Для всех групп сургутских хантов характерно почитание «хозяйина» реки, который одновременно является покровителем целой территориальной группы ях. Так, покровителем большеюганских хантов считается Яун-Ики (‘Югана старик’, ‘Юганский дедушка’), который является сыном верховного бога Торума и состоит в родственных связях с покровителями других территорий.

Яун-Ики «отвечает» за всю территорию реки от истока до устья. Нередко среди хантов его называют вотчинником. В его подчинении находятся духи-хозяева лесов, рек, поселений и отдельных семей. По данным В.М. Кулемзина, ряд божеств, в том числе Яун-Ики, не совсем являются духами, это «самые настоящие человекоподобные существа, одаренные самостоятельной жизненной силой... Они не обладают способностью перевоплощаться и менять место своего обитания... У местного духа Ягун ики имелись помощники – металлические антропоморфные фигурки. Но они находились за несколько десятков километров ниже по течению реки и рассматривались как «охранники», «сторожа» указанного существа, ибо последний не мог покинуть места своего обитания или скрыться незамеченным» (Кулемзин 1984: 50).

Яун-Ики заботится о населении, которое проживает в его «вотчине». Согласно легендам, он борется против Обского покровителя Ас-Ики, чтобы обеспечить хантов рыбой, ворует оленей на Казыме, а с Салыма приносит сосновые боры (ПМА 2018). Самый большой каменный пережат на Большом Югане, находящийся в конце «пятого песка», называется Яун-Ики водоворот. По-хантыйски это место называют Коймэн (Коим) Ури Мэлэн (коймэң (койэм) ури мэдэң) – ‘рыбы нерестится старица поворот реки’. С хантыйского мэдэң – «излучина» (изгиб русла реки), в некоторых диалектах также переводится как «омут». Крупные омуты нередко становятся элементами сакрализации, известны такие места у юганских хантов, переселившихся на р. Демьянку (Адаев 2013: 299). В былые времена в этом месте останавливались, на воду спускали материал и бросали монеты. Сейчас, когда проезжают мимо на лодке, делают три круга и в центр бросают монеты.

Яун-Ики считается родоначальником самого большого на Югане рода Медведя, в который входят фамилии Каюковы, Мултановы, Рыскины, по некоторым данным также Курломкины и Куплондеевы.

Зооморфным обликом Яун-Ики является медведь. Исследователи также отмечали, что он мог принимать облик соболя (Мартынова 2002: 85) или совы (Лимеров 2012: 170). Однако, сегодня на Югане это уже не помнят. Медведи, змеи, ящерицы являются духами помощниками Яун-Ики, согласно легендам, ящерицы (сәсал) служат

ему завязками на саке-меховой одежде, а змеи (кох,войэх) – подвязками на меховых кисах (вид обуви) (ПМА 2018).

Антропоморфное изображение Яун-Ики деревянное, примерно около метра в высоту, с укороченными ногами. Его вырезают из кедра, привезенного из священной рощи близ юрт Чегаевых, изготовлением занимаются в летних юртах Каюковых, рядом со священным лабазом. Мастера выбирают из семей Усановых или Покачевых, «делать идола» считается «очень почетным» – тот, кто его делает, «дух в него вселяет». В старину деревянных луңков меняли каждые семь лет, либо в случае смерти мастера-изготовителя, при этом старого идола возвращали на то место, откуда был взят материал. Последнему изображению Яун-Ики уже около 25 лет (ПМА 2018).

Являясь покровителем всех проживающих на Большом Югане хантов, сам Яун-Ики обитает в районе юрт Каюковых, а территорией его владения считается участок реки от юрт Каюковых до юрт Рыскиных. Как и у самих хантов, у Яун-Ики есть зимнее, весеннее и летнее место жительства, на которое он переезжает в зависимости от годового хозяйственного цикла: «зимой он на зимнем живет, весной рыбачит, летом – здесь, в юртах». Кроме этого у Яун-Ики есть палатка, в которой он живет во время зимней охоты, считается, что он не хочет сидеть один в пустой деревне и поэтому его берут с собой (ПМА 2018).

На каждом из сезонных культовых мест построен лабаз. Вещи и фигуры духов раньше постоянно перемещались между ними, «когда выпадал снег – на зимнее, Юган открывался – на весеннее, летом – в поселок». На сегодняшний день Яун-Ики постоянно «живет» в летнем лабазе, основной причиной этому стало распространившееся среди юганских хантов евангельское христианство: «баптисты ему не молятся, поэтому кто его будет таскать», «народа мало стало» (ПМА 2018).

Все три культовых места связаны между собой общей функциональностью и являются единым культовым ансамблем Яун-Ики. Несмотря на то, что сегодня все идолы «сидят» в летнем лабазе, и на весеннем, и зимнем местах поддерживается порядок, так, чтобы в любой момент можно было перевезти идолов, кроме того, в них продолжает находиться часть вещей, которую обычно не перевозили.

Остров зимнего лабаз называют Пев Пахрэн Тэл (пев пахрэн тэл(?)), – ‘остров еловой шишки’, (‘шишкин остров’, ‘шишкин бор’). Он расположен в пойменном смешанном лесу левого притока р. Вандрас – речки Пев Сап (пев сәп) – ‘еловой шишки речка’. В зимний лабаз идолы переезжали с первым снегом, а уезжали в мае по большой воде на своей лодке. Лабаз, который стоит в настоящее время, построен около 20 лет тому назад. На зимнем месте во время коллективных сборищ приносили кровавые жертвы (забивали оленей), на деревьях вывешивали приклады, чаще всего из светлой и белой ткани.

Весеннее место Яун-Ики называют Яун-Ики Эвэт (йәвән ики эвэт) – ‘Яун-Ики святое место’, оно расположено в правобережье р. Большой Юган, на невысокой гриве, на берегу озера Лопасэн Тох (дӧпасән тӧх) – ‘лабазиное озеро’, ‘лабазина лужа’ (тӧх, называют небольшие озера возле речек или посреди болот и не имеющие своих ручейков). Яун-Ики переезжает сюда, когда начинает идти рыба, во время большой воды и рыбачит здесь, пока вода не начнет падать, примерно до середины июня. На весеннем месте берут «сколы» с деревьев для изготовления личных духов-покровителей – «когда нужно ангелов с собой держать» и приносят «списанные» фигурки, когда «срок закончится и он постареет».

Летнее место Яун-Ики называют Ным Пухэл Лопас (ним пухэл дӧпас) – ‘летнего поселения лабаз’, оно находится в летних юртах Каюковых (луңк пухэл – ‘Духов селение’). Здесь духи проводили время летом, пока Юган не замерзнет.

Во всех лабазах, у задней стены, сделаны нары из досок, на них уложены олени шкуры (когда проходит время, лишние олени шкуры раздаются). Яун-Ики сидит на оленьих шкурах, он одет в шапку из выдры и одежду из сукна, на нем «как галстуки» завязаны семь (или больше) белых мужских платков. Если на него надевают новые платки, то старые раздают в подарок. Старая одежда складывается в специальный мешок, там же лежит его шуба из соболиных шкурок. На ногах у него зимние меховые кисы с подвязками. По бокам к Яун-Ики прислонены пять или семь деревянных стрел с железными наконечниками.

В лабазе, кроме Яун-Ики, у самой стены, сидят его жены – дочери Ас-Ики (‘обского деда’, ‘обского хозяина’), одетые в платки и

женские саки в несколько слоев. Когда одежды становится слишком много, ее так же убирают в мешочек, который есть у каждого духа. Посередине между женами, лицом к ним, сидит их охранник (возможно, Вонт-Ики – ‘лесной мужик’). Возле «казны» боком, с правой стороны, не загораживая Яун-Ики, сидит еще один охранник, который присматривает за всем в лабазе, его называют Йӓӓк дор Имиӓн Икиӓн Пах – ‘Ледового озера мужчины и женщины сын’. К нему также обращаются, когда мучают какие-то страхи, например, «думаешь, что за тобой кто-то идет». Защитников также называют Вон йоӓ – ‘плечо люди’.

Помимо идолов в лабазе находятся 15 медвежат, вырезанных из дерева. Самый большой стоит посередине, по бокам от него с каждой стороны по семь маленьких. Во время кровавого жертвоприношения самого большого медведя макают в кровь (в рану). В мешке у Яун-Ики есть змея, соболь, лось, орлан и коршун. Эти животных и птиц можно брать на время, для удачи, а потом возвращать обратно. Изображения заворачивают в тряпочки и кладут в специально сшитые мешочки, при этом молятся. Эти мешочки держат дома, мужчины на время охоты обязательно берут их с собой, «чтобы злые духи не ходили». У женщин также есть такие мешочки.

Хранитель культового места – луӓк орт – выбирается на три года, иногда этот срок продлевают, если некому передать духов. Хранителем может быть только мужчина из семьи Каюковых. В его обязанности входит следить за состоянием лабазов и его обитателей, раз в месяц хранитель меняет на них одежду, при этом старая складывается в специальный мешок. В былые времена хранитель каждый месяц на растущей луне посещал лабаз и окуривал куклы смесью из перетертых чаги и сушеного лосиного фаллоса, если есть возможность, то готовил и ставил угощение, сейчас «поднести нечего».

В настоящее время хранителя нет, такое решение, что «у духов не будет хозяина», приняли сообща, заметив, что «кому передадут Яун-Ики, в той семье люди умирают». Все функции хранителя выполняет Андрей Антонович Каюков, однако сам он не считает себя хранителем в том смысле, которое вкладывалось в это ранее. Сейчас, чтобы выбрать нового хранителя, необходимо собраться всем

и принять решение. Среди желающих «взять духов» был Спиридон Каюков из юрт Рыскиных (ПМА 2018). Известно, что ранее хранителями были Иван Павлович Каюков (1990-е гг.) (Балалаева 2002: 152), Лисак Петрович Каюков (конец 1990-х гг.), Вячеслав Гаврилович Каюков (начало 2000-х гг.).

Коллективные посещения культового места Яун-Ики проводились один раз в год. На них съезжались носители фамилии Каюковых, живущие на других реках. Во время таких посещений на священном месте разжигали огонь, те, кто приехали в первый раз, бросали в костер монеты. После молились, заходили в лабаз, женщины при этом оставались в стороне и закрывались платком (они считались невестами). После общей трапезы снова произносили молитву и затем прибирались. Большие зимние сборища проходили не один день. Так, в первый день шла подготовка, во второй – все ехали к зимнему лабазу, где проводили время до наступления ночи, жгли большой костер, молились и приносили жертвы. На третий день ехали на весеннее место за сколами. Многие привозили своих личных духов «погостить в зимнем лабазе», там они стояли до отъезда домой.

В качестве даров под Яун-Ики кладут олени шкуры, дарят материал, надевают соболиную шубу, сбоку кладут шкуры песка, выдры, соболей. В лабаз приносят разнообразные подарки. Так, в одно из последних посещений ему подарили меч, американцы привезли мраморного медведя, часто дарят золотые кольца, которые олицетворяют змей и им предназначаются.

Последние несколько лет коллективных посещений не устраивают, но проезжающие мимо юрт Каюковых ханты поклоняются Яун-Ики «в домашних условиях». Ставят угощение дома или просто оставляют привезенные приклады, которые хранятся у Андрея Антоновича Каюкова, пока кто-нибудь не сходит в лабаз. Помимо коллективных посещений и поклонений проезжающих, к Яун-Ики обращаются в случае, если заболят зубы или приснится «особенный» сон. Так, если снятся змеи, то нужно на обуви Яун-Ики сделать новые завязки или просто сходить поклоняться.

Кроме самого Яун-Ики, на Большом Югане почитают реликвии, связанные с ним. Так, самостоятельным духом считалось его копье

(Кулемзин 1984: 96), которое хранилось недалеко от юрт Рыскиных. По другим сведениям, в юртах Рыскиных хранится его посох. Сох-юх-Ики (сохйух ики) – ‘Березового посоха дед’, букв. ‘посох-старик’ или ‘старик посоха’ живет в лабазе недалеко от юрт Рыскиных, чуть выше по течению Большого Югана (см. рис. 5). Хранителем этого духа в настоящее время является Олег Рыскин. В работах Н.В. Лукиной дух Сох-юх ики – ‘Посох старика’ упоминается в качестве правой руки Яун-Ики (Лукина 2013: 107–108).

По преданиям, у Яун-Ики было четыре (иногда упоминаются три) жены. Первую он привез с Казыма, где украл 300 оленей и набрал камней, чтобы устроить перекаты на р. Большой Юган. Еще двух жен, дочерей Ас-Ики, он взял с правого берега р. Обь, однако брак с ними был запрещен верховным божеством, так как оттуда происходит род медведя. Последнюю жену Эвэт-Ими, он встретил на Югане (по другим сведениям на Тромъегане), у них родился сын, однако жизнь с ней также не заладилась, и они «развелись» (см. Лимеров 2012: 150–188). По другим данным, их расставание связано с тем, что она была равной ему по силе (Каранетова, Соловьева 2000: 205).

Лабаз Эвэт-Ими находится в юртах Чегаевых, где они «сидят» вместе с сыном. По сведениям информантов, в этом лабазе в четырех углах находятся по две стрелы с перьями, обмотанные красными лентами. Эвэт-Ими с круглой головой в платке и суконном саке без меха «сидит» на шкурах оленя. В дар ей приносят ткани красного цвета или с цветочным орнаментом, ставят женскую коробочку и игольницу, в которую втыкают восемь иголок парами, наперсток и оленьи жилы. Эвэт-Ики/Кын-Ики (сын Эвэт-Ими и Яун-Ики) с острой головой в саке из черной ткани с капюшоном. Ему дарят белые платочки и черную ткань. Согласно данным П.Ф. Лимерова, сын Яун-Ики – остроголовый Атэм-Пухут-Ики (‘Плохого места муж’), которого отец часто наказывал за непослушание, таская за волосы. Он уносит души умерших в иной мир, «символом которого является кладбище» (Лимеров 2012: 168).

У Яун-Ики есть брат Кон-Ики, который сейчас «сидит» в юртах Усановых. Согласно преданиям, братья постоянно ссорятся и воюют, их никогда не нужно сводить вместе. Поэтому Кон-Ики, путешественного также как Яун-Ики, довозят только до юрт Ярсомовых.

Помимо культовых мест, связанных с почитанием хозяина реки, на Большом Югане есть места, связанные с сакрализацией окружающего ландшафта. Один из них (Яун-Ики водоворот) упомянут выше. Такие места посещаются без какой-то особой периодичности, как правило, все они располагаются на пути следования, недалеко от дороги. Эти культовые места не имеют ранга и хранителя и не принадлежат конкретным семьям или юртам, ханты останавливаются и молятся там во время своего пути.

С левой стороны Большого Югана есть Йимэн Ури Кор Сап – ‘речушка в болоте священной старицы’, ‘ручей святой старицы’. Ручей, который вытекает из святой старицы Имн Урий и не замерзает в течение всего года, его называют «живун». Здесь останавливаются, бросают в воду монеты («те, кто первый раз едут», ПМА 2018).

С правой стороны Большого Югана, в районе юрт Рыскиных, есть «Святая гора», по-другому ее еще называют Эвэт/эвут. Слово Эвэт сами ханты не переводят, топонимы с таким компонентом встречаются практически у всех групп хантов и чаще всего связаны с определенным типом культовых мест – «домами обитающих духов». Н.И. Терешкин переводит Эвэт как «высокий мыс, обычно у слияний двух рек (речек), где в старое время строились укрепленные городки» (Терешкин 1981: 47). В литературе также отмечалось, что первоначальное значение этого слова в хантыйском языке было, очевидно, «высокий мыс с укрепленным поселением» (Дмитриева 2005: 126). На «Святой горе» в качестве жертвоприношений на березы развешивают материал и платки. «Там два высоких места, между ними дорога. С одной стороны плохой кот мых, с другой – хороший. Вешают только хорошему, плохому нет. На хорошей стороне растут березы и осины, с другой стороны, с плохой – кедры, сосны, елки. Зимник идет через них – буранка, когда с вершины едут, заезжают, платки вешают. Зимой где-то один раз примерно в Угут ездят (летом чаще). Просто вешают, имена богов забыли» (ПМА 2018). Такие почитаемые лесные бугры кот мых довольно часто встречаются в культуре восточных хантов.

Одним из аргументов, который мне приходилось слышать от сторонних лиц, заключался примерно в следующем: «да что там на Югане сохранять, там же баптисты одни», «да там никто не верит

уже», «да там вообще делать нечего», полевые исследования показали обратное. Мне не раз доводилось слышать разговоры о том, что надо снова перевозить Яун-ики по сезонным лабазам, некоторые высказывались о желании «держать духов». Активные действия «КанБайкала», затронувшие местные святыни, всколыхнули волну ревитализации. Причем она охватила всех жителей Югана, которые сегодня еще сохраняют «веру своих отцов», несмотря на то, что «под воздействием» оказались коренные жители, проживающие непосредственно на территории достопримечательного места, его создание поддержали и другие ханты, поскольку культовый ансамбль Яун-Ики является достоянием всего современного сообщества юганских хантов, их духовным центром, который посещают многие хантыйские семьи, в том числе проживающие и на других реках.

БАПТИСТЫ

Помимо традиционных этнических верований на Большом Югане, в том числе в юртах Каюковых, распространено евангельское (евангелистское) христианство. Баптисты стали посещать эти места с 2000-х гг. Первые миссионеры приезжали несколько раз, прежде чем «мы стали прислушиваться, рассказывали, что есть Бог настоящий, а наши идолы – просто духи» – вспоминает О.А. Каюкова. Первыми новую веру здесь приняли женщины, «мужчины уже после покаяться», крестил их Вениамин Перевозчиков.

В юртах Каюковых 11 членов церкви, каждое воскресенье они собираются для общих молитв, в которых просят прощения за содеянное и благодарят Бога за все посланные им блага. Чтобы стать членом церкви, нужно покаяться, после тебе дают какое-то время (примерно полгода), в которое ты пытаешься жить, не совершая плохого (чаще всего это означает не употреблять спиртных напитков), только потом можно креститься. Для этого приезжают служители и путем омовения в Большом Югане обращают хантов в новую веру (ЛМА 2018).

Сегодня баптисты в юртах Каюковых научились «отделять веру от культурного наследия», «все, что было раньше, так и остается, мы ничего не трогаем», «кто хочет, ходит в лабаз, мы им никак не ме-

шаем. Люди сами приходят к вере... Сейчас они знают, что можно верить и сами выбирают, как им быть» (ПМА 2018). Дом молитвы, построенный летом 2018 г. (см. рис. 6), практически соседствует с летним лабазом Яун-Ики, который для всех юганских хантов продолжает оставаться тем символом культуры, который способствует сохранению их этнической идентичности.

Многие из баптистов хранят в памяти историю своих предков и с удовольствием рассказывают легенды об остяцком богатыре Тонье (Танье, Танге, Тониме), историческим прототипом которого являлся сын сургутского князя Бардака Кинема. Как выяснилось, территория спроектированного достопримечательного места связана с историческими событиями начала XVII в., а именно антирусским восстанием остяков Бардакова княжества (1616–1619), известным также как «восстание Тоньи» (подробнее об этом см. *Вершинин 2002: 98–110; Вершинин 2018: 430–431*). Согласно различным вариантам легенды, Тонья из своего укрепленного городка (сегодня объект археологического наследия городище Монкысь Урий) продвигался вверх по Югану в юрты Купландеевы. Старая зимняя дорога, по которой он ехал, проходила через бор Ики Кёрхэм Ёхом ('бор, где упал мужик' – дух, которого гнал Тонья) и сохранилась до сих пор, ее маркируют обтесанные деревья, где останавливался богатырь, чтобы отдохнуть или пострелять из лука (ПМА 2018).

Все баптисты поддержали создание достопримечательного места, несмотря на то, что именно культовый комплекс Яун-ики обговаривался в качестве основного объекта охраны.

Другие заинтересованные стороны

Мощным социальным институтом в рассматриваемом районе является Община коренных малочисленных народов Севера «Яун-Ях» – одна из самых популярных хантыйских общин, которая объединяет более 550 хантов, проживающих по Большому и Малому Югану. История ее создания и основные направления деятельности подробно описаны О.В. Балалаевой, принимавшей активное участие в ее создании (*Балалаева 2014*). Главой (председателем) общины с момента основания является В.С. Когончин.

Община всегда поддерживала сохранение территории исконного проживания коренного населения и долгое время противостояла наступлению нефтяного освоения. Однако, по словам председателя, сейчас все ханты «с интернетом и телевизором и не хотят в закрытой зоне сидеть». Экономические соглашения с нефтяными компаниями являются не только весомым источником дохода хантов, но и дают общине необходимое оснащение, позволяющее осуществлять свою деятельность (транспорт, морозильные камеры и т.п.). В этом смысле нефтяники являются единственной поддержкой, местные власти «нам не помогают» (ПМА 2018).

Несмотря на то, что большинство жителей юрт Каюковых и Рыскиных состоят в общине, среди них есть недовольные, которым кажется, что община неправильно распределяет получаемые от нефтяников средства и оставляет весомую часть денег в своих руках. Некоторые на Югане выходят из общины, пытаясь договариваться с нефтяниками напрямую, а кто-то переходит в другую общину – «Негус-ях», которая, по словам руководства, переманивает к себе хантов. Говорить о том, что их что-то не устраивает в общине, жители боятся и неохотно идут на такие беседы.

В письме губернатору, с которого началось создание проекта, указывалось, что в разработке достопримечательного места обязательно должны принять участие «местные жители Большого Югана и медиа центр культурного наследия юганских хантов общины «Яун-ях»». Все попытки получить какую-либо информацию о медиа центре или материалы, которыми он владеет, оказались безуспешными, то есть он существует, но как именно, непонятно и кто владеет данными, тоже непонятно. В результате, вся собранная информация была получена при работе с жителями юрт.

На встрече недропользователей и коренных жителей, проходившей в июле, Когончины, как представители руководства общины, вели себя отстраненно и отмалчивались, показывая, что они занимаются только организацией встреч, но решения принимают те ханты, которые действительно проживают на территории.

Позиция руководства общины относительно создания достопримечательного места не кажется однозначной. При личных встречах Л. Когончина говорила, «ну вот мы в Угуге живем, все рядом, у

нас и нефть тут, и ханты, и археология, и никто ни с кем не спорит» (ЛМА 2018), высказывались опасения, что прекратятся выплаты со стороны нефтяников и мы только сделаем хуже. Оказывая организационную поддержку (за что я им очень благодарна), они выбрали позицию наблюдателей, не принимающих никакого более участия.

Во время работы в Угуге я общалась с представителями администрации и сотрудниками музея, никто не высказывал мнений против создания достопримечательного места, наоборот, идея сохранения территории нравилась всем, но так же, как и в общине, только с позиций наблюдателей. Приходилось слышать такие высказывания: «это самые бедные ханты на Югане, они ни за что не согласятся», «эти ханты всегда были бедными и ждали, когда к ним нефтяники придут», «посмотрим, что у вас получится» (ЛМА 2018).

Сами представители компании «КанБайкал» на всех проведенных встречах высказывались исключительно против создания достопримечательного места. В свой адрес мне приходилось слышать оскорбления, из серии «знаем мы вас, вы все это только за деньги делаете». Они отмечали, что исправно платят налоги государству и все строят с разрешения местных хантов, и «вообще вся экономика держится только за счет нефти», «мы тут детские площадки построили», «да этим хантам только денег надо», «ну вы же проект все равно сделаете, мы будем материалами пользоваться просто и все, а достопримечательное место не согласуем». Так или иначе проект был завершён. Предлагалось проектируемое достопримечательное место сделать объектом культурного наследия регионального значения и выделить в пределах его территории семь основных функциональных зон, в том числе зоны традиционного природопользования и нефтяного развития. При построении зонирования, с одной стороны учитывались мнения нефтяников, которые предлагали свой вариант освоения территории, с другой – мнения хантов, которые старались обозначить важные для них места. Поиски компромиссов вокруг предполагаемого строительства какого-нибудь «куста» иногда продолжались не один месяц, пока не находился нужный вариант, при этом защищая один участок территории непременно приходилось уступать другой.

Послесловие

Практика создания достопримечательных мест хоть и является успешной в сохранении ряда объектов этнологии и организации диалога между недропользователями и коренными жителями, но ограничена в своих возможностях, поскольку не во всех спорных ситуациях, касающихся земельных конфликтов, удается ее применить. В качестве примера можно привести ситуацию, которая возникла в 2019 г. в Нижневартовском районе.

Недалеко от г. Новоаганска, на р. Аган, есть небольшое стойбище дилэң йәңкнә киврэн пухэд – ‘живых прудов поселение’. Проживающие на стойбище ханты Айпины ведут традиционный образ жизни: занимаются оленеводством, рыболовством, собирательством, охотой, традиционными ремеслами; общаются между собой на родном языке; сохраняют этнические верования и продолжают практику посещения святых мест. Земля, на которой они ведут свое хозяйство, входит в лицензионные участки компании ООО «ЛУ-Койл-Западная Сибирь», которая должна в обязательном порядке согласовывать размещение любых хозяйственных объектов с главой территории традиционного природопользования.

Конфликт, о котором идет речь, возник из-за того, что компания запланировала строительство гидронамывного карьера на другом берегу реки, на участке, который официально не является ТТП, но фактически используется местными жителями. «Про карьер нам ничего не говорили, мы про это случайно узнали. А через Аган у нас угодьев нету [на другой стороне Агана], они и не спрашивают ничего» (ПМА 2019). Надо сказать, что граница ТТП, проведенная по акватории Агана, никогда не являлась реальной границей традиционной деятельности, на другом берегу расположены культовые места, которые действуют (возможно с некоторыми перерывами) примерно с рубежа XIX–XX вв. На острове, который планируется снести для карьера, ханты собирают ягоды. Строительство карьера не только разрушит участок сбора ягод и перекроет путь к святыням, но может привести к более масштабным последствиям, в частности, к уничтожению нерестовых стариц, а сброс мутной воды гидронамывом скажется на традиционных занятиях и других семей хантов и лесных ненцев, прожи-

вающих на Агане. Сам карьер не является единственным объектом, к нему будет построена дорога, мост через реку. Инфраструктура затруднит выпас оленей и облегчит пути браконьерам. С.А. и Л.Н. Айпины уверены, что им придется переселиться, но говорят «мест больше нет, [нефтяные] кусты нас окружили». «Они [нефтяники] давят на нас. Если они сейчас сделают карьер, вот тут вот речка есть, им опять переправу делать надо. Они у нас на пути все разрушают, они не думают о природе. Да им что природа, им нефть только нужна», «они святые места разрушат, они нам жизни не дадут. Это еще отцов моих святые места. Мы там [где карьер планируют делать] и рыбу ловим, там же ягодные места и святые места. Они же не понимают, то что мы же живем от леса. Карьер на той стороне нам не нужен, пусть в той стороне будет [показывает на болота]. Вот километров 20 от нас есть карьер в болоте, а бора [целые] остались. Там [где карьер будет], может водой все снести, там течение сильное бывает. Надо запретить это. Тут все, места пропадут, тут делать нечего будет» (ПМА 2019).

Проведенная историко-культурная экспертиза обеспечила положительное заключение, поскольку археологических памятников в месте расположения карьера не нашлось, а там, где нашлись, на подъездных путях, дорогу скорректировали. Проведенные этнологические исследования в окончательном варианте учтены не были, «ну ягоду собирают да, так они ее везде собирают, оснований недостаточно», а описанные возможные социальные последствия строительства карьера кажутся недостаточными для того, чтобы дать отрицательное заключение. Достопримечательное место в качестве стратегии сохранения всего комплекса здесь невозможно, поскольку объекты, которые могут стать основанием для его создания, например, культовые места, кладбища, поселения, расположены далеко друг от друга, их можно сохранить в виде такого объекта культурного наследия лишь точно, но это не даст оснований недропользователям не использовать территорию между ними. Вероятно, если бы существовал закон об этнологической экспертизе, то этот участок земли удалось бы отстоять.

ХМАО – Югра обладает значительным историко-культурным ресурсом, при этом наследие коренных народов, осваивающих эту территорию на протяжении длительного времени и до сих пор проживающих на ней, составляет весомую долю в общей массе куль-

турного наследия региона. Стратегия, которой придерживается округ, создавая достопримечательные места, со стороны Службы государственной охраны объектов культурного наследия пока считается единственной, позволяющей сохранять объекты этнологии в соответствии с современной нормативно-правовой базой. Однако, в большинстве случаев такие мероприятия проводятся уже после возникновения конфликта, как ответ на вызов. Если проводить экспертные работы заранее и выявлять такие территории еще до того, как там будет планироваться хозяйственное освоение, это, конечно, не решит всех проблем экстенсивного развития региона, но позволит учитывать интересы коренного населения и сократит конфликтность, а также привлечет внимание к другим ситуациям, когда возможность организации достопримечательного места отсутствует.

Литература

- Адаев В.Н.* Сакрализация пространства как текущий процесс в культуре юганских хантов-переселенцев // Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2013. С. 296–301.
- Вигет Э., Балалаева О.Э.* Нефть, маргинализация и восточные ханты // Сибирские исторические исследования, 2014. № 4. С. 38–72.
- Балалаева О.Э.* Биосферный резерват – реальная возможность сохранить Юган как уникальный этно-экологический комплекс // Вестник ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. 2017. № 2(35). С. 6–7.
- Балалаева О.Э.* Общинное движение в Сургутском районе и община «Яун-Ях» // Северный регион: наука, образование. Культура. 2014. № 1. С. 35–43.
- Балалаева О.Э.* Священные места хантов средней и нижней Оби // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 149–166.
- Балалаева О.Э., Вигет Э.* Биосферный резерват как форма сохранения этнической культуры (на примере юганских ханты) // Се-

- рия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» № 118. Институт этнологии и антропологии РАН, М., 1998. 18 с.
- Вершинин Е.В.* Восстанье Тоньи-Кинемы в письменных и фольклорных источниках // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2002. С. 98–110.
- Вершинин Е.В.* Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 504 с.
- Дмитриева Т.Н.* Топонимия бассейна р. Казым. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 580 с.
- Каранетова И.А., Соловьева К.Ю.* Образ хозяина «Явун-Ики» как символ культуры юганских хантов // Этнография народов Западной Сибири (Сибирский этнографический сборник). / Под ред. Д.А. Функа, А.П. Зенько. М., 2000. Вып. 10. С. 199–211.
- Кулемзин В.М.* Человек и природа в верованиях хантов. Томск: ТГУ, 1984. 192 с.
- Лимеров П.Ф.* Семья Каюковых из пупи сир «рода медведя» – как носители традиционного фольклора хантов Югана: полевые заметки экспедиции к восточным хантам // Фольклористика Коми. Региональные фольклорные традиции Европейского СевероВостока и Зауралья в межкультурном контексте. Сыктывкар, 2012. С. 150–188. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 70).
- Лукина Н.В.* Хантыйский обряд жертвоприношения // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Tomsk Journal LING & ANTHRO. 2013. 2 (2). С. 106–114 (URL: http://ling.tspu.edu.ru/files/ling/PDF/articles/lukina_n_v_106_114_2_2_2013.pdf).
- Мартынова Е.П.* Религиозные представления юганско-балыкских хантов // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2002. С. 82–91.
- Первалова Е.В.* Обские угры и ненцы западной Сибири: этничность и власть: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.07. Екатеринбург, 2017. Т. 1. 515 с.
- Терешкин Н.И.* Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981. 541 с.

Рис. 1. Разведочная скважина на бору Ики Кёрхэм Ёхом (*ики кёрхэм йохэм*) — ‘бор, где упал мужик’. Фото К. Карачарова, р. Б. Юган, 2018 г.

Рис. 2. Юрты Каюковы летние (*Луңк пухал* — ‘духов селение’). Фото К. Карачарова, р. Б. Юган, 2018 г.

Рис. 3. Семья Лисака Петровича Каюкова. Фото Е. Даниловой, р. Б. Юган, 2018 г.

Рис. 4. Лазарь Никифорович Мултанов, изготавливающий нарты. Фото Е. Даниловой, р. Б. Юган, 2018 г.

Рис. 5. Действующий лабаз на культовом месте Сох-юх-Ики (*сохйух ики* — ‘Березового посоха дед’). Фото Е. Даниловой, р. Б. Юган, 2018 г.

Рис. 6. Молельный дом в юртах Каюковы. Фото Е. Даниловой, р. Б. Юган, 2018 г.

Глава 3

АКТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕДРОПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ И КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ ЧУКОТКИ

Оксана Петровна Коломиец

Чукотский автономный округ (ЧАО) – северо-восточный регион, который находится в Арктической зоне Российской Федерации. Основа социально-экономического благополучия Чукотки - добыча полезных ископаемых. Регион имеет уникальный ресурсный минерально-сырьевой потенциал. Запасы золота, серебра, меди, угля, олова, вольфрама оцениваются, как самые большие в России. В настоящее время в Чукотском автономном округе зарегистрировано 29 предприятий-недропользователей, которые занимаются разведкой и добычей полезных ископаемых.

В округе сосредоточено несколько крупных корпораций, добывающих драгоценные металлы и углеводородное сырье, а также действующих на стадии геологоразведки и строительства промышленной инфраструктуры. Основная доля добычи драгоценных металлов осуществляется на пяти предприятиях, разрабатывающих золоторудные месторождения: АО «Чукотская горно-геологическая компания», ОАО «Рудник «Каральвеем», ООО «Рудник «Валунистый», ООО «Золоторудная компания «Майское», ООО «Северное золото». ООО «Берингпромуголь» с 2016 г. разрабатывает чукотское месторождение коксующегося угля. Управляющая компания «Руссдрагмет» (входит в компанию «HighlandGoldMiningLimited») в настоящее время заканчивает геологоразведочные работы на месторождениях Клен и Кекура. ООО «Горно-добывающая компания Баимская» (ГДК Баимская) (группа KAZ Minerals PLS) разрабатывает

проект золото-медного месторождения Песчанка. Ввод в эксплуатацию месторождения запланирован на 2026 г. Проект Баимского горно-обогатительного комбината включен в стратегию социально-экономического развития Дальнего Востока.

Вся территория ЧАО отнесена к местам традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМН Российской Федерации (Распоряжение 2009). В округе проживает 49663 чел., из которых 14470 чел. – сельское население (Численность 2019). Коренные малочисленные народы (КМН) расселены на всей территории округа. Чукотка отнесена к местам традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМН Российской Федерации. В регионе 7 коренных малочисленных народов Чукотки (КМНЧ): чукчи, эскимосы, эвены, чуванцы, коряки, кереки, юкагиры. Наиболее многочисленными коренными народами Чукотки являются чукчи (12772 чел.), эскимосы (1529 чел.), эвены (1392 чел.) (Федеральная 2010).

Ни одна из компаний-недропользователей не ведет свою деятельность в непосредственной близости от городов, поселений, а также мест традиционного природопользования коренных жителей. Тем не менее, у них существует политика взаимодействия с местным сообществом, которая выстраивается исходя из приоритетов руководства, собственных возможностей (в первую очередь финансовых), взаимной заинтересованности корпораций и населения. Согласно Федеральному закону «О недрах», добывающие компании должны учитывать интересы населения, проживающего на территории, где они ведут свою деятельность. Данная обязанность реализуется в рамках исполнения социальных и экологических проектов, благотворительных программ, закрепленных в соответствующих соглашениях. Недропользователи заключают как двухсторонние соглашения с Правительством ЧАО, так и трехсторонние – с Ассоциацией коренных малочисленных народов Чукотки (АКМНЧ) и администрацией муниципального образования, на территории которого осуществляют работы предприятия.

В настоящей главе будут рассмотрены основные модели взаимодействия промышленных компаний и аборигенного населения Чукотки; определен круг вопросов, наиболее остро волнующих

коренных жителей в свете интенсификации промышленного освоения региона; охарактеризованы степень взаимодействия аборигенного сообщества и представителей недропользователей по выявленным проблемам; обозначены перспективы долгосрочных партнерских отношений между коренным населением и добывающими компаниями Чукотки. Характер отношений между жителями и добывающими компаниями Чукотки определяется автором исходя из следующих критериев: наличие регионального законодательства, регулирующего процесс взаимодействия коренного населения и недропользователей; региональные нормативные документы, которые определяют режим природопользования на данной территории; наличие/отсутствие практики договорных отношений добывающих компаний с представителями аборигенного сообщества; выполнение условий договоров на практике; наличие/отсутствие экономических соглашений с представителями территориально-соседских и родовых общин Чукотки; программы обеспечения занятости коренного населения на добывающих предприятиях; создание и функционирование общественных комиссий, советов и т.п. при предприятиях, которые могут участвовать в управленческой деятельности.

Методы исследования

Автор опирается на результаты собственных опросов коренных жителей региона, проведенных в 2014 - 2018 гг. (в процессе работы было собрано более 60 интервью у жителей ЧАО), а так же на материалы подобных исследований, проводимых в других арктических регионах РФ; на статистические документы, публикации в СМИ, соглашения о сотрудничестве, отчеты о деятельности компаний, информационные буклеты, планы взаимодействия компаний с населением и т.п.

В 2014–2015 гг. в рамках проекта «Коренные народы и промышленное освоение Арктики: преодоление рисков и стратегии развития» были проведены полевые исследования в городах Анадыре, Билибино, в Анадырском, Чаунском, Билибинском и Провиденском районах ЧАО. В числе респондентов были работники и руководители

добывающих компаний, жители населенных пунктов, находящихся в непосредственной близости от предприятий, общественники, представители органов власти. Также мы провели опрос коренных жителей Чукотки о том, как они относятся к промышленному освоению региона, как оценивают сложившиеся отношения между недропользователями и населением.

Всего в рамках проекта было проинтервьюировано 40 чел. При опросе была использована «Примерная программа экспертного интервью», разработанная Н.И. Новиковой, Е.А. Пивневой, Е.П. Мартыновой и др. участниками проекта. Основные вопросы касались механизмов поддержки языков и культуры коренных малочисленных народов; оценки современного состояния традиционных отраслей хозяйства; проблем, возникающих у представителей КМНЧ при соприкосновении с промышленными компаниями; надежд, связанных с промышленным освоением региона; возможных и существующих рисков в ходе промышленного развития для традиционных видов деятельности; появления новых видов деятельности в современных условиях в оленеводстве, морзвербойном промысле и рыболовстве; состояния этнокультурной инфраструктуры; оценки государственной поддержки языков и культуры КМНЧ; возможности участия в решении важных проблем села, города, округа; условий для участия коренных жителей в решении вопросов, затрагивающих их права и интересы при промышленном освоении.

В результате обобщены материалы по вопросу взаимодействия коренных малочисленных народов Чукотки и добывающих предприятий округа. Проанализировав опыт сотрудничества населения и недропользователей Чукотки (Тишков и др. 2016; Коломиец 2016), мы пришли к выводу, что на сегодняшний день наиболее распространены три модели взаимодействия.

Первая модель – региональная. Она охватывает все коренное население округа, сопряжена с тесным сотрудничеством и долгосрочной перспективой совместной деятельности.

Вторая модель – локальная, которая характеризуется взаимодействием добывающих компаний с коренным населением того района, к которому территориально ближе всего находится производство.

Третья модель – точечная, когда компании-недропользователи еще не осуществляют полномасштабную добычу полезных ископаемых на территории ЧАО, а проводят разведку или налаживают производственную инфраструктуру. При этом, предприятия так или иначе контактируют с местным сообществом, добровольно или вынужденно «налаживают мосты» с населением, с представителями общественных организаций и, в основном, декларируют возможные варианты дальнейшего сотрудничества.

Региональная модель

В ее рамках работают крупнейшие золотодобывающие предприятия Чукотского автономного округа – АО «Чукотская горно-геологическая компания» и ООО «Северное золото». Они входят в группу компаний Кинросс Голд. Социальные проекты данных компаний распространяются на всю территорию Чукотки, независимо от этнической принадлежности населения.

В 2008 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между ЗАО «Чукотская горно-геологическая компания» (ЗАО «ЧГГК») и Ассоциацией коренных малочисленных народов Чукотки (АКМНЧ). Данный документ – пример долгосрочных партнерских отношений между промышленниками и общественной организацией, представляющей интересы коренных народов. В 2014 г. было подписано аналогичное соглашение между Ассоциацией КМНЧ и ООО «Северное золото».

Внедрены элементы со-управления¹, такие как общественные слушания, публичные годовые отчеты о деятельности компаний, экологические мониторинги с участием жителей региона. Так, в 2014 г. ЗАО «ЧГГК» инициировало и провело обучающий экологический тренинг для коренных жителей-общественников из Билибинского и Анадырского районов на руднике «Купол» (см. Рис. 1). Участники группы познакомились с требованиями законодательства РФ и международных стандартов в области экологии к комплексам природоохранных мер; технологиями обращения с цианидами; технологией строительства хвостохранилища, зумпфа (накопитель вод, дополнительная защита в случае неисправности дренажей и стока

вод) и мониторинговых скважин; требованиями к утилизации отходов предприятий; рекультивацией земель; методами и техниками анализа, контроля и мониторинга основных показателей; техникой пробоотбора и мониторинга с проведением практических занятий; влиянием деятельности предприятия на биологические ресурсы региона. Затем по инициативе компании было проведено два общественно-экологических мониторинга (в октябре 2013 г. на руднике «Купол», в сентябре 2014 г. на рудниках «Купол», «Двойное»). В состав экологических групп вошли общественники Провиденского, Анадырского и Билибинского районов. Каждые два года на предприятиях компании «КинроссГолд» проводится аудит соответствия стандартам охраны окружающей среды, параметрам охраны труда и промышленной безопасности, а также оценивается качество диалога с местным населением (*Отчет 2013*: 2).

Рис. 1. Участники общественно-экологического мониторинга на ГОКе рудника «Купол». Автор фото О. Коломиец, 2014 г.

В рамках Соглашения РОО АКМНЧ, АО «Чукотская горно-геологическая компания» и ООО «Северное золото» с 2010 г. регулярно проводится экологический тренинг «Экология для не экологов».

В компаниях существуют программы, направленные на повышение профессионального уровня и трудоустройства на вакансии компаний жителей из числа КМНЧ. Разработаны учебные программы и тренинги в целях совершенствования навыков работы в горнодобывающей и смежных отраслях, которые охватывают всех сотрудников, включая представителей коренных малочисленных народов. Существуют обучающие проекты для сотрудников из числа КМНЧ, позволяющие повысить квалификацию или приобрести новые профессиональные навыки в учебных учреждениях Чукотского АО. Соискатели вакансий из числа КМНЧ имеют приоритет при трудоустройстве в компании (*Путь* 2016: 6; *Ответственное* 2015: 26-27). На руднике «Купол» с 2008 г. действует сертифицированный производственный центр обучения, который подготовил специалистов по 39 профессиям. Идея создания центра была обусловлена острой необходимостью в сжатые сроки подготовить квалифицированных специалистов рабочих профессий. Всего за время работы учебного центра профессиональную подготовку по основным образовательным программам более 2 тыс. работников рудника. В настоящее время на базе центра реализуется проект «Программа профессиональной подготовки плотников» (*Отчет* 2013: 2; *Интервью* 2015; *Омрувье* 2019: 22).

В рамках соглашений ЗАО «Чукотская горно-геологическая компания» и ООО «Северное золото» с Ассоциацией КМНЧ предусмотрено следующее: в течение тридцати дней на открытую вакансию рассматриваются претенденты из числа квалифицированных сотрудников компании, представители коренных малочисленных народов Севера, а также соискатели, проживающие на территории ЧАО и других субъектов ДВФО. При подборе кандидатов осуществляются прямые контакты кадровой службы участков предприятия с филиалами Ассоциации КМНЧ Чаунского и Билибинского районов (*Полиметалл* 2014: 3).

Одним из самых значимых социальных проектов недропользователей Чукотки можно считать создание Фонда, средства которого

расходуются на наиболее актуальные инициативы жителей региона. В 2009 г. ЗАО «ЧГГК» учредило некоммерческую организацию «Фонд социального развития «Купол». С 2013 г. вторым донором Фонда является ООО «Северное золото».

Цель Фонда – содействие и поддержка устойчивого социально-экономического развития Чукотского автономного округа путем финансирования социально значимых проектов. В Фонде грантозаявительная система выделения средств. Годовой бюджет фонда – 400 тыс. дол. Финансовое обеспечение получают проекты, связанные с оказанием поддержки коренным малочисленным народам Чукотки, способствуют развитию долгосрочных выгод для региона и вносят значительный вклад в улучшение качества жизни местного населения; предлагаются местным населением и имеют перспективы в плане устойчивости и развития местного потенциала; содействуют развитию партнерства между целевыми сообществами и другими заинтересованными сторонами. Программные направления проектов: традиции коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, включая методы традиционного природопользования; здравоохранение; образование и обучение; устойчивое развитие малого и среднего предпринимательства (Фонд). Согласно учредительным документам, на поддержку коренных малочисленных народов должно направляться не менее одной трети бюджета Фонда. Благодаря Фонду издается значительное число методической, художественной, научной литературы.

В настоящее время Фонд профинансировал и реализовал 162 проекта (см. Рис. 2). Наибольшее число поддержанных проектов – в номинации «Традиции коренных народов» (90). Общий объем оказанной поддержки составил более 148 млн. руб. (Фонд 2019: 2).

АО «Чукотская горно-геологическая компания» помимо финансирования Фонда «Купол» напрямую взаимодействует с населением округа и оказывает помощь в реализации ряда социально значимых проектов. Так, предприятие активно сотрудничает с Советом представителей коренных народов в городском округе Певек. По этому соглашению для оленеводов МП СХП «Чаунское» выделяется спецодежда, для оленеводческих бригад приобретаются товары, необходимые в работе. Для жителей села Рыткучи Чаунского райо-

Рис. 2 Открытие выставки в честь 10-летия Фонда «Купол». Автор фото О. Коломиец, 2019 г.

на закуплены спортивные тренажеры, музыкальное оборудование, детскому саду села Ламутское Анадырского района подарена детская площадка (Омрувье 2019: 22).

АО «Чукотская горно-геологическая компания» на постоянной основе реализует ряд социальных программ, ориентированных на поддержку и сохранение традиционного образа жизни в оленеводческих бригадах Билибинского, Чаунского и Анадырского районов: оказание безвозмездной помощи (топливо, спецодежда, продукты питания, т.д.) на ежеквартальной основе; ремонт техники по запросам оленеводов; транспортная поддержка выездов к оленеводам (администрация, медицинские работники, национальные ансамбли); бесплатный проезд оленеводов на авиарейсах компании; программа вывоза оленеводов на лечение в санатории «Талая» Магаданской области; регулярные перевозки в Билибинском и Чаунском районах; поездки детей и взрослых с. Илирней и с. Ламутское на месторождение «Купол» (уроки рисования, английского языка, профориентационная работа); празднование Дня коренных народов на

руднике «Купол». Также проводятся ежегодные благотворительные акции «Помоги собраться в школу», «Подарок от Деда Мороза», ежегодный благотворительный рождественский базар в г. Москве, на котором продают сувениры, созданные руками мастеров и детей Чукотки. Средства, вырученные от продажи сувениров, передаются в Чукотский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних (Фонд).

Среди социально-культурных проектов, поддерживаемых на постоянной основе недропользователями Чукотки, отметим премию Бориса Вуквукая и фестиваль «Эракор».

В 2013 г. по инициативе Совета представителей коренных малочисленных народов при Администрации Чаунского муниципального района реализуется проект «Премия имени Бориса Вуквукая». Цель проекта – оздоровление оленеводов-наставников, приобщение детей и подростков к работе в оленеводстве. Проект предусматривает оплату санаторно-курортного лечения оленеводам-наставникам и поощрение ценными подарками подростков от 14 до 18 лет за успехи в работе в оленеводческих бригадах МП СХП «Чаунское» в летний период. Финансовую помощь в реализации проекта оказывают ЗАО «Чукотская горно-геологическая компания» и ООО «Золоторудная компания «Майское». За пять лет существования премии, ею награждены почти 100 работников бригад и подростки. Семьи оленеводов получают путевки в санаторий «Талая», а дети и подростки получают в подарок гаджеты: телефоны, планшеты, колонки, наушники.

С 2015 г. под эгидой Фонда социального развития «Купол» проходит ежегодная ярмарка оленеводов Чукотки «Эракор» (Быстроногий олень). Цель ярмарки – возрождение традиций оленеводства, ездового оленеводства, ярмарок и гонок на оленьих упряжках, расширение связей между оленеводами и морскими охотниками разных районов Чукотки. Ярмарка делится на два этапа: восточный и западный. Ранее гонки проходили в селе Амгуэма (городской округ Эгвекинот), на перевалбазе Бургахчан (Билибинский район), а также в селе Канчалан (Анадырский район). Подобные мероприятия крайне важны для культурной жизни округа. Жители отмечают необходимость проведения ярмарок на регулярной основе.

По нашему мнению, региональная модель взаимодействия на сегодняшний день является самой эффективной и открытой для всех заинтересованных сторон. Недропользователи не ограничивают действие своих программ на отдельные территории округа, отдельные группы населения, социальное партнерство направлено на все местное сообщество. Конечно, поддерживать партнерство в рамках данной модели – довольно сложная и затратная задача. Например, для объективной оценки проектов в Фонде «Купол» создан экспертный совет, члены которого внимательно изучают заявки, и только потом проекты рассматривает конкурсная комиссия. Многие выигранные проекты сопровождаются специалистами Фонда до их полного завершения. Или, для проведения экологических мониторингов с участием общественности, необходимо обучить участников элементарным экологическим знаниям, познакомить с процессом производства на рудниках, российскими и международными экологическими стандартами. И только после этого компания проводит непосредственно мониторинг. Далеко не все предприятия обладают ресурсами для проведения подобных мероприятий.

Несмотря на значительный положительный опыт взаимодействия крупных компаний с местным сообществом, значительная часть активистов-общественников из числа КМНЧ говорят об отрицательном влиянии «соседства» традиционных отраслей и промышленных компаний. В основном в таком русле высказываются жители г. Билибино и Билибинского района, так как именно там сосредоточено больше всего добывающих предприятий. Оленеводы за свой тяжелый труд получают во много раз меньше, чем разнорабочий на руднике. По этой причине многие молодые люди меняют исконный образ жизни на комфорт и достаток. Эта ситуация волнует представителей старшего поколения: «Купол» привлек всех молодых людей, вся молодежь на вахте, а в оленеводстве остались одни старики» (*Протокол 2019: 14*). При этом все понимают, что молодежь просто так в оленеводстве не удержать: «нельзя же просто запретить им уйти на лучшую, оплачиваемую работу» (ПИМА)

Также одним из негативных последствий промышленного освоения может являться переориентация части коренного населения от традиционного образа жизни. Одним из самых пагубных

последствий промышленного освоения является изменение идеологии природопользования (Новикова 2014: 345, 347). Уже сейчас есть примеры, когда дети оленеводов и морзверобоев учатся или же успешно закончили Чукотский филиал СВФУ им. М.К. Аммосова, получили инженерные специальности и не видят свое будущее рядом с родителями на стойбище или в море. Нужно искать решение в создании привлекательности занятия традиционным хозяйством. На сегодняшний день на этот вопрос не могут ответить ни население, ни предприятия, ни органы власти.

На фоне общих экологических проблем, связанных с промышленным освоением месторождений, часто компании позволяют себе не выполнять действующее законодательство и взятые на себя обязательства. К сожалению, такие примеры есть и на Чукотке. В 2017 году Департаментом образования, культуры и спорта Чукотского автономного округа проводились контрольные (надзорные) мероприятия за состоянием объектов культурного наследия (ОКН) и мониторинговые исследования ОКН. Основное внимание было уделено археологическим объектам, т.к. они составляют 87% от общего числа объектов культурного наследия, расположенных на территории ЧАО. В ходе проведенных работ было установлено, что в настоящее время особую остроту приобрел вопрос сохранения археологических объектов в районе хозяйственной деятельности человека. Так, в 2017 г. установлено полное разрушение стоянок «Верхнетытыльская VI пункт 1» и «Верхнетытыльская VI пункт 2», «Местонахождение Моренное». На месте стоянок находятся карьеры ПГСМ. Сильно повреждены объекты «стоянка Верхнетытыльская XI» и «Верхнетытыльская XII». В ходе проведения в феврале 2018 г. инвентаризации сведений об ОКН в отчетных документах, сданным по результатам археологических экспедиций указано, что в 2003 г. на месте стоянки «102-й километр» у Иульгинской трассы расположен карьер ПГСМ; в 2004 г. грунтовый проезд через «Поселение Лахтина I» у аэропорта Беринговский разрушил памятник более чем наполовину; в 2006 г. обследование проектируемой трассы «Эгвекинот – Валунистый-Комсомольский»; вездеходная колея проложена по стоянке Паляваам III; мониторинг памятников у озера Иони показал, что вездеходный проезд проходит через стоянки Иони II,

Иони III и Иони IV; в 2008 г. строительство дороги «Певек-Купол» разрушило две археологические стоянки: «Верхнетытыльская IV пункт 1» и «Верхнетытыльская IV пункт 2». Археологические стоянки расположены на моренных холмах с хорошим обзором, подъездом, сухим грунтом. Такие места наиболее удобны и для строительства дорог и разработки карьеров. Наиболее древние памятники каменного века очень уязвимы. Их разрушает даже однократный проезд тяжелой гусеничной техники. При разработке карьеров они разрушаются полностью (*О реализации* 2018).

Локальная модель

Этот вариант сотрудничества характеризуется взаимодействием добывающих компаний с коренным населением, проживающим в непосредственной близости от производства, без охвата жителей всего округа. Данная модель предполагает скорее спонсорство, благотворительность, чем форму долгосрочных партнерских отношений. Как правило, компании заключают соглашения о сотрудничестве с муниципальным образованием, в рамках которого происходит оказание помощи, или финансирование конкретного проекта. Социальное партнерство – важнейший инструмент взаимодействия, рассматривается как некая возможная, но отдаленная перспектива, а не насущная необходимость. В рамках такой модели работают АО «Рудник Каральвеем» (входит в группу «Auramine Resources»), АО «Северо-тихоокеанская угольная компания», ООО «Берингпромуголь» (компании входят в группу Tigers Realm Coal Ltd), крупные и средние старательские артели, такие как ООО «Артель старателей «Чукотка», ЗАО «Артель старателей «Полярная звезда» и др. Социальная политика ООО «Золоторудная компания «Майское» (дочернее предприятие ОАО «Полиметалл») в значительной степени относится к первой модели взаимодействия, так как характеризуется длительными устойчивыми связями с населением и общественными организациями, но отнесена нами ко второй из-за того, что компания принципиально ограничивает социальное партнерство только территорией Чаунского муниципального района.

ОАО «Полиметалл». В документах компании, отражающих основные подходы политики взаимодействия с коренными народами подчеркивается принцип локального сотрудничества: «Хотя «Полиметалл» не ведет работы в местах традиционного природопользования коренных народов, вблизи природных, археологических и культурных объектов и памятников, а также на особо охраняемых природных территориях, компания осознает ответственность за сохранение и развитие культуры КМНС, поэтому проводит сбалансированную политику взаимодействия с коренными народностями, проживающими непосредственно вблизи мест ведения производственной деятельности, способствуя сохранению традиционного уклада и культурного своеобразия, а также создавая возможности для трудоустройства. Компания взаимодействует и сотрудничает с организациями и общинами КМНС на этих территориях, оказывая поддержку по актуальным и жизненно необходимым направлениям, привлекая представителей КМНС к участию в публичных встречах с населением, совместным консультациям и работе в общественных советах, где обсуждаются и утверждаются мероприятия социальной поддержки» (*Иформация* 2014). Таким образом, компания взаимодействует с населением Чаунского района.

Ежегодно руководство ООО «Золоторудная компания «Майское» утверждает совместно с Советом представителей коренных малочисленных народов городского округа Певек Социальную программу. В рамках реализации программных мероприятий за период 2010-2018 гг. в социальные проекты было инвестировано более 39 млн. руб., из них в 2018 г. – 17,5 млн. руб. (*Омрузье* 2019: 22)

Помимо реализации социальной программы ведется работа по исполнению Соглашения с администрацией муниципалитета. Так, была благоустроена территория, прилегающая к детскому саду «Золотой ключик», приобретен автобус «Волжанин» для осуществления бесплатных пассажирских перевозок. «Полиметалл» спонсирует проведение этнокультурных и городских праздников, ежегодного «Слета оленеводов» в с. Янранай, материально помогает творческим коллективам, мастерам декоративно-прикладного искусства, учреждениям образования, оказывает адресную помощь социально-незащищенным гражданам из числа КМНЧ. Оценка потреб-

ностей коренного населения проводится с помощью Ассоциации КМНЧ, представителями других общественных организаций. Ежегодно дочернее предприятие ОАО «Полиметалл» проводит круглый стол с участием общественности, представителей государственных учреждений района и утверждает актуальные направления социальной деятельности на год. В компанию трудоустраивают граждан из числа КМНС, имеющих соответствующее вакансиям образование и квалификацию. Предприятие взаимодействует с оленеводческой бригадой № 9 МП СХП «Чаунское» с. Рыткучи и бригадой № 5 МП СХП «Пионер» с. Биллингс. Для бригад приобретают ГСМ, товары первой необходимости, дрова, палатки, газовые плитки, медикаменты, осуществляют ремонт техники, предоставляют транспорт для перевозки оленеводов и их детей из бригад в г. Певек. В вахтовом поселке для оленеводов обустроена комната отдыха (*Полиметалл* 2014: 3–4).

С 2015 г. при финансовом участии ООО «Золоторудная компания «Майское» реализуется проект «Премия имени Петра Ивановича Инэнликея». Премия названа в честь первого чукотского учёного-лингвиста. Проект предполагает активное участие жителей Чаунского района в изучении родного языка в повседневной жизни и на специально организованных занятиях (Итоги).

При поддержке «Майского» Чаунский краеведческий музей издал две книги из трилогии по краеведению «Красная книга Чукотки глазами детей» и «Тепло очага яранги», два года проводит кинофестиваль в Певеке «Северная быль» (Синькевич 2018: 19).

Австралийская угледобывающая компания Tigers Realm Coal Ltd (дочерние компании в России – АО «Северо-тихоокеанская угольная компания», ООО «Берингпромуголь», ООО «Берингугольинвест», ООО «Порт Угольный») в 2016 г. объявила о добыче первой партии угля на Фандюшкинском поле (см. Рис.3). Именно с этого момента компания начала активно взаимодействовать с населением Анадырского района (Чесноков 2019: 6–7). Так, из 140 человек, занятых (на март 2019 г.) на производстве в ООО «Берингпромуголь», 44 являются жителями Чукотки (Тимченко 2019: 8). Согласно стратегическому плану развития, количество сотрудников будет ежегодно расти, к 2024 г. достигнет численности 400 чел. Основной критерий

Рис. 3 Производственная площадка ООО «Берингпромуголь».
Автор фото О. Яценко, 2019 г.

при приеме на работу – профессионализм. При этом соискатели из числа местных жителей рассматриваются в приоритетном порядке (Тимченко 2019: 9).

В ноябре 2018 г. между ООО «Берингугольинвест» и региональной общественной организацией «Ассоциация коренных малочисленных народов Чукотки» (РОО «АКМНЧ») было заключено Соглашение о сотрудничестве и подписано приложение к Соглашению «О Рабочей группе по разработке и реализации конкретных приоритетных проектов и предложений в 2019 г. Рабочая группа занимается отбором актуальных проектов в сфере культуры, спорта, образования и экологии. Наиболее востребованные проекты социальной направленности в настоящее время уже финансируются компанией.

В 2017–2018 гг. была оказана благотворительная помощь МУ СХП «Беринговский» в размере 1 млн. руб. В 2017–2019 гг. предприятие спонсировало культурно-спортивный фестиваль «Эйнев», софи-

набирало съемки документального фильма «Праздник молодого оленя», приобретало подарки для детей. Помимо финансовой помощи разработана программа взаимодействия со школьниками п. Беринговский, в рамках которой ведется профориентационная работа.

Кроме того, компания Tigers поддерживает меры по созданию особо охраняемой природной территории регионального значения «Природный парк «Земля кулика-лопатня» (Tigers).

Опросы респондентов показали, что ни одна из добывающих компаний округа не отказывает нуждающимся в помощи. Например, помогают оленеводческим бригадам ГСМ, выделяют деньги на проведение ремонтов, мероприятий, праздников, оказывают материальную помощь, приобретают мебель. При этом многие представители АКМНЧ считают, что компании тратят на развитие региона слишком мало, что необходимо выделять средства в зависимости от объемов добытых драгоценных металлов, а не фиксированные суммы из года в год. Также среди общественников весьма распространено мнение, что компании должны оказывать помощь тем районам и населенным пунктам, рядом с которыми осуществляют свою деятельность. Среди старшего поколения опрошенных весьма распространена точка зрения, согласно которой помощь не должна касаться городских жителей, которые не заняты в традиционных отраслях хозяйства и тех районов, в которых нет добычи.

Некоторые активисты АКМНЧ считают необходимым создавать на основе одного или нескольких предприятий фонды, подобные Фонду социального развития «Купол», чтобы эти организации на постоянной основе помогали оленеводам, территориально-соседским и родовым общинам, то есть тем, кто ведет традиционный образ жизни. Сельские активисты особо подчеркивают важность помощи именно кочующему населению. Но недропользователями подобные инициативы не поддерживаются, так как «сильно отвлекают от основной работы» (ПМА). По нашему мнению, в регионе назрела необходимость создания единой формы соглашений с недропользователями, в которых будут прописаны взаимные обязательства сторон, основные приоритеты взаимодействия, порядок финансирования и иной помощи.

Опрошенные жители Билибинского района озабочены тем, как ведут хозяйственную деятельность небольшие артели, не отвечающие на призывы о проведении общественно-экологических мониторингов в местах добычи. Эту ситуацию пытались исправить с помощью общественных организаций, но пока безуспешно. Закон не обязывает недропользователей заниматься организацией подобных мероприятий.

Также по мнению респондентов, большинство мелких артелей не хотят брать на работу местных жителей, предпочитая привозить вахтовиков из центральных районов страны, Украины, Беларуси, Молдавии, Узбекистана, Таджикистана: «Раньше ГОКов много было. Они заморозились, нас поувольняли. Пришла «СибНефть». Привезли работников, местных не берут. Приходит «Сибтрубопроводстрой». Нас всех взял. Мы трубу за 5 месяцев положили. Окупилась техника второй раз. Нам была благодарность. «СибНефть» «всю технику убили. Нам сказали, обучайтесь, будете работать на компрессорных. Но не взяли. Привезли белорусов. Я на «Майское» устроился, звонит «Купол» – у них есть вакансия. Через 5 лет на «Майском» сокращения, на «Купол» не берут уже. Мы все без работы (Протокол 2019: 13).

Причины отказа в трудоустройстве, которые озвучивают работодатели – нужно «своим» больше платить из-за северных надбавок, у коренных жителей низкая мотивация к труду, отсутствует необходимая производственная квалификация. При этом много коренных жителей работает в ЗАО «ЧГГК», в ООО «Северное золото», в артели старателей «Луч», на руднике «Каральвеем». Есть примеры, когда хороших стабильных работников из числа КМНЧ отправляли на переобучение.

По нашему мнению, необходимо привлекать на работу в горно-рудные предприятия молодежь из числа коренного населения. Компании, которые приглашают на практику студентов-геологов, энергетиков из Чукотского многопрофильного колледжа и Чукотского филиала Северо-Восточного федерального университета остаются довольны их работой (Тишков 2016: 171-174).

Локальная модель взаимодействия недропользователей и коренного населения Чукотки нашла широкое применение на практи-

ке. Именно по принципу «помогаем тем, кто ближе к нам» работает большинство добывающих предприятий. Но при таком подходе за рамками социального партнерства оказывается значительная часть населения. Представляется важным включение средних и мелких добывающих предприятий во взаимодействие на долгосрочной, плановой основе. Разовая, денежная, «точечная» помощь, которая зачастую заключается лишь в спонсорстве от случая к случаю, не приносит ощутимых результатов ни благополучателям, ни тем, кто эти средства дает. От открытого, постоянного сотрудничества выигрывает и население, и компании. Поддержка социально-культурных проектов, малого предпринимательства, создание рабочих мест для жителей региона, работа с подрастающим поколением являются инвестированием в будущее собственных компаний.

Точечная модель

Данная модель сотрудничества является наиболее проблемной, неопределенной для взаимодействия. Компании-недропользователи еще не осуществляют полномасштабную добычу полезных ископаемых на территории ЧАО, а проводят разведку или налаживают производственную инфраструктуру. Соответственно, проблемы со-управления, создания социальных фондов, долгосрочных проектов не стоят на их повестке дня. Именно третья, из представленных моделей взаимодействия наиболее закрыта от общества, что чаще всего порождает непонимание и конфликты со стороны жителей. Например, ОАО «НК Роснефть» в 2014-2016 гг. планировало проведение комплексных геофизических исследований на участках «Северо-Врангельский-1», «Северо-Врангельский-2», «Южно-Чукотский», расположенных на континентальном шельфе Чукотского моря. Жители округа были серьезно обеспокоены планами компании в связи с возможным негативным воздействием на экосистему Чукотского моря и о. Врангеля. Общественники направили официальные обращения руководству «Роснефти» и министру природных ресурсов и экологии РФ. Ассоциация КМНЧ во избежание конфликтных ситуаций предложила еще до начала работ по геологическому изучению недр провести общественные слушания по проекту и

заключить соглашение о сотрудничестве и совместной деятельности по освоению недр Чукотского моря между ОАО «НК «Роснефть» и Ассоциацией КМНЧ. В декабре 2013 г., а также в феврале 2014 г. прошли общественные слушания, во время которых ООО «РЭА – консалтинг», представила результаты экспертной деятельности о возможном негативном влиянии геофизических исследований на общественное обсуждение. Эксперты отметили, что ни на биоресурсы, ни на ведение традиционной хозяйственной деятельности коренных народов геофизическая разведка не повлияет.

В апреле 2016 г. прошла рабочая встреча с заинтересованной общественностью по объекту «Программа комплексных геофизических работ на лицензионных участках «Северо-Врангелевский-1», «Северо-Врангелевский-2» и «Южно-Чукотский» в 2016-2020 гг.». Участниками встречи были ученые, представители АКМНЧ и других общественных организаций, разработчики Программы, представители органов власти и добывающей компании. Проблематика встречи – возможное негативное воздействие от геофизических работ на водные биоресурсы (на бентос, который является кормовой базой для рыб, моржей и китов) (*Протокол* 2016: 1–9).

Геофизические, геохимические и геотехнические работы на лицензионных участках ОАО «НК «Роснефть» рассчитаны до 2022 г (Краткое описание). Благодаря активной позиции жителей округа представители компании регулярно проводят общественные обсуждения не только в столице округа, но и на периферии (г.о. Эгвекино, национальные села Лаврентия, Лорино), информируя жителей о предстоящих работах.

К данной модели взаимодействия можно отнести деятельность ООО «Горно-добывающая компания Баимская» (ГДК Баимская) (группа KAZ Minerals PLS). Строительство Баимского горно-обогательного комбината (ГОКа) планируется начать в 2021 г. В настоящее время проект находится на стадии обоснования банковского финансирования. В сентябре 2019 г. эксперты разместили в публичном доступе Отчет о Предварительной экологической и социальной оценке проекта освоения медного месторождения Песчанка. Согласно отчету, ранее экспертами были выявлены сообщества, на которые проект будет оказывать негативное воздействие. Специализи-

Рис. 4 Участники круглого стола по проекту Песчанка слушают выступление эксперта. Фото В.Н. Нувано, 2019 г.

сты выяснили, что объекты ГОКа и лицензионная площадь заходят на территорию, используемую территориально-соседской общиной коренного малочисленного народа эвенков «Бургахчан». Благодаря взаимодействию общинников с представителями компании, уже в предварительном плане строительства удалось учесть интересы общины. В октябре 2019 г. в г. Анадыре состоялся круглый стол, посвященный результатам Предварительной экологической и социальной оценке проекта освоения медного месторождения Песчанка (см. Рис. 4). Общественность волнует, прежде всего, состояние оленьих пастбищ, поверхностных и подземных вод при строительстве и эксплуатации ГОКа и сопутствующих инфраструктурных объектов (аэропорта, хвостохранилища, подъездных дорог и т.д.). Также на повестке дня подписание Соглашение с Ассоциацией КМНЧ, так как подписанное ранее оказалось нелегитимным (*Протокол 2019*).

Благодаря более активному общественному участию, в последние годы многие проблемные вопросы решаются оперативно при

четком взаимодействии населения, недропользователей и органов власти. Например, весной 2019 г. при встрече заместителя губернатора М. Соболева с общественностью г. Билибино был поднят вопрос, касающийся проведения торгов по участку недр «Ручей Тайга, правый приток реки Оренковка» без согласования с Ассоциацией КМНЧ. В результате было принято решение о встрече с представителями компании, которая выиграет торги, с активистами АКМНЧ, а также о проведении «круглого стола» с участием недропользователей, разрабатывающих месторождения в Билибинском районе. Губернатор ЧАО поручил органам власти округа при участии АКМНЧ и привлечении всех заинтересованных сторон разработать проект порядка регулирования отношений недропользователей в пределах Чукотского АО, который должен предусмотреть соблюдение социально-экономических и экологических интересов населения при предоставлении недр в пользование и отводе земельных участков. В этом документе необходимо отразить пункты, которые в первую очередь должны предусмотреть гарантии сохранения и развития традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов Чукотки. Также следует учесть совместное участие общественности и природоохранных структур в оценке восстановления природных ландшафтов, вопросы привлечения компаний к восстановительным и рекультивационным работам, проведение этнологической экспертизы (Ковалихин 2019: 6). К сожалению, до настоящего времени ни встреча с покупателем приискового участка, ни круглый стол с недропользователями Билибинского района не состоялись. Активисты АКМНЧ выражают надежду, что до конца 2019 г. удастся провести запланированные мероприятия.

В последние годы отмечается высокая активность населения при организации и проведении общественных слушаний по вопросам природопользования и разработки новых месторождений. Например, в 2015 г. в с. Канчалан Анадырского района по инициативе АКМНЧ прошли общественные слушания на тему: «Оценка воздействия на окружающую среду технического проекта «Разработка месторождения Валунистое открытым способом», в Анадырском районе Чукотского АО». Жителей села волновали вопросы эколо-

гической безопасности, помощи оленеводческим хозяйствам, перспектив трудоустройства в ООО «Рудник Валунистый» (*Общественные* 2015). Благодаря проведенным слушаниям, многие острые вопросы «соседства рудника и оленей» были сняты.

В 2016 г. компанию «НК Роснефть» попросили провести общественное обсуждение планов геологоразведки для жителей г. Анадыря. Кроме представителей компаний, экспертов в обсуждении принимали участие член Совета Федерации А.И. Отке (присутствовала на слушаниях с ПАО «НК Роснефть» в 2018 г.), депутат окружной Думы двух созывов, геолог Г.А. Тынанкергав и др. авторитетные граждане. Проблемы, связанные с деятельностью добывающих компаний, поднимаются и освещаются в региональных средствах массовой информации. Есть примеры того, как в ответ на экологические нарушения со стороны промышленных компаний, население, представители науки и общественных организаций сообща выступали и пытались отстаивать свои законные интересы (*Нувано* 2015: 135-137).

В заключении отметим, что в последние годы отношения недропользователей с местным сообществом заметно активизировались, стали более открытыми, конструктивными, ответственными, долгосрочными. Есть все основания полагать, что с развитием добывающей промышленности в регионе, будет совершенствоваться и социальное партнерство в сторону его углубления и территориального расширения с осознанным переходом компаний-недропользователей на региональный уровень взаимодействия с местным сообществом.

Примечания

- ¹ Под со-управлением нами понимаются различные формы совместной работы заинтересованных сторон (в данном случае недропользователей и коренных жителей Чукотки). Элементами со-управления могут быть информирование без возможности участия в принятии окончательных решений, сотрудничество, контроль со стороны местного сообщества за деятельностью компании. Крупнейшие компании Чукотки ежегодно проводят

общественные слушания, консультации, круглые столы в целях расширения общественного участия в решении природопользования.

Литература

- Информационный отчет компании «Кинросс Голд» о реализации соглашения о сотрудничестве с РОО «Ассоциация коренных малочисленных народов Чукотки», 13 февраля 2014 г.
- Итоги социально-экономического партнерства с золоторудной компанией обсудили в Певеке. URL: <https://prochukotku.ru/20181208/7588.html>.
- Интервью с Клодом Шимпером – региональным вице-президентом по российским проектам, Корпорация Кинросс Голд. URL: <http://zolteh.ru/interview/klod-shimper/>.
- Коломиец О.П.* Взаимоотношения коренных народов Чукотки и добывающих компаний на современном этапе // Вестник САФУ. 2016. № 4. С. 24–33.
- Краткое описание намечаемой деятельности, цели ее реализации, описание условий ее реализации для Программы морских геофизических, геохимических и геотехнических работ на лицензионных участках «Северо-Врангелевский-1», «Северо-Врангелевский-2» и «Южно-Чукотский» в 2019-2022 гг. URL: <https://www.chukotraion.ru/upload/iblock/3af/3afde3a0eeb5acff971b7a57c1986983.pdf>
- Новикова Н.И.* Охотники и нефтяники: Исследование по юридической антропологии. М.: Наука, 2014.
- Нувано В.Н.* О проблемных точках во взаимоотношениях общин КМНЧ и горнодобывающих компаний // Проблемы и перспективы освоения Арктической зоны Северо-Востока России: Материалы Международной научно-практической конференции, г. Анадырь, 15-16 апреля 2015 г., СВФУ / Под ред. Е.И. Михайловой. Анадырь: ЧФ СВФУ, 2015. М.: Издательство «Перо», 2015. С. 135–137.
- Общественные слушания работы рудника Валунистый. Канчалан, 2015.

- О реализации требований статьи 12 регионального Закона 50-ОЗ «О сохранении, использовании, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) в Чукотском автономном округе» и мерах, направленных на предотвращение разрушения целостности объектов археологического наследия, расположенных на территории Чукотского автономного округа, 2018 г.
- Ответственное недропользование и Вы. Основы корпоративной ответственности. Путь Кинросса, 2015.
- Отчет о соблюдении принципов корпоративной социальной ответственности в России Kinross Gold Corporation за 2013 г.
- Омрувье И.* В обоюдных интересах // Крайний Север. 2019. № 22. С. 22.
- Полевые материалы Коломиец О.П., собранные в г. Анадыре, г. Билибино, Билибинском, Анадырском районах ЧАО, 2014 – 2018 гг.
- Полиметалл Управляющая Компания. Информация о взаимодействии с КМНС, 2014.
- Протокол рабочей встречи по объекту: «Программа комплексных геофизических работ на лицензионных участках «Северо-Врангелевский-1», «Северо-Врангелевский-2» и «Южно-Чукотский» в 2016-2020 гг.», 16 апреля 2016 г. 9 с.
- Протокол Круглого стола по проекту освоения Медного месторождения Песчанка. г. Анадырь, 22.10.2019 г.
- Путь Кинросса (Информация о деятельности корпорации «Кинросс Голд»), 2016.
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 мая 2009 г. № 631-р.
- Синькевич Р.* Социальная ответственность важнее золота // Крайний Север. 2019. № 49. С. 19.
- Тимченко М.* Результативное начало, чистое продолжение // Крайний Север. 2019. № 8. С. 8.
- Тимченко М.* Угольщики наращивают добычу // Крайний Север. 2019. № 4. С. 9.
- Тишков В.А., Коломиец О.П., Новикова Н.И., Пивнева Е.А., Терехина А.Н.* Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение. – М.; СПб.: Нестор-История, 2016.

Чесноков О. Беринговский уголь «распробовали в Азии» // Крайний Север. 2019. №16. С. 6–7.

Численность населения Чукотского автономного округа по муниципальным образованиям на 1 января 2019 года. URL: <http://чукотка.рф/naselenie/>

Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган государственной статистики по Чукотскому автономному округу. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года (в 11 т.). Т. 11.

Фонд «Купол». Официальный сайт. URL: <http://kupolfoundation.ru/>.
Фонд социального развития «Купол», 2019.

Tigers Realm Coal Limited. Официальный сайт компании. URL: <https://tig.com.ru/mission.html>.

Глава 4

«РЕСУРСНОЕ ПРОКЛЯТИЕ» С АНТРАЦИТОВЫМ ОТБЛЕСКОМ: КОРЕННЫЕ НАРОДЫ И ДОБЫВАЮЩИЕ КОМПАНИИ КУЗБАССА В СИТУАЦИИ КОНФЛИКТА

Владимир Валерьевич Поддубиков,
Сергей Александрович Арцемович,
Дмитрий Анатольевич Функ

Проблема, обсуждению которой посвящена настоящая глава, очевидно, не нуждается в обосновании актуальности. Она находится в самом центре острого и нередко эмоционального публичного дискурса, по существу, социальных издержек экстрактивизма, цены и перспектив развития, основанного на экстенсивном освоении невозобновляемых ресурсов, воздействии добывающих производств на глобальный климат и местные сообщества (прежде всего, коренных народов) во всем мире. Распространенная в этом направлении риторика концептуально восходит к критике самой неолиберальной модели капитализма (*Veltmeyer 2014; Engels 2017*) как не соответствующей идеалам сбалансированного и устойчивого развития (*Acosta 2017; Valencia 2016*), социально справедливого распределения ресурсной ренты и вытекающих из нее благ, преодоления (нео-, пост-)колониальных парадигм ресурсного империализма, риски которого для значительной части человечества настолько очевидны, что формируют ряд значимых глобальных угроз экологического, социального и экономического порядка.

Особое беспокойство во всем мире вызывает проблема нарастающих диспропорций в доступе к материальным благам и, в частно-

сти, фактическое отстранение от них той части человечества, которая сосредоточена именно в регионах производства этих благ.

Еще в 1995 г. в докладе научно-исследовательского института социального развития ООН (UNRISD) отмечалось, что «многим [людям] быстрые социально-экономические перемены второй половины XX столетия принесли улучшение жизни, но есть и миллионы тех, кто не получил никаких преимуществ...», а, скорее напротив, испытывает лишь негативное влияние со стороны развивающейся инфраструктуры мировой экономики, сориентированной на удовлетворение растущего спроса на товары и услуги в экономически развитых странах, и связанной с этим экстенсивной добычи ресурсов (*Тревоги* 1997: 24). Речь в докладе шла о социально уязвимых группах населения развивающихся стран, в значительной степени отстраненных от глобальной системы распределения социальных и экономических благ. «Люди, которых обгоняет модернизация» – так авторы доклада обозначили часть населения мира, насчитывающую сотни миллионов человек, для которых характерен низкий уровень жизни, затрудненный доступ к высокооплачиваемому труду, образованию, медицинскому обслуживанию и жизненным стандартам общества потребления. По сути, речь идет о масштабном мировом социальном дисбалансе, который, вопреки логике самой глобализации и распространенного концепта «глобальной деревни», не сближает народы мира, стремясь к их интеграции в структуре мирового социума, а, напротив, усиливает разделяющие их социальные дистанции и обостряет уязвимость значительной части населения мира.

Коренные народы в регионах добычи полезных ископаемых, вне всяких сомнений, составляют важную часть этого уязвимого в социальном отношении глобального сообщества, поскольку многие из них испытывают на себе весь комплекс негативных воздействий со стороны объектов добывающей промышленности, находясь при этом на периферии дистрибутивной системы экстрактивистской экономики. В этом контексте во многих странах мира (включая развитые в экономическом отношении государства Европы и Северной Америки) применительно к коренным / индигенным народам уместно говорить о «ресурсном проклятии». Из-за обилия запасов

стратегически важных ресурсов на территориях их основного проживания многие из этих этнических групп сегодня оказались в ситуации неопределенности, связанной с болезненным и непростым выбором траектории дальнейшего развития.

Один из очевидных, казалось бы, вариантов решения проблемы заключается в консолидации сообществ коренных народов на почве «общей опасности» и их мобилизации на борьбу с экстрактивизмом в защиту своих законных прав, в том числе на сохранение среды обитания, культурной самобытности и устойчивую практику «этнической традиции». Довольно часто этот (нео)традиционалистский вектор предполагает институционализацию движений коренных народов в виде общественных организаций, их национальных и международных ассоциаций, а также последовательную деятельность по закреплению особых прав уязвимых общностей в рамках национальных и международной правовых систем. Надо сказать, к настоящему времени в этом направлении сделано достаточно много: сегодня в мире и отдельных странах ключевые права коренных народов не просто закреплены на законодательном уровне, но и реально гарантируются через различные механизмы правоприменительной практики. Вместе с тем, несмотря на развитое правовое поле для решения проблем коренных народов, что, как можно было бы ожидать, должно стабилизировать дискурс экстрактивизма и связанных с ним рисков для коренных народов, мы отнюдь не наблюдаем существенного снижения числа конфликтных ситуаций в отношениях индигенных групп и добывающих компаний. Напротив, такие конфликты возникают практически в каждом случае, связанном с началом разработки месторождений полезных ископаемых на землях коренных народов. Различными могут быть лишь уровень резонанса конфликтной риторики, степень ее политизированности да конфигурация субъектов конфликта.

В чем же состоят основные причины конфликтогенеза и те болезненные точки в отношениях индигенных сообществ и добывающих компаний, которые, несмотря на наличие гарантированных прав коренных народов, все же не сняты с повестки дня? Возможно, они связаны с трудностями, характеризующими второй возможный (и, видимо, более важный) вектор развития сообществ ко-

ренных народов на современном этапе. Речь идет о необходимости адаптации к изменяющимся жизненным условиям, в том числе воздействию со стороны ресурсодобывающей индустрии, включая ее негативный социальный и экологический импакт¹. Во многом эта задача не решается автоматически даже при наличии самого развитого правового поля, которое само по себе, конечно, не сводит на нет социальные риски экстрактивизма, а лишь формирует механизмы их компенсации, так или иначе подталкивая индигенные сообщества к интеграции в новые контексты, адаптации к новым социальным, экономическим и культурным связям. Очевидно, это довольно болезненный, а во многих случаях мучительный процесс, требующий от сообществ коренных народов не просто элементарного приспособления к современной конъюнктуре, но также готовности позиционировать себя в новом социальном пространстве. Это почти всегда связано с глубокими и эмоционально насыщенными трансформациями не только в культурных практиках, но и самой основы группового самоопределения, которое, как часто декларируют участники конфликтных дискурсов, подчас находится на грани полного исчезновения и вот-вот приведет к окончательной утрате самих уязвимых в современном контексте «этносов». Однако же такая оценка ситуации и перспектив ее развития не всегда соответствует действительности и далека от фокуса на реально важной проблеме – анализе того, как, собственно, переживается процесс адаптации; какие уровни социальной организации, культурных практик и групповой идентичности индигенных сообществ и насколько он трансформирует; как концептуализируются травма, понесенный ущерб, прямые и косвенные потери в связи с воздействием добывающих компаний; каковы возникающие в этом контексте реальные напряжения, создающие основу для развития конфликтов.

Концепт переживания конфликта и его последствий, дискурсивного осмысления травмы и путей ее преодоления, как нам кажется, исключительно важен с точки зрения поиска чувствительной оптики для социально-антропологических, в том числе прикладных исследований, направленных на адекватное описание ресурсных конфликтов на землях коренных народов на языке, который мог бы

стать основой для дальнейшей медиации и эффективного переговорного процесса.

Стоит в этой связи отметить, что для российского исследовательского опыта почти не характерен фокус на анализе дискурсивного переживания травмы или последствий ресурсных конфликтов на землях коренных народов. В практике этнологической экспертизы (исследования, направленного на получение практически значимых оценок воздействия добывающей индустрии на сообщества коренных народов), к примеру, сложилась относительно устойчивая традиция давать подробные описания состояния «этнокультурной среды» (Мурашко 2002), «традиционных систем жизнеобеспечения» и характерных форм природопользования исследуемых групп коренных народов (Садовой и др. 2005; Бойко и др. 2008) с перспективой оценки воздействия на них со стороны промышленных проектов, связанного с этим ущерба, потерь и рисков, требующих компенсации. Соответственно, внимание экспертов сосредоточено в основном на описании видимой стороны некоторой идеализированной модели «нормального» состояния основных культурных и социально-экономических характеристик индигенных сообществ, которые затем анализируются в контексте возможных трансформаций, вызванных воздействием добывающих компаний. Используемый при этом язык сочетает преимущественно академические нарративы этнической традиции, культурного уклада, социальной организации этнических групп коренных народов с описательной статистикой населения, его демографической устойчивости и социально-экономического профиля. Получаемая в итоге картина дает весьма усредненное представление по существу реальных проблем² и, что особенно важно отметить, не проясняет специфику их восприятия в среде самого исследуемого сообщества, точнее, его конкретных представителей. В итоге за официальными заключениями этнологических экспертиз за редким исключением (Головнев и др. 2014) практически не слышно голосов самих носителей «уязвимой культуры». Между тем именно переживание конфликтной ситуации и дискурс ее основных «болевых точек» (причем одновременно всеми субъектами конфликта, а не только сообществами коренных народов) может представлять существенный интерес, поскольку в нем

сокрыта мотивация сторон и, как нам видится, ключ к построению устойчивого диалога.

Что касается мировых исследовательских практик антропологов, то среди них как раз имеются удачные кейс-стади, демонстрирующие возможности анализа конфликтных дискурсов, потенциала и практик постконфликтного восстановления сообществами коренных народов ключевых компонентов их групповой идентичности. Великолепный тому пример содержится, в частности, в монографии британского антрополога Джудит Бовенсипен (*Bovensiepen 2015*), посвященной исследованию процессов культурного возрождения в локальных сообществах коренного населения Восточного Тимора, переживших длительный период Индонезийской оккупации и связанных с этим потерь.

В настоящей работе мы предпринимаем попытку дать краткое, в известном смысле демонстрационное описание едва ли не самого острого и в настоящее время резонансного кейса ресурсного конфликта на землях коренных народов в России, используя при этом оптику и теоретическую рамку дискурсивного анализа переживания локальными группами коренных народов последствий конфликта и вызванной им травмы. Цель наших усилий состоит в выявлении эвристических возможностей данного подхода, обосновании его применимости в отечественной практике социально-антропологических исследований, в частности, в области оценки социального воздействия промышленных проектов на сообщества коренных народов. Речь пойдет о ситуации, сложившейся на юге Кемеровской области, точнее, на территории муниципального образования «г. Мыски», где локальные группы коренного малочисленного народа – шорцев – не просто ощущают на себе вот уже на протяжении нескольких десятилетий весь объем социальных издержек экстрактивизма в виде разрушающего воздействия на среду обитания и в целом жизненное пространство со стороны угледобывающих компаний, но и стремительно это пространство теряют, подвергаясь вынужденному переселению со всеми вытекающими из этого последствиями и, прежде всего, необходимостью ускоренной социальной адаптации в измененных условиях. Далее мы рассмотрим лишь некоторые сюжеты, как нам представляется, наи-

более показательные с точки зрения общей картины переживания местными сообществами самого конфликта, вызванных им последствий и травмы. Опираясь при этом мы будем в основном на материалы многолетних полевых исследований в местах локализации конфликта, собранные преимущественно в период с 2004 по 2018 г. усилиями всех авторов этой главы⁵. В основе своей используемые данные представляют собой глубинные структурированные и полуструктурированные интервью с представителями вовлеченных в конфликт местных сообществ, органов муниципальной власти и добывающих компаний, действующих в указанном районе. Также нами используются опубликованные в медиа-пространстве выступления по существу конфликтной ситуации, включая письменные заявления участников конфликта и видеоконтент, представленный в свободном доступе. Частично для прояснения отдельных нюансов и деталей конфликтной ситуации нам удалось привлечь отдельные делопроизводственные и нормативные документы органов власти, общественных организаций шорцев и добывающих компаний. Для общей характеристики контекста развития ресурсного конфликта и его последствий мы используем фоновую статистику из открытых источников.

Перед тем как перейти к характеристике конфликтного дискурса, соответствующих ему риторик и нарративов, приведем общие сведения о контексте конфликта и краткую историю его развития.

Особенности российской модели угольного экстрактивизма: ресурсные конфликты в Кузбассе в контексте дискурса прав человека

Определяя контекст развития рассматриваемого нами кейса ресурсного конфликта и переживания его последствий локальными группами шорцев, начать необходимо, по-видимому, не с формирования самой конфликтной ситуации, отстоящего по времени от сегодняшнего дня как минимум на 40 лет, когда производственные площадки по добыче энергетических углей в южной части Кузбасса только проектировались, а с беглого обзора резонансной риторики, по существу, уже состоявшихся событий, распространенной

в медиа-пространстве, в том числе в зарубежных источниках, рисующих картину современного восприятия российской модели угольного экстрактивизма в целом.

Не вдаваясь во все очевидные политические подтексты дискурса российского угля как «грязного» топлива с несоизмеримо высокой ценой, исчисляемой невосполнимыми потерями в окружающей природной среде, низким качеством жизни местного населения, сокращением его численности и полным разрушением среды обитания коренных малочисленных народов, стоит, однако, выделить два доминирующих тезиса в осуждающей российский угольный экстрактивизм риторике, транслируемой известными за рубежом общественными правозащитными движениями.

Первый из них, исходящий от российской экологической организации «Экозащита»⁴ и ее зарубежных партнеров в лице британской сети действий против угледобычи «Coal Action Network»⁵ и британско-бельгийской организации в защиту леса «Fern»⁶, вполне можно считать задающим тон дискуссии об издержках угольного экстрактивизма в глобальном контексте. Ряд аналитических публикаций указанных организаций, упоминающих ресурсные конфликты на юге Кемеровской области или прямо им посвященных (*Ditch 2015; The Cost 2015; Brown 2016; Андреева Харрис 2018*), развивает тему причинно-следственной связи между потребностью европейских стран в угле как энергетическом сырье и той ценой, платить которую приходится локальным сообществам в местах его добычи. В этом смысле коренные народы и в частности шорцы юга Кемеровской области характеризуются как символ жертвы ресурсного капитализма, беззащитной перед лицом его хищнических устремлений. Сопутствующие этому выводы вполне очевидны: западные общества, построенные на ценностях уважения к правам человека и обеспокоенные глобальным потеплением, должны максимально сократить потребление «кровавого» ресурса, а в перспективе полностью от него отказаться.

Второй распространенный в международном дискурсе угольного экстрактивизма тезис, сформулированный в докладе Международной группы по делам коренных народов (IWGIA) вице-президентом Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири

и дальнего Востока Российской Федерации Дмитрием Бережковым (Berezhkov 2012), проблематизирует социальный контекст распределения ресурсной ренты. В этом тезисе обращается внимание на то, что в условиях российской модели угольного экстрактивизма суперприбыли, распределяемые далеко за пределами территорий добычи ресурсов, собственно, возможны лишь за счет перекалывания бизнесом большей части не прямых издержек (таких, как ухудшение экологической ситуации и качества жизни) на местные сообщества.

Не оспаривая в целом логики этих рассуждений, необходимо, тем не менее, отметить, что они не описывают уникальной специфики именно Кузбасса или угольной отрасли России в целом. Аналогичная стигма символической жертвы практически всегда характерна для любого населения регионов экстенсивного изъятия полезных ископаемых. И все соответствующие издержки местные сообщества практически всегда на себе ощущают вне зависимости от того, о какой стране или каком именно ресурсе идет речь. В этом можно убедиться на многочисленных примерах, описанных в литературе (см., например, *Gilberthorpe, Hilson 2014*). Высказываемые правозащитными организациями критические замечания в адрес действующих на территории Кемеровской области угольных компаний, скорее, касаются глобального уровня обобщений относительно самой природы ресурсного капитализма и сохраняющейся углеводородной зависимости мировой экономики.

Существенная особенность именно Кемеровской области состоит, пожалуй, в том, что она является старопромышленным регионом с давно сформировавшимся базовым сектором региональной экономики, ориентированным на экстенсивное освоение и переработку запасов каменного угля и других полезных ископаемых с экспортной ориентацией значительной части добычи. Вопросы защиты прав коренных народов, оказавшихся в зонах техногенного воздействия угледобывающих предприятий, появились в региональной повестке намного позднее, чем были определены стратегии экономического развития и планы по освоению недр, то есть не раньше первой половины 1990-х гг. История освоения угольных месторождений на юге Кемеровской области в предшествующие

десятилетия (начиная с 1970-х гг.) связана со множеством случаев вынужденного расселения населенных пунктов, попадавших в границы лицензионных участков. Были прецеденты ликвидации и шорских поселений. Поселок Курья, к примеру, расположенный на территории современного МО «г. Мыски», был расселен в 1970-е гг. в связи со строительством Сибиргинского угольного разреза, что ни тогда, ни позже не вызвало социального протеста со стороны шорской или местной в целом общественности⁷. Все это не способствовало в итоге ни осознанию значимости проблем вынужденного расселения целых общин коренного малочисленного народа, ни накоплению какого-либо опыта компенсаций населению за понесенные потери. Таким образом, в момент начала казасского конфликта к нему оказались, по большому счету, не готовы ни местные власти, ни угольные компании. Да и само население, вовлеченное в протестное движение, вряд ли отчетливо представляло, как следует отстаивать свои интересы. Хотя определенный опыт разыгрывания «этнической карты» в конкурентной борьбе между добывающими компаниями в регионе уже имелся и, возможно, история казасского конфликта явилась в определенном смысле развязкой ранее сформированных противоречий.

Из истории взаимоотношений коренных народов и добывающих компаний на юге Кузбасса

Предысторию событий вокруг ныне ликвидированного шорского поселка Казас необходимо отсчитывать с начала 1990-х г., поскольку именно тогда местные сообщества оказались вовлечены в дискурс угольного экстрактивизма и механизмов распределения ресурсной ренты.

В 1991 г. было принято постановление Администрации Кемеровской области, в соответствии с которым часть налоговых поступлений от предприятий-недропользователей, действующих на территориях так называемых национальных сельских советов⁸, должна направляться в их бюджеты и расходоваться на цели, связанные с развитием социальной инфраструктуры и реализацией программ национально-культурного развития. В 1992 г. статус национально-

го приобрел Чувашенский сельский совет, на территории которого (площадью 158,4 тыс. га) располагались практически моноэтнические шорские поселки Чувашка, Казас, Чуазас, Тоз и действовали два угольных разреза, перечислявших в бюджет сельсовета часть налогов в соответствии с имеющимися соглашениями о социальном партнерстве (*Садовой и др.* 2005: 9). В условиях финансовой нестабильности последнего десятилетия XX в. это позволяло обеспечивать местные сообщества регулярными поступлениями ресурсной ренты, функция распределения которой, к тому же была спущена на уровень местного самоуправления. Ни одна другая территория компактного проживания коренных народов в Кемеровской области ни на тот момент, ни позже не обладала подобными преференциями. Безусловно, налоговые поступления в бюджет сельской территории не только позволяли решать текущие проблемы и финансировать программы национально-культурного развития, но также способствовали осознанию местными сообществами своей значимой роли в переговорном процессе по вопросам недропользования на этнической территории (как она тогда воспринималась в общественном сознании местных групп шорцев). Строительство новых производственных площадок и объектов промышленной инфраструктуры на территории сельсовета в обязательном порядке согласовывалось с местным населением. В частности, своим добровольным решением Чувашенский национальный сельский совет передал часть своих земель под строительство новой шахты на Урегольском каменноугольном месторождении в непосредственной близости от пос. Чувашка. Никаких конфликтных ситуаций в отношениях с шахтой Урегольской, как, собственно, и с другими угольными предприятиями, у местных групп шорского населения не возникало вплоть до начала 2000-х гг.

Ситуация начала резко меняться с 1999 г., когда Чувашенский национальный сельский совет был выведен из состава Новокузнецкого района и административно подчинен муниципальному образованию «г. Мыски». Характерно, что именно этот момент положил конец финансовой автономии сельсовета: в дальнейшем налоговые поступления от недропользователей были перенаправлены в муниципальный бюджет. От недавних преференций, которые уже нача-

ли восприниматься населением как норма, осталась лишь функция прямого согласования решений о строительстве новых объектов промышленной инфраструктуры на землях сельского совета. И именно это сыграло свою роль в дальнейшем развитии событий.

Одновременно в этом районе назревал конкурентный конфликт между добывающими компаниями. Лицензию на освоение Урегольского месторождения получило ООО «МетАл» – дочерняя компания ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат», которое планировало за счет самостоятельной добычи коксующихся углей снизить себестоимость этого необходимого в металлургическом производстве сырья. Первая же попытка нового собственника шахты «Урегольская» договориться с местным монополистом – Угольной компанией «Южный Кузбасс», владевшей разрезами «Сибиргинский» и «Красногорский», – об аренде некоторых объектов промышленной инфраструктуры (технологической дороги, высоковольтной линии электропередач и подстанции) выявила массу конкурентных противоречий и ни к чему не привела. ООО «МетАл» было вынуждено проектировать собственное строительство.

Однако согласовать эти проекты с населением Чувашенского национального сельского совета оказалось непросто: неожиданно для собственника местное население высказало крайнюю озабоченность в связи с планируемыми работами по строительству новых промышленных объектов и сформировало рабочую группу, инициировавшую официальное обращение местных жителей на адреса Президента Генеральной Ассамблеи ООН Р. Хунге, Представителя Европейской комиссии Романо Проди, Президента РФ В.В. Путина, Президента RAIPON С.Н. Харючи, губернатора Кемеровской области А.Г. Тулеева, а также в журнал «Мир коренных народов». Обращение указывало на ряд фактов грубого нарушения законных прав представителей коренной малочисленной народности (так в документах) – шорцев – в связи с деятельностью ООО «МетАл» и содержало требования о запрещении ее деятельности на территории Чувашенского сельского совета. Столь жесткая позиция активистов рабочей группы, которая в итоге спровоцировала длительные разбирательства и проведение этнологической экспертизы по факту конфликта (Садовой и др. 2005), надолго парализовала работу ООО

«МетАл» на Урегольском месторождении. Так в конкурентной борьбе двух добывающих компаний во многом решающим оказалось мнение местных жителей, что, конечно, создало важный прецедент. Именно в его контексте следует, на наш взгляд, рассматривать новый виток развития конфликта, разгоревшегося в первой половине 2010-х гг. в связи с проблемой Казаса, но уже между местными жителями и угольной компанией «Южная», правопреемницей «Южного Кузбасса», когда-то одержавшего верх в конкурентной борьбе с ООО «МетАл» не без поддержки со стороны местного индигенного сообщества.

«Родина и остальные мелочи...»: Казас как утраченное жизненное пространство

В 2012 г. одно из старейших поселений шорцев в низовьях реки Мрассу – пос. Казас – оказалось в непосредственной близости от производственных площадок угольной компании «Южная». Экологическую ситуацию в районе поселка и в целом условия жизни к тому времени иначе как катастрофическими назвать было нельзя. Население вынуждено было использовать завозную питьевую воду в связи с загрязнениями естественных водоемов и подземных источников. Пылевые и шумовые загрязнения в результате взрывных работ (рис. 1) на разрезе превышали все допустимые нормы. Даже доступ в Казас был ограничен дежурным постом угольной компании, на котором производился досмотр личных вещей и проверка документов у всех желающих проехать в поселок по технологической дороге (иные возможности транспортного сообщения, за исключением переправы на лодке, отсутствовали). Жители начали в этой связи проявлять беспокойство и ставить вопрос о компенсациях за причиненные им неудобства.

Однако не в этом, как оказалось, крылась основная проблема. Лицензия УК «Южная» на эксплуатацию недр распространялась и на территорию самого поселения, что ставило перед угольщиками задачу ее скорейшего высвобождения. По инициативе добывающей компании начались переговоры о выкупе у казасинцев их земельных участков и недвижимого имущества.

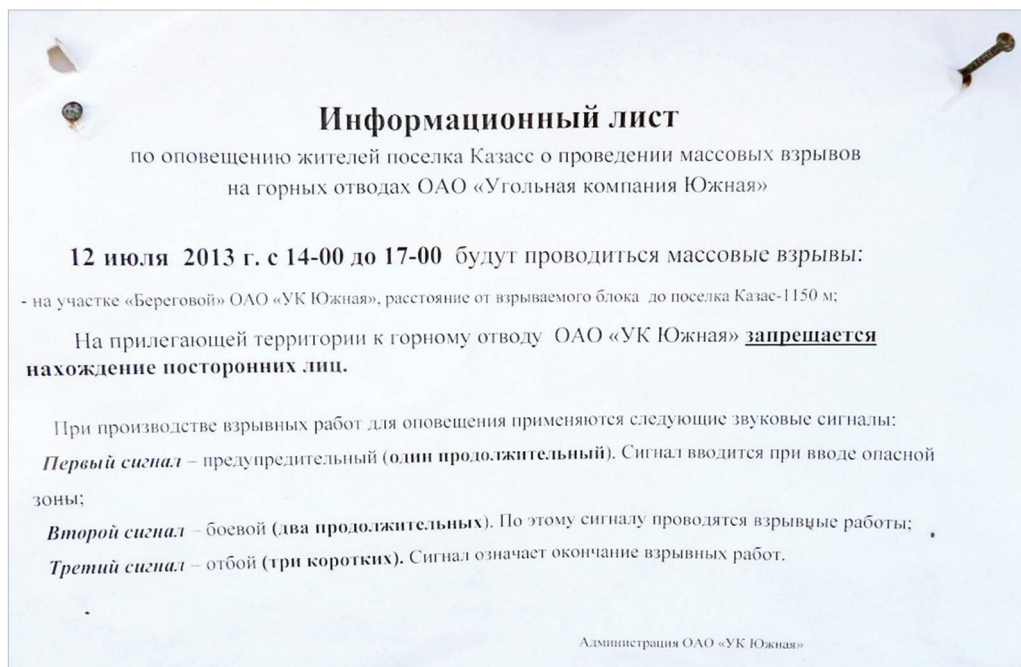

Рис. 1. Объявление на жилом доме в пос. Казас. 17 июля 2013 г.
Фото Д.А. Функа

Реакция со стороны местных жителей и последовавшие далее события, стремительно раскрутившие маховик конфликта, представляют особый интерес, поскольку касаются формирования новых, во всяком случае, для этого региона, форм групповой солидарности и протеста, а также дискурсивного переживания предстоящего разрыва с привычным жизненным миром, собственной уязвимости, незащищенности, бессилия. Одним из первых возник дискурс приемлемого размера денежной компенсации за «добровольное» переселение, довольно быстро разделивший население поселка на большинство, согласившееся с предлагавшимися угольной компанией суммами (исчисленными, по-видимому, по усредненному рынку жилой недвижимости и земельной собственности, но каждый раз, как утверждали наши информанты, варьировавшими), и более эмоционально настроенное меньшинство, которое склонно было связывать переезд не просто с продажей объекта собственности, а в значительной степени с витально значимым разрывом с привычным жизненным миром, не

Рис. 2. Вид на кладбище дер. Казас. 15.07.2013 г.
Фото Д.А. Функа

подлежащим монетарной компенсации. Комментарии представителей второй группы, которая по истечении года насчитывала всего пять домовладельцев, в целом звучали приблизительно так: «...если бы я просто продавал дом, я знал бы, что этот дом стóит, а так, я знаю, что теперь я этот дом продаю под снос, то есть совсем другое в душе. Это несоизмеримо, несоизмеримо с чувством потери родины»; «Древнее место... Это память. Есть вещи, которые не считаешь на деньги» (*ПМА 1*). С подобной установкой, которая лишь на первый взгляд может показаться избыточно абстрактным, практически ничем не подкрепленным заявлением или же завуалированной попыткой торга с целью увеличения суммы компенсации⁹, связаны и более понятные для стороннего человека проблемы, неоднократно высказывавшиеся жителями Казаса. В этом ряду уместно упомянуть, к примеру, озабоченность судьбой сельского кладбища (рис. 2, 3), которое, во-первых, должно быть перенесено, без чего невозможно будет его посещение, а во-вторых, и сам факт переноса довольно болезнен, поскольку

Рис. 3. Фрагмент места захоронения выдающейся шорской сказительницы М.Е. Токмагашевой («Алтын Маня»). Кладбище дер. Казас, 15.07.2013 г. Фото Д.А. Функа

в этом случае будут потревожены предки, что не просто нежелательно, но может, как полагают люди, навлечь несчастья на живущих в случае, если при переносе не будут соблюдены все необходимые ритуалы.

В целом концепт памяти и, в частности, памяти предков – частая тема в дискурсе утраты Казаса как жизненного мира, наполненного символами связи поколений. В этом контексте пространственное перемещение мыслится и как разрыв этих символических связей. В риторике казасинцев старшего поколения как до ликвидации поселка, так и, в особенности, после него заметно стремление дискурсивно восстановить связи с предками. Проявляется оно в основном в рассказах о некогда живших выдающихся казасинцах, родителях и более далеких предках наших информантов. Таких рассказов, действительно, много, что позволяет предположить, что эта тема была актуализирована именно дискурсивным переживанием травмы, связанной с утратой людьми освоенного, привычного и эмоционально ценного жизненного пространства.

Эмоциональная привязанность наших информантов к Казасу совершенно непонятна для представителей другой стороны конфликта. Для пояснения достаточно привести одну цитату из беседы с работниками угольной компании, занимавшимися сносом выкупленных домов в Казасе: «Ну а что, им деньги выплачивают и переселяют. ...А почему им плохо? За такую «развалюху» 2 миллиона? Я бы не дал. Можно за 1,3 купить коттедж. Сейчас [всех] интересуют только деньги! Родина и остальные мелочи... Боролись за волю, вот она – воля!» (ПМА 2).

Хроника дальнейших событий в Казасе отражает стремительный процесс подготовки угольной компании к его ликвидации. К осени 2013 г. в поселке оставалось всего пять домов, чьи собственники не согласились на добровольное переселение. Некоторые из них отказывались даже обсуждать цену своей недвижимости. Зима 2014 г. поставила в этом противостоянии точку, когда необъяснимым образом череда пожаров уничтожила оставшиеся дома и хозяйственные постройки. Казас в дальнейшем продолжил свое существование именно как дискурсивный образ утраченного жизненного пространства и символ неотвратимой угрозы остальным шорским поселениям в низовьях р. Мрассу.

Вместе с тем по инициативе национальных общественных объединений шорцев возникла идея возрождения Казаса на новом месте. Это место даже было определено муниципальной властью и символически отмечено установкой коновязи. Однако до настоящего времени этот проект так и не был до конца реализован.

Шаманизм и (ре)сакрализация объектов конфликта

Еще одной особенностью развития описываемого конфликта и, в большей степени, дискурсивных практик его переживания является отчетливо выраженная тенденция к ревитализации культуры шаманизма, воспринимаемого в качестве «традиционной шорской религии»¹⁰. Внешние проявления этого процесса связаны в основном с демонстрационными действиями лидеров местных сообществ, направленными на сакрализацию основных объектов кон-

фликта, памяти об утраченном Казасе и пространства для нового поселения. Едва ли не важнейшей задачей городской общественной организации «Шория» на стадии ликвидации старого Казаса провозглашалась необходимость выбрать и освятить место для строительства нового поселения. На эти цели муниципалитетом был выделен соответствующий бюджет, который предполагалось потратить на оплату расходов, связанных с проведением серии ритуалов, в том числе по «переселению» духов из района старого Казаса в предполагаемое место его переноса¹¹. В поселке Чувашка довольно быстро возник хорошо обустроенный центр шорской культуры Эне-Таг¹² (рис. 4).

Однако, помимо этих инициатив, направленных на общую стабилизацию ситуации, переживаемая травма обуславливает также реальный рост интереса населения к сакральным практикам, в том числе и к культуре шаманизма. По нашим наблюдениям во время полевых исследований 2013 г., казалось, что в обращении к шама-

Рис. 4. Фрагмент подготовки к освящению центра шорской культуры. Дер. Чувашка, 19.07.2014 г. Фото А.С. Хлебцевич (из материалов студенческой практики под рук. Д.А. Функа, архив кафедры этнологии МГУ)

низму многие люди ищут не столько «защиту» для уже, безусловно, потерянного на тот момент пос. Казас, сколько душевное спокойствие и силы, необходимые для сохранения оставшихся шорских деревень и в первую очередь пос. Чувашка, последнего «оплота» шорской культуры в низовьях р. Мрассу. В настоящее же время, с учетом уже завершенных стадий конфликта и начала периода восстановительных практик, ревитализация шаманизма у шорцев Чувашенской территории видится несколько в ином ключе. Дело, конечно, не только в «душевном спокойствии».

«Возрожденный» шаманизм в контексте исследуемой ситуации, скорее всего, необходим именно для переживания местным сообществом нанесенной им травмы через сакрализацию нарушенного угольными компаниями природного пространства. Наделенные сакральными свойствами природные объекты, такие, к примеру, как священная гора Карагайляш (к настоящему времени полностью уничтоженная), как, собственно, и сам ликвидированный Казас, продолжают не только существовать в пространстве локального дискурса, но и поддерживать групповую солидарность индигенного населения.

Мировая антропология такие примеры знает и в большом количестве их описала¹³. Нарушенные природные объекты в этом случае, обретая символическое бессмертие и неуязвимость перед лицом экстрактивизма, консолидируют сообщества, способствуют более отчетливой манифестации групповой отличительности и поддержанию дискурса неповторимости разрушающейся уникальной этнической культуры, этнической памяти, идентичности.

Нормативная культура как потенциал постконфликтного восстановления

Помимо описанных выше практик ревитализации шаманизма и сакрализации переживаемой травмы потенциал постконфликтного восстановления у рассматриваемых сообществ шорцев может быть найден также в специфике нормативной культуры. Как уже было отмечено в литературе (Hansen 2015), индигенные традиции обычного права, в отличие от государственно-правовых систем, чаще всего

нацелены не на реализацию ретребутивной функции, связанной с идентификацией вины и наказанием виновных с целью восстановления абстрактной справедливости, а, скорее, исполняют функцию ресторативную, цель которой состоит в восстановлении нарушенных внутри сообщества связей, предписанных и культурно атрибутированных отношений и взаимодействий. При этом понятие вины часто может даже не фигурировать при рассмотрении тех или иных случаев нарушения обычно-правовых норм.

Для рассматриваемого нами случая переживаемой шорским населением травмы и последствий конфликта эта оптика открывает новый угол зрения, открывающий в чем-то неожиданные перспективы анализа локальных дискурсов.

Последние хотя и задевают обвинительную риторику в адрес «внешних сил» в лице угольных компаний, разрушающих жизненное пространство шорцев, бездействующей власти, не способной им помочь, собственных лидеров, преследующих лишь личные интересы и т.д., все же довольно редко выводят концепт (чужой) вины на уровень «вынесения приговора», назначения кому-либо наказания или хотя бы простого пожелания справедливого возмездия. Имеющиеся у нас материалы, пожалуй, не содержат ни одного подобного высказывания информантов. Исключение составляет лишь мотив наказания со стороны духов (Funk 2016b). Чаще вина, скорее, интериоризируется, укладываясь в контекст воспоминаний о некогда лично совершенных проступках, либо (что наблюдается намного чаще) замещается призывами искать выход из создавшегося тяжелого положения, а не заниматься поиском виновных.

Последняя из упомянутых позиций, явно доминирующая в среде рассматриваемых сообществ, сегодня нашла свое воплощение сразу в трех проектах постконфликтного восстановления, развиваемых наиболее активными инициативными группами.

Первая их них объединяет в основном пятерых собственников сгоревших в Казасе домов. Ею на данный момент организована общественная организация «Возрождение Казаса и шорского народа», от лица которой сформулированы требования к руководству угольных разрезов и региональной власти. Суть их заключается в выплате погорельцам достойной компенсации, реанимации Чува-

шенского национального сельского совета и в гарантиях сохранения казасского кладбища.

Вторая группа, состоящая из активистов пос. Чувашка, рассматривающих (и не без оснований) свой поселок как следующую жертву угольных разрезов, видит путь к разрешению конфликта между шорцами и угольщиками в создании Территории общественного самоуправления (ТОС), которая должна позволить шорским поселкам выходить на прямой контакт с добывающими компаниями, как это было в период существования Чувашенского национального сельского совета.

Позиция местных властей нашла свое отражение в действиях третьей группы, которая ведет работу над проектом строительства «нового» Казаса, мыслимого как пространство развития шорской культуры на базе крупного культурного центра и развития туризма.

Использованная нами оптика, по большому счету, не характерная для российской практики социально-антропологических исследований ресурсных конфликтов, вполне рельефно демонстрирует свои достаточно широкие эвристические возможности, раскрывая не столько видимую сторону количественных и качественных изменений в положении индигенных сообществ, сколько их внутреннюю мотивацию и потенциал, направленные на постконфликтное восстановление и адаптацию в измененных социальных условиях. Столь же очевидны и практические аспекты нового языка описания ресурсных конфликтов на землях коренных народов, применимого в контексте медиации и построения устойчивого диалога на стадии постконфликтного восстановления.

Обращает на себя внимание и тот факт, что опробованный нами язык хотя и был применен для описания кейса ресурсного конфликта на землях одного из коренных малочисленных народов, в достаточной степени универсален и, как нам видится, может послужить основой для аналогичного исследования в иных этнических, географических, культурных контекстах. В нашем случае шорцы суть лишь «модельное» сообщество. Как показывает опыт наблюдения за развитием конфликта в данном регионе, основная масса насе-

ления в районах экстенсивной добычи полезных ископаемых может рассматриваться с использованием сходных терминов и с тех же позиций.

Примечания

- ¹ Здесь мы имеем ввиду то, что в англоязычной литературе принято обозначать понятием *resilience*, выражающим способность человеческого сообщества гибко, оперативно и эффективно приспосабливаться к изменяющимся жизненным условиям, восстанавливая при этом основы характерных для него социальных связей, культурных практик и групповой идентичности с учетом новых контекстов.
- ² Подробно о критике теоретических подходов и практики «этнологических экспертиз» в России см. (Funk 2016a: 345–368; Функ 2018: 66–79, а также в главе 7 настоящего издания).
- ³ Речь идет о многолетних исследованиях на территории МО «г. Мыски» Кемеровской области, выполненных: (1) Лабораторией этносоциальных и этноэкологических исследований Кемеровского государственного университета в 2004–2017 гг., в том числе в рамках общественной этнологической экспертизы 2004 г., проведенной на территории Чувашенской сельской администрации (н.п. Чувашка, Тоз, Казас) по оценке воздействия промышленной инфраструктуры шахты «Урегольская» на местные сообщества коренной малочисленной народности – шорцев, а также экспедиционных выездов в указанный район в 2010–2017 гг. в рамках выполнения грантов РФФФИ № 13-06-98081 (рук. В.В. Поддубиков), 16-46-420035 (рук. В.В. Поддубиков) и РНФ № 15-18-00112 (рук. Д.А. Функ). Все собранные в результате этих работ используемые нами материалы сохранились в личном архиве В.В. Поддубикова; (2) Лабораторией социально-антропологических исследований Томского государственного университета, осуществлявшей ежегодные наблюдения за развитием конфликта между локальным сообществом шорцев пос. Казас (ныне ликвидированного) и угольной компанией «Южная» в период с 2013 г. по настоящее время в рамках гранта РНФ № 15-

18-00112 (рук. Д.А. Функ) и мегапроекта № 14.В25.31.0009, реализовывавшегося в рамках Постановления Правительства РФ № 220 (рук. Д.А. Функ). В этой части используемые в главе материалы предоставлены С.А. Арцемовичем; (3) кафедрой этнологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, сотрудники которой имеют опыт полевых исследований на юге Кемеровской области с начала 1980-х гг. по настоящее время (используются полевые материалы из личного архива Д.А. Функа).

⁴ URL: <https://ecodefense.ru>

⁵ URL: <http://coalaction.org.uk>

⁶ URL: <http://fern.org/about-us>

⁷ Тогда жителей довольно крупного поселка, в котором были восьмилетняя школа и клуб, административным решением переселили в город. Этот сюжет является первым в истории ликвидации шорских поселений в связи с промышленным освоением района.

⁸ В 1990-е гг. в Кузбассе целый ряд сельских советов, в том числе в местах компактного проживания шорцев, получил статус национальных.

⁹ В этом направлении в региональной прессе и медиа-пространстве существуют довольно острые высказывания. См., например: Бабаев Т. Двадцать девять миллионов причин // Кузбасс. 15.04.2015. URL: <http://kuzbass85.ru/2015/04/15/29-millionov-prichin>.

¹⁰ Кавычки в данном случае есть лишь свидетельство использования этого термина без какой-либо тени иронии. Попутно можно заметить, что проблема определения шаманизма как религии настолько сложна, что ее обсуждение ни в коем случае не могло стать задачей данной публикации.

¹¹ Обсуждение локальных дискурсов участия духов в ситуации вокруг Казаса см.: Funk 2016b.

¹² В Мысках появится духовный центр шорцев // Новости Кузбасса. Информационное агентство [сайт]. 2007–2014. URL: <http://www.kuzbassnews.ru/2013/07/16/v-myskah-poyavitsya-duhovnyy-centr-shorcev.html>

¹³ Здесь вновь в качестве удачной иллюстрации уместно упомянуть работу Джудит Бовенсипен (*Bovensiepen* 2015).

Литература

Андреева Д., Харрис А. Медленная смерть в Сибири – почему зависимость Европы от поставок угля губительна для лесов России и коренного населения шорцев. Брюссель: Fern, 2018. 26 с.

Бойко В.И., Садовой А.Н., Поддубиков В.В. и др. Этнологическая экспертиза. Вып. 2: Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области. Новосибирск: Изд.-во ИФиП СО РАН, 2008. 257 с.

Головнев А.В., Лезова С.В., Абрамов И.В. и др. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: Изд.-во АМБ, 2014. 232 с.

Мурашко О.А. (отв. ред.) Опыт проведения этнологической экспертизы: оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп коренных малочисленных народов Севера. Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, 2002. 131 с.

ПМА 1 – аудиозаписи 2013 г., г. Мыски, д. Казас (архив кафедры этнологии МГУ).

ПМА 2 – из материалов личного архива С.А. Арцемовича.

Садовой А.Н., Нечипоренко О.В., Поддубиков В.В. и др. Этнологическая экспертиза. Оценка воздействия ООО «МетАЛ» (ОАО ММК – Магнитогорский металлургический комбинат) и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел») на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашенской сельской администрации МО «Город Мыски» Кемеровской области. Кемерово: ИУУ СО РАН, 2005. Вып. 1.

Тревоги мира: социальные последствия глобализации мировых процессов. Доклад UNRISD для всемирной встречи на высшем

уровне в интересах социального развития. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997.

Функ Д.А. «Этнологическая экспертиза»: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов // Этнографическое обозрение, 2018, №6, С. 66–79.

Acosta A. 'Post-Extractivism: From Discourse to Practice – Reflections for Action'. *Alternative Pathways to Sustainable Development: Lessons from Latin America. International Development Policy series Vol. 9.* Geneva; Boston: Graduate Institute Publications, BrillNijhoff, 2017. P. 77–101.

Berezhkov D. 'Coal Mining in Kemerovo Oblast, Russia'. Briefing Note, September 2012 (IWGIA, RAIPON). URL: https://www.iwgia.org/images/publications//0595_Coal_Mining_in_Kemerovo_Oblast_Briefing_note_Sept_2012.pdf

Bovensiepen J.M. *The Land of Gold. Post-Conflict Recovery and Cultural Revival in Independent Timor-Leste.* Ithaca, New York: Cornell University, Southeast Asia Program Publications, 2015. 216 p.

Brown K. 'Where king coal is a cruel ruler. Coal imported from Russia leaves a trail of destruction' *Big Issue North. The Independent Street Paper.* June 26, 2016. URL: <https://www.bigissuenorth.com/news/2016/06/where-king-coal-is-a-cruel-ruler/>

Ditch Coal. *The Global Mining Impacts of the UK's Addiction to Coal. A Report of Coal Action Network.* November, 2015. URL: <https://www.coalaction.org.uk/wp-content/uploads/2018/01/Ditch-Coal-Report.pdf>

Engels B., Dietz K. *Contested Extractivism, Society and the State: Struggles Over Mining and Land.* London: Palgrave Macmillan, 2017. 255 p.

Funk D. «Néprajzi szakértés» a posztszovjet Oroszországban // *Ethnographia.* 2016a. T. 127, sz. 3. P. 345–368.

Funk D. "Where Do Spirits Re-Settle? Extractive Industries and New Spiritual Landscapes in South Siberia". A talk presented at Symposium "Changing Epistemologies and Life", Uppsala, 7 October 2016b. URL: <http://www.antro.uu.se/beach-symposium/>

Gilberthorpe E., Hilson G. (eds.). *Natural Resource Extraction and Indigenous Livelihoods: Development Challenges in an Era of*

Globalization. Surrey; Burlington: Ashgate Publishing Limited, 2014. 283 p.

Hansen J.G. 'Decolonizing Indigenous Histories and Justice' / eds. M. Neuburger, P. Dörrenbächer // Nationalisms and Identities Among Indigenous Peoples: Case Studies from North America. Nationalisms Across the Globe Series. Oxford; Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt am Main; New York: Peter Lang, 2015. Vol. 16. P. 13–25.

The Cost of Coal. Impact of Russian Coal Mining on the Environment, Local Communities and Indigenous peoples. Ecodefence. 2015. URL: <https://ecdru.files.wordpress.com/2015/12/russian-coal.pdf>

Valencia A. Human Rights Trade-Offs in Times of Economic Growth: The Long-Term Capability Impacts of Extractive-Led Development. New York: Palgrave Macmillan, 2016.

Veltmeyer H., Petras J. The New Extractivism: A Post-Neoliberal Development Model or Imperialism of the Twenty-First Century? London: Zed Books, 2014. 311 p.

Глава 5

«РЕСУРСНОЕ ПРОКЛЯТИЕ» И СТРАТЕГИИ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НА ОСТРОВЕ ИТУРУП

Алевтина Сергеевна Бородулина

Сахалинская область и Курильские острова относятся к регионам классического «ресурсного проклятия». Богатые месторождениями нефти, газа, золота и редкоземельных металлов, а также ценными промысловыми ресурсами – красной рыбой и осетровыми в своих водах, эти острова демонстрируют парадоксальные (и полностью укладывающиеся в концепт «ресурсного проклятия») примеры недостатка инфраструктурного развития¹. Сверхприбыль от ресурса, как это часто бывает в таких регионах, не распределяется в пользу развития остальных отраслей местной экономики, но провоцирует экономический дисбаланс и имущественное расслоение между теми, кто участвует в распределении ресурса, и теми, кто отстранен от этого процесса; экономические и социальные отношения оказываются во многом детерминированы отношением акторов к ресурсу. В этом контексте интересно положение закрытых военных городков, которые, с одной стороны, существуют в данном экономическом ландшафте в качестве обособленных включений, а с другой – ярко демонстрируют дисбалансы сложившихся социально-экономических отношений.

В данной работе предпринята попытка проанализировать ситуацию, которую я наблюдала в расформированном военном городке Горный (в настоящее время официально село Горное, но я в этой работе вслед за информантами использую прежнее его название) и в действующем военном городке Горячие Ключи с точки зрения «политик потребления». На базе кейса Горного я попытаюсь продемонстрировать, какие практики могут складываться в военных

городках на удаленных территориях в ситуации, когда они оказываются отрезанными от административного ресурса.

Антропологическое исследование стратегий жизнеобеспечения и потребительских практик в военных городках закрытых приграничных территорий ценно еще и тем, что столь активно разрабатываемая в последнее время в антропологии тема «политик потребления» практически не уделяет внимания авторитарным режимам и тем более режимным поселениям (*Fulbrook 1997; Heldmann Ph. 2001*), хотя именно это поле может принести уникальные примеры потребительских практик.

Специфика военных городков заключается в том, что построенные на неосвоенных приграничных территориях, иногда, как в нашем случае, в регионах Крайнего Севера и приравненных к ним, они могли существовать только за счет организованного «снабжения», в отрыве от окружающей инфраструктуры. Это создавало закрытые сообщества (с принудительной внутренней ротацией членов сообществ), спроектированные и регулируемые государством (*Bohn 2006; Kutepova, Tsepilova 2007*), со своей уникальной системой привилегий, продуктовым и жилищным обеспечением, что искусственно вырывало их из контекста местной экономики. В рамках этой системы, основанной на обособленном распределении производимых в стране ресурсов, устанавливался необходимый консенсус между властью и теми категориями граждан, на которые она опиралась (*Zaslavsky 1982*).

Сегодня научные и ядерные городки «открыты» и являются преимущественно предметом исторического исследования. Некоторые практики закрытых поселений сохранились разве что в так называемых военных городках, распространенных в современной России, но и они активно переводятся в статус «открытых» и даже гражданских. Военные городки Горячие Ключи и Горный сохраняют черты закрытых сообществ не в последнюю очередь потому, что находятся в пограничной зоне, доступ в которую ограничен внутренним визовым режимом². Сравнение стратегий жизнеобеспечения населенных пунктов Горный и Горячие Ключи строится на том, что Горячие Ключи (далее в скобках при атрибуции информанта обозначаемый как ГК) остаются «рядовым» военным городком, а Горный (который

теперь официально обозначается как «село») оказался в уникальном «маргинальном» положении. В 1994 г. на острове произошло землетрясение, и Горный должен был быть расселен⁵, но он вопреки всему остался обитаемым. Сейчас там живут в основном бывшие и действующие военнослужащие, часть в своих квартирах, часть как сквоттеры; иногда там селятся военные из соседних частей, которым не хватило места в Горячих Ключах; здесь в конечном итоге оказываются и те, кто приехал на Итуруп на заработки и остался ни с чем: квартиры невозможно продать и купить, но можно «продать ремонт» (так как Министерство обороны обладает монополией на собственность в военном городке, но уже не контролирует пользование ей, складываются такие квазирыночные отношения: продается неформальное право проживать в квартире под видом компенсации за проведенный в ней ремонт предыдущими обладателями этого права) перед тем, как уехать с острова (И.Г., Бийск / Горный). Формально земля в Горном и всё находящееся на ней принадлежат Министерству обороны, но городок, по заверениям моих информантов, уже не числится на балансе, поскольку не является действующим. Официальное положение Горного крайне запутано за счет того, что гражданские и военные власти «перебрасывают» друг другу Горный как объект, который ни один из стейкхолдеров не желает встроить в свою систему распределения.

Locus claudi

Мое исследование проходило на острове Итуруп, в пограничной с Японией зоне, как часть исследовательского проекта, посвященного изучению феномена «ресурсного проклятия» на циркумполярных территориях⁴. Итуруп – это малонаселенный остров⁵ со значительной долей сезонной трудовой иммиграции, связанной с работой компании «Гидрострой», которая занимается строительством объектов местной гражданской и военной инфраструктуры, добычей рыбы и красной икры и туристическим бизнесом, концентрируя в своих руках всю значимую экономическую активность на острове. Помимо формальных ограничений для доступа на остров⁶, его изолированность усиливается дороговизной билетов⁷, неста-

бильностью авиасообщения из-за погодных условий и частых поломок на пассажирском корабле⁸. Монополизированная туристическая отрасль вкупе с транспортной ценовой политикой делают местный туризм невыгодным даже для жителей близлежащего острова Сахалин. Сам остров Итуруп, таким образом, представляет собой в некотором роде закрытое сообщество, а местные потребительские практики напоминают те, что существовали в экономиках закрытого типа (*Heldmann* 2001). При этом и сами военные городки оказываются довольно изолированными локальностями: регулярное транспортное сообщение отсутствовало между административным центром и Горячими Ключами; в Горный же ведет только военная дорога, «стратегичка», которую «можно использовать только если у тебя есть танк» (П.М., Хабаровск / Горный), обычно добираются на джипе по отливу по берегу океана, что может быть опасно, особенно в случае тумана (Мага, Дагестан / ГК). Сами информанты рефлексируют это состояние как чувство «заброшенности», что они «предоставлены сами себе» («если что-то случится, скорая сюда не приедет; можно попытаться найти машину, подождать отлива и еще через 5 часов быть в Курильске... Мы здесь как на заброшенной полярной станции» (Г.Н., Орел / Горный).

Быть предоставленными самим себе в этом случае, однако, сочетается с глубокой зависимостью от распределяемого властью (местной и министерством обороны) ресурса. Зависимость от «государства» усугубляется тем, что изначально военные городки были спроектированы как обеспечиваемые организованным снабжением; военный городок Горный получал регулярно все необходимые товары, продукты, медикаменты и материалы через близлежащий аэропорт «Буревестник» (сейчас практически не используется), что удовлетворяло базовые потребности местного населения, он же использовался полулегально для пассажирской коммуникации (об использовании вертолетов военных «по договоренности» для перелета на Сахалин мне рассказывали старожилы Горного).

Locus Laetitiaе

В позднесоветское время такие закрытые городки были «местом счастья», т.е. искусственно созданными островками изобилия в системе плановой советской экономики, особенной заботы государства, сопряженной с ощущением особой значимости своей деятельности для каждого жителя научного, пограничного, военного или ядерного городка; сейчас они становятся предметом для ностальгии (Bohn 2006). Особенно это справедливо в отношении новых, строящихся с нуля городов, в которых само общество было продуктом проекта советского «просвещения»: молодые, высококвалифицированные люди, которые отправлялись заселять «новый свет» и строить собственное будущее и свой город своими же руками, осознавая важность собственного жизненного пути в масштабах всей страны – делали ли они прогресс в науке или охраняли рубежи необъятной Родины⁹. В буклете, созданном работниками детского сада Горного в честь 70-летия Курильского района, где сотрудницы собрали друг у друга интервью с историями их семей в контексте жизни в городке, каждый личный нарратив старожила содержит описание «золотого века» Горного. Сам по себе этот буклет представляет собой замечательный пример автоэтнографии и одновременно попытку сконструировать светлый образ будущего через образ прошлого и через частные истории. Цитаты приводятся с разрешения составителей:

«В те годы, как и сейчас, жили люди военного контингента и гражданского населения. Подавляющее большинство составляли люди молодого возраста. Концерты самодеятельных артистов, тематические вечера, танцы и другие культурные мероприятия были для нас лучшим развлечением. Жили и служили не только профессионалы своего дела, но и были весьма образованными людьми. Они наизусть знали стихи советских и зарубежных поэтов, пели, были душой компании. Им были хорошо известны музыкальные инструменты, а особенно такой, как гитара. Для любителей читать работала библиотека» (Л.Н., Шымкент / Горный, Курилы в судьбах и лицах, 2016).

Такой образ складывался и из моих бесед с информантами, которые были также склонны описывать действующий военный городок как место «коммунального рая»: даже если они рассказывают,

как делили квартиры с двумя другими семьями или жили в землянках, пока строили новые дома, это преподносилось не как тяготы быта, а как время, когда не было личной изолированности, была активная социальная жизнь. Они описывают дни рождения, Новый год и 8 марта как главные городские события, а весну, например, как время, когда столы выставлялись на улицы для общего празднования, и даже в сравнении с комфортной московской жизнью Москва проигрывает Горному того времени по субъективному ощущению «счастья» (Ю.Ю., Горный / Москва).

«Народу здесь было в то время¹⁰ очень много, и всем всего хватало, хотя вареная колбаса была страшным дефицитом, но никто не жаловался, даже когда в мае заканчивалась картошка; а ещё было время “сухого закона”, и нормально, дружно все жили, вообще скучать было некогда» (Л.М., Дербент / Горный, Курилы в судьбах и лицах, 2016).

«В торговле было настоящее изобилие. Товаров привозили много и в большом ассортименте. Конфеты московские, сгущенка, нескольких наименований и сортов колбасы и мясо. Без очереди можно было купить в магазине импортную и отечественную обувь и одежду... Хозяйственные и промышленные товары, продуктовый ассортимент на склады завозились грузовыми судами с весны до осени. Хранились на складах Военторга. Скоропортящиеся продукты в ограниченном количестве завозили самолетами» (Л.Т., Шымкент / Горный, Курилы в судьбах и лицах, 2016).

Старожилы Горного связывают образ «счастья» с уровнем культурного потребления, хотя и упоминая о наличии различных «дефицитов», бытовой неустроенности («полчища тараканов» (Л.М., Дербент / Горный), крыс, которые «всегда вели себя на острове, как хозяйева. Итуруп и переводится с японского как «остров крыс» (Ю.Ю., Горный / Москва)). Образ благополучия связан с наличием «третьих мест», публичных пространств и городских сообществ, а также с окружающим «диким» ландшафтом, который тоже был «местом» коллективной активности: вспоминают женский клуб «Курильчанка», любительские спектакли и тематические вечера, местный оркестр, фотоателье, кинотеатр и кафе, туристические походы и рыбалку (Г.А., Бийск / Горный; Л.М., Дербент / Горный; А.Л., Забайкалье / Горный) Примечательно, что сохранение высоких стан-

дартов культурного потребления было одним из рефлекслируемых инструментов совладания с «изоляцией»:

«Детей старались растить так, чтобы они не чувствовали себя чем-то обделенными вдали от цивилизации. Покупали им диафильмы, игрушки, книги. Сами сочиняли сказки, сами рисовали к ним картинки» (Л.М., Дербент / Горный, Курилы в судьбах и лицах, 2016).

С точки зрения отношения государства и граждан, ситуацию 80-х гг. в военных городках можно было бы описать как определенный социальный контракт, с формулой «обеспечение в обмен на лояльность»; объективное снижение уровня жизни в материальном отношении в первые годы строительства Горного воспринималось как необходимая жертва и издержка «начинания с нуля», а не как нарушение контракта; «Военторг» был каналом изобилия, который связывал физически отдаленный форпост с остальным советским миром, привозя «московские конфеты» и даже «иностранные товары». Справедливость построенного мира отражается и в подчеркнутом внимании к «чистоте», которая была раньше в Горном (на контрасте с тем, как люди вынуждены жить сейчас). Конструируемый образ «светлого прошлого» в современном модусе «выживания» и сопротивления стал мощным источником мотивации борьбы за существование Горного, которая во многом и выглядит как борьба за возобновление этого социального контракта.

Locus Patientiae

Те, кто переезжал в Горный в 2000-е, увидели его уже совсем иным:

«Я прилетела сюда за мужем, на руках у меня было двое маленьких детей. Когда я увидела город, мне захотелось развернуться и лететь обратно. Первые полгода я плакала» (Ю.М., Казань / Горный). Ее супруг описывает Горный схожим образом (рис. 1):

«Я зашел на Централку, осматриваюсь и говорю: ого, если здесь такой замечательный полигон, то как же выглядит сама часть? Выглядело все так, как будто здесь отрабатывают стрельбу в условиях города. А мне говорят, так это и есть часть» (П.М., Хабаровск / Горный).

Рис 1. Центральная улица в Горном. Видны три нежилых дома без окон в начале улицы. Фото из личного архива Алисы Мухиной

Местам счастья было суждено стать местами терпения – через перестройку и развал СССР и последовавшее за ним землетрясение 1994 до настоящего времени. В конце 80-х гг. информанты вспоминают «унижающие человеческое достоинство очереди»:

«Заварка, зубная паста, конфеты – все выдавалось поштучно. Например, на семью с двумя детьми выделялось по 200 грамм конфет и по два куриных яйца в месяц» (Л.Т., Шымкент / Горный, Курилы в судьбах и лицах 2016).

«Здесь всегда было непросто, но мы жили верой в то, что мы делаем, и в то, что трудности преодолимы. А потом жизнь затрещала по швам: рухнула страна, расформировали авиаполк, землетрясение. Все можно было бы легко восстановить, но жизнь шла уже не в этом направлении. Стали добивать» (Т.Л., Брянск / Горный).

Горный тогда еще не перестал быть действующим военным городком, поэтому воспоминания о перестройке и дефиците встраиваются в светлую картину «упорядоченной» жизни, когда горожане еще находились «под опекой» государства.

«В 1992 Горный... был густо населен, чисто убран и обустроен. Из магазинов существовал лишь Военторг. Снабжение происходило так: один раз в год на склады Военторга приходил корабль, приво-

зил продукты питания, одежду и обувь. Это было время многочасовых очередей и повального дефицита. Продукты четко распределялись. Например, на одну семью полагалось 3 куриных яйца и полкурицы... Несмотря на трудности, все жили дружно и весело, одной семьей» (С.Т., Одесса / Горный).

В этом контексте описывается и травматический опыт землетрясения 1994 г., который Горный пережил как солидарное сообщество: *«Землетрясение не затухало несколько недель. Мы боялись возвращаться в дома, а палаточный лагерь почти сразу же смыл тайфун, и люди неделями стояли у костра. Мы с соседкой пекли хлеб и раздавали мальчишкам, а те относили остальным. Так за неделю у нас ушел мешок муки. Те события очень сплотили людей» (Л.М., Дербент / Горный).*

Но очевидно, что к тому моменту сменился один из участников старого социального контракта, и новое государство, скорее, было нацелено на минимизацию собственных издержек и отказ от обязательств своего предшественника. Более того, оно не торопилось обговаривать условия нового сосуществования. Пострадавшие от землетрясения дома было решено разрушить. По словам информантов, это обосновывалось тогда соображениями «безопасности»: им объявили, что здания могут обрушиться и их необходимо снести; при этом о том, когда дома и объекты инфраструктуры будут восстановлены и будут ли восстановлены вообще, речи не шло. Предшествующий социальный контракт, с точки зрения самих жителей, был односторонне и «несправедливо» нарушен, погрузив только недавно пережившее травматический, но консолидирующий опыт общество в состояние аномии. Впоследствии многие жители покинули город. Информанты говорили о том, что желали въехать и даже своими силами отремонтировать собственные дома (Л.М. Дербент / Горный; С.Т. Одесса / Горный, И.Л., Горный), но не получили на это разрешение. 13 из 29 жилых домов были признаны аварийными, их было приказано снести, то же самое было приказано и в отношении школы и клуба офицеров (рис. 2).

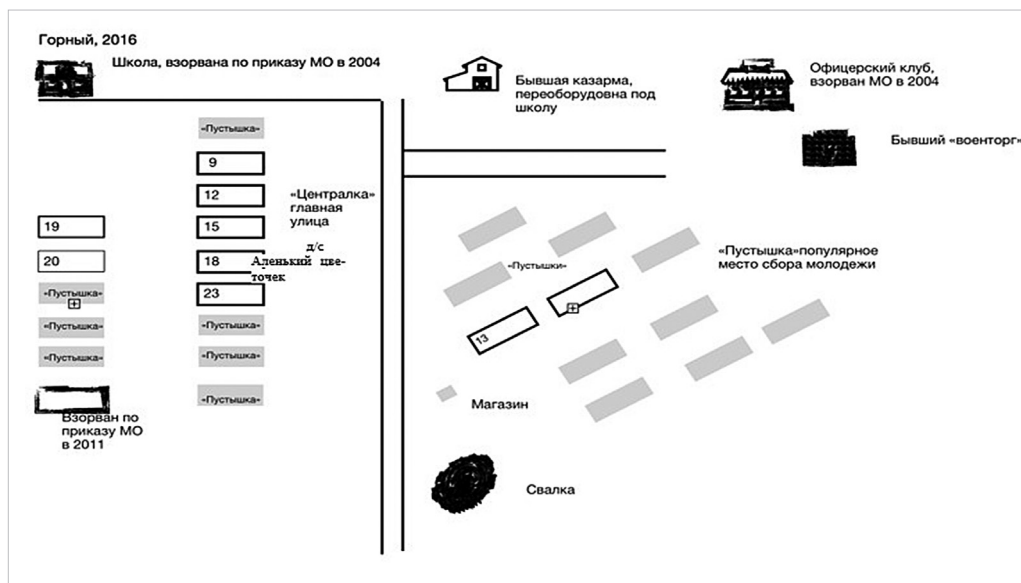

Рис. 2. Авторский набросок плана расформированного военного городка Горный в настоящее время на основе личных наблюдений и интервью с местными жителями. Подписаны так называемые пустышки, полностью заброшенные дома, инфраструктурные объекты (школа, магазин «Военторг»), важные общественные локации. Жирной смазанной линией показаны дома, разрушенные специально по приказу Министерства обороны, остатки строений представляют собой руины из бетона и арматуры. Видно, что общественные строения были разрушены в 2004 г., а в 2011 г. взорван один из домов в непосредственной близости от жилой зоны

«Их строили по специальному проекту с учетом местной сейсмической активности. Ну это смешно, они как стояли, так и стоят. Но у нас тут военные, а не маляры, поэтому вопросы решаются взрывчаткой» (И.Л., Горный).

Оказалось, что сеймоустойчивые дома не так легко взорвать: дом на окраине пытались взорвать три раза, но он только покосился. Школа и офицерский клуб были взорваны первыми, но информанты с явной иронией относятся к постулируемой «безопасности»:

«Вот, лежат горы арматуры и бетона, уже больше 10 лет, в самом центре городка. И вот еще. Чтобы детям было где безопасно играть, видимо» (Ю.М., Казань / Горный).

Действительно, школу жители разместили в опустевшей казарме, и плац перед ней, который теперь выступает в роли физкультурной площадки, расположился между руинами (рис. 3).

Рис 3. Спортивная площадка с футбольными воротами и баскетбольными щитами напротив общеобразовательной школы в Горном. Здания на фото - бывшие казармы. Фото из личного архива Алисы Мухиной

Этот отказ от исполнений обязательств происходил не только без попыток достичь какого-либо консенсуса, но, напротив, с максимальным «расчеловечиванием» отношений и принимаемых решений. Сотрудники детского сада вспоминают, что в день взрыва дома-пустышки не проводилось ни эвакуации, ни хотя бы инструктажа, жителям только приказали оставаться дома:

«Внезапно врубил сирену, и я только успел занести детей в ванную¹¹, как раздался взрыв, нашу воспитательницу порезало осколками стекла, все повывлетало от взрывной волны» (И.Л., Горный).

Locus Latens

В 2017 г. Горный – это, как назвал его фотограф Олег Климов, город-призрак¹², в котором отмерли черты города: здесь не убирают снег и не вывозят мусор, пекарня и санитарный пункт стоят разру-

шенными. Общим городским пространством здесь можно считать разве что детскую площадку перед детским садом, куда приходят и мамы с маленькими детьми, и уже подростки школьники. Магазины и почту таковыми назвать сложно, так как последние либо представляют собой переделанные квартиры на первом этаже (где продают товары через импровизированную форточку, переходя в режим «ночник», т.е. ночной ларек), либо переделанный грузовой контейнер. Второе публичное пространство – закрытый «Военторг», который по выходным превращается в «кабак», как его называют местные: после того, как в соседнем городке Горячие Ключи закрыли дом офицеров, солдаты стали приезжать пить в Горный.

Жители знают, что на Дальний Восток и на Итуруп¹³, в том числе, выделяются большие средства, они читают в СМИ отчеты о том, как на острове решено построить дополнительные военные городки и как здесь ремонтируются дороги¹⁴. Диалог участников социального контракта становится невозможным, так как они начинают существовать в «параллельных вселенных». Как припоминает однажды встречавшийся с тогдашним министром обороны Ивановым информант П.М., первый во время визита на «Буревестник» (военный аэродром возле городка Горный) предложил устроить в зале ожидания аэропорта интернеткафе, «чтобы солдатика писали письма родственникам»:

«Тогда я понял, что Иванов не из Москвы к нам прилетел, а напрямую с Луны свалился» (П.М., Хабаровск / Горный).

Существующий вариант неустановимого диалога с властью отобразился в элементе местного городского фольклора. Информанты рассказывают примерно одну историю в ответ на вопрос о том, когда городок официально вывели из ведомства Минобороны, а именно после визита Сергея Иванова¹⁵:

«Иванов полетел над нами на Буревестник на вертолете, и спросил – а что это там внизу за развалины? И ему ответили, что, конечно, все в порядке и там давно никто не живет. С тех пор нас не найти на стратегических картах, мы не существуем» (П.М., Хабаровск / Горный).

Интересно, что в соседнем городке Горячие Ключи мы встречаем вариант того же сюжета, но уже объясняющий ситуацию в Горячих

Ключах, где (несмотря на то что Горячие Ключи, в отличие от Горного, действующий военный городок), социальный контракт между военнослужащими и государством далек от ясности. Летом 2016 г., опять же без какого-либо предварительного обсуждения, были запрещены подсобные хозяйства жителей городка, и почти незамедлительно власть приступила к уничтожению коммуникаций, в чем узнается паттерн взаимодействия власти и граждан в Горном¹⁶.

В варианте Горячих Ключей над городом пролетал кто-то из командования округа, «им вид сверху не понравился», и они приказали снести всё то, что не соответствует официальному плану городка (на плане штриховкой также обозначены «третьи места», ситуация с магазинами там ровно та же, что и в Горном. Кафе было закрыто как незаконное временное строение, заштрихованный участок дороги – это променад от танка (памятник защитникам Итурупа) до церкви). И в том, и в другом случае персонифицированная власть находится слишком далеко, высоко (во всех смыслах) и неверно интерпретирует то, что происходит на земле. Власть сверху на них смотрит, но не видит, а они снизу не могут до нее докричаться, чтобы исправить ошибки порочно устроенной коммуникации.

Распределяемый ресурс же растворяется по дороге, – так пояснял мне свое понимание проблем Горячих Ключей и Горного один из информантов, рассказав историю про то, как его в первый раз отправили набирать солдат в часть: сначала он изучил личные дела солдат и отобрал тех, которые были нужны части; но в Хабаровске у него забрали всех и отдали других 12 человек, из этих «ненужных» 12 кого-то отобрали и заменили в Южно-Сахалинске, и на остров приехали совсем не те люди, которые были нужны части: «...с тех я просто отсчитывал нужное количество личных дел сверху стопки и забирал случайных людей» (П.М., Хабаровск / Горный).

Тем не менее жители Горного в своих стратегиях жизнеобеспечения полагаются именно на установление диалога с властью и вынужденно имитируют нормальные социальные институты. Они исправно продолжают оплачивать счета за свет и воду¹⁷, правдами и неправдами¹⁸ зарегистрировали официальные школу и детский сад, последний после землетрясения временно был размещен в подъезде жилого дома, где и находится до сих пор. Это стремление

к формальному соответствию здесь выражено даже больше, чем в Горячих Ключах: там есть только официальное здание школы, поэтому дети дошкольного возраста либо находятся дома с матерями, либо некоторые женщины создают импровизированные «детские сады» – забирают к себе двух-трех близких по возрасту детей на три часа в день и занимаются с ними.

Эти «имитация» и «соответствие» сопряжены с колоссальными дополнительными издержками: *«Снег зимой выпадает до окна второго этажа. И вот я закрываю смену в 4 утра (И. работает ночным продавцом в магазине) и до 7 утра успеваю прокопать узенький тоннель, чтобы дети могли зайти в сад»* (И.Л., Горный); директору детского сада приходится ремонтировать детский сад, который нельзя ремонтировать и нельзя не ремонтировать: *«Была программа областная по установке пластиковых окон. Это именно то, что нам позарез нужно, но по закону я права не имею тратить муниципальные деньги на ремонт собственности МО»*. В школе ведут занятия в полном соответствии с программой, даже если в классе всего один ученик, и сверх того ведут кружки и участвуют в региональных конкурсах и олимпиадах:

«Они нас там ненавидят все, наш город, детский сад и школу. Конечно, они пытаются убедить нас, что нас не существует, а мы приходим и берем первые места»¹⁹ (Ю.М., Казань / Горный).

Это сочетается как с локальным, так и государственным патриотизмом, что в первом случае проявляется в разговорах о Горячих Ключах (Горный действующий был «гораздо лучше, чем Ключи», да и теперь «что там хорошего, у нас зато какой вид здесь на горы и вот океан рядом»)²⁰, а во втором – с актуальными на осень 2016 г. переговорами Владимира Путина и Синдзо Абэ. Разговоры о передаче островов или о самостоятельной эмиграции здесь непопулярны; старшее поколение мечтает уехать разве что на родину, а дети – поступить в военное училище и служить здесь (П.М.; Ю.М.; В.Б; А.Б.; Т.М., N / Горный; В.М.; А.М.; Р.Т.; И.Л.; А.С., Горный; Ю.Ю., Горный / Москва).

Locus Imaginatum

Место видимого безвластия оказывается на поверку сильно регулируемым пространством жизни, где бóльшая часть материальной культуры сформирована по лекалам военного ведомства, а возможности для ее изменения минимизированы²¹. Это относится как к Горному, так и к Горячим Ключам: государство ограничивает свободу жителей острова самостоятельно компенсировать недостатки сложившейся системы. В условиях изоляции и удаленности дисбалансов в данной системе предостаточно: это и кратно завышенные цены в розничной торговле, и полное отсутствие некоторых продуктов на острове²². Описанная выше кампания против местных подсобных хозяйств в Горячих Ключах обернулась тем, что весна 2017 г. была отмечена «первой Пасхой без единого пасхального яйца», – с середины марта корабли не могли завезти продукты из-за льда вокруг острова. За видимые перемены, такие как постройка кафе или детской площадки и ремонт дома, приходится бороться в условиях экономики дефицита и политик запрета; в этих условиях существенную роль в жизнеобеспечении стали играть сформировавшиеся через Интернет сетевые структуры. Это произошло относительно недавно, с момента широкого распространения приложений – мессенджеров, феномен, который я предлагаю обозначать как «поворот к мессенджерам» (Бородулина 2018).

Сама по себе возможность интернет-коммуникации не стала даже механизмом преодоления изоляции и повышения уровня культурного потребления. В силу низкой скорости Интернета, получаемого через спутниковую связь, он использовался жителями крайне ограниченно. Невозможность сохранять паттерны потребления, с которыми они знакомились на Сахалине или материке, только подчеркивали для жителей изолированность их жизненного пространства:

«Мы не просто территориально изолированы. Мы почти отрезаны от глобальной сети. То, что является нормой для современного молодого человека – посмотреть новости, послушать музыку – этого здесь почти нет. Когда я поехал учиться в Питер, я почувствовал разницу» (И.Л., Горный).

«Это как загружать Интернет – когда кто-то из наших уезжает на материк, в отпуск или на учебу, то берет с собой хард и записывает фильмы новые и сериалы, а потом, когда возвращаешься, этот диск идет по всем товарищам. Так мы всем городком “Как я встретил вашу маму” смотрели» (А.М., Горный).

Именно мессенджеры, с их минимальным потреблением трафика, стали тем средством коммуникации, которое эффективно связало локальные и транслокальные группы Итурупа²⁵. С приходом мессенджеров, при доступности смартфонов, интернет-коммуникация стала существенной частью повседневности, при этом мессенджеры стали брать на себя функции, характерные для СМИ и социальных сетей. Более того, новые способы коммуникации, оказываясь преимущественно локальными, стали брать на себя и функции отсутствующих, но необходимых социальных институтов, обслуживая и создавая местные рынки сбыта для рыбаков, охотников и военных, позволяя им продавать излишки добытого ресурса.

Группы в чатах становятся субститутами отсутствующих в реальности магазинов одежды и косметики, воскресных рынков, где можно продать самодельную выпечку, свежепойманную рыбу, домашние заготовки; через такие группы коллективно заказывают, например, косметику и одежду, создавая пространство виртуального коллективного шоппинга и преодолевая дисбалансы местной экономики. Местные чаты WhatsApp специфичны: стандартно исследователи описывают чаты в мессенджерах как соответствующие существующей в реальности малой социальной группе лично знакомых друг с другом людей (Miller 2016: 2). Группы же на острове Итуруп объединяют от 30 до 100 с лишним человек, где далеко не все участники связаны личным знакомством; информанты часто подписаны на 5–10 групп с ежедневной активностью, часть из которых удовлетворяет их потребности в преодолении социальной изоляции, а часть используется для решения практических вопросов. Существуют и метагруппы, своеобразные самообновляемые реестры локальных чатов (например, чат «ссылки сахалин-65»), в которых публикуются только ссылки-приглашения в группу, чаще всего от администраторов данных групп; это позволяет находить нужные чаты в регионе. Постоянная активность в чатах помогает решить

проблему отсутствия публичных пространств, таких как кино, кафе, клубы, где горожане могли бы общаться (чаты «поговорим», «девчонки итуруп», «лясим-трясим»). Сами названия подразумевают нацеленность на удовлетворение потребности в общении, на приглашение к диалогу; часто это именно женские группы (что также видно из названий) или смешанные группы с большой пользовательской активностью женщин, так как именно они, в отличие от имеющих регулярные контакты на работе / службе мужчин, испытывают проблему исключенности из социума. Во время тайфунов женщины с детьми часто остаются изолированными в пределах собственной квартиры, и выход в чат становится единственно доступным способом социального контакта.

Интересен случай, когда групповой чат, который изначально имел функции городского рынка и доски объявлений, превратился в виртуальный городской форум, площадку для обсуждения и решения насущных проблем городка. Это примечательный кейс, который показывает, что чаты в мессенджерах могут становиться дополнительным инструментом консолидации и даже местного самоуправления. В ноябре 2017 г. в Горном произошла авария в отопительных коммуникациях²⁴, а попытки жителей согреться с помощью электрорадиаторов в один момент привели к общему инфраструктурному коллапсу. Местный групповой чат «Форум, объявления. Говорят» стал виртуальным местом схода городских активистов для решения этой проблемы, которая требовала выработки общей позиции для общения с министерством обороны и районной администрацией, а также со СМИ, которые в свою очередь помогали привлечь внимание к данной проблеме. В чат были включены и неместные активисты, и журналисты с Сахалина; группа достигла максимального для приложения числа участников в 256 человек и «на добавление еще очередь человек в 30, постоянно кого-то удаляют и добавляют» (В.М., Горный).

Таким образом, сопротивление ограничениям, которые ставят властные структуры перед попытками жителей сформировать свои способы самообеспечения, эффективно реализуется в относительно невидимой для этих структур среде интернет-коммуникаций. При этом названные виртуальные закрытые форумы в итоге накопи-

вают потенциал для использования рычага публичности, который может вынудить акторов от государства вернуться к прерванному диалогу.

Заключение

Горный, при всей уникальности сложившейся там ситуации и драматичности происходящих событий, показывает универсальные тенденции для современного Российского государства в условиях сокращения ресурсной ренты; исключение из цепи распределения ресурсов не происходит плавно, с учетом жизненных потребностей элиминированного населения, но, напротив, жестокие акции (как описанные взрывы домов или уничтожение подсобных хозяйств) ставят своей целью вынудить граждан самим выйти из договора «обеспечение в обмен на лояльность», который действует на ограниченной территории, маркированной как «северная» и «военный городок». Часть населения оказывается готовой отстаивать свои «права на привилегии» даже в экстремальных условиях магинализованный город, и продолжает «воскрешать» город-призрак через установление городских институтов вроде общеобразовательной школы и детского сада, продолжая жить в едва пригодных для жизни домах. Закрытое место, которое из места счастья стало местом терпения и страданий, сохраняет свой витальный потенциал за счет конструирования образа светлого прошлого и стремления оправдать потраченные усилия, так как становление места счастья на всем протяжении существования военного городка было связано с ситуациями преодоления. В ответ на жесткие ограничения свободы местных жителей в создании институтов самообеспечения и корректировки дисбалансов закрытой изолированной экономической системы возникают новые практики, в том числе и с участием цифровых технологий («поворот к мессенджерам»), которые позволяют преодолевать экономические дисбалансы в условиях ограниченных ресурсов и изолированности, а также дают сообществам дополнительный инструмент консолидации, который может быть использован для установления нового социального договора.

Благодарности

Автор благодарит Д.А. Функа за научное консультирование, а также Олега Климова, Викторию Бородину и Юлию, Влада, Алису и Павла Мухиных за помощь в проведении полевой работы.

Примечания

- ¹ В качестве примеров: север и юга острова (столица Южно-Сахалинск и крупный нефтедобывающий город Оха) не связаны ни асфальтированной, ни железной дорогой; соседний с газоперерабатывающим заводом СПГ город Корсаков использует угольное отопление.
- ² В России ряд территорий, на которых могут находиться как гражданские, так и военные поселения, ограничен для посещения, разрешение выдается пограничным контролем как внутренняя виза на основании заявления. В соответствии с Приказом ФСБ России от 26 октября 2016 года № 644 «О внесении изменения в пункт 1 приказа ФСБ России от 14 апреля 2006 года № 149 “О пределах пограничной зоны на территории Сахалинской области”» ограничены для посещения все населенные пункты о. Итуруп, кроме г. Курильск.
- ³ На острове по стандартному проекту строили сейсмоустойчивые дома, поэтому после землетрясения они были абсолютно пригодны для проживания, что подтверждают информанты. Люди оставались по разным причинам: часть людей согласилась переселиться в деревянные дома в соседнем поселке, которые и были разрушены при очередном землетрясении, после чего они вернулись в свои прежние квартиры уже как сквоттеры (Л.Т., Шымкент / Горный); некоторые предпочли остаться жить в своих домах, а полученные квартиры продать или отдать детям (С.Т., Одесса / Горный); часть людей до сих пор стоит на очереди на получение квартиры; остальные стремятся оставаться на острове столько, сколько необходимо для получения северной пенсии; так или иначе, город существует.

- ⁴ Курильские острова юридически приравнены к районам Крайнего Севера по постановлению Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. № 1029.
- ⁵ Помимо обозначенных военных поселений, на острове есть административная столица г. Курильск и поселок Рейдово. Согласно переписи населения 2010 г., плотность населения о. Итуруп 1,9 чел./км².
- ⁶ Для получения пропуска в пограничную территорию необходимо обосновать причины посещения и перечислить все населенные пункты, в которые вы запрашиваете въезд; таким образом, пропуск дается не на всю пограничную зону, а на каждый отдельный остров. В моем полевом опыте это, однако, не было связано с какими-либо значительными трудностями, и недоступным данное поле окажется преимущественно для иностранных исследователей.
- ⁷ В 5 100 руб. обходится жителям о. Итуруп поездка на соседний остров Сахалин в одну сторону (субсидированные билеты для тех, кто имеет местную «прописку»); полет на материк добавит к этой сумме еще 25 тыс. руб. Для всех остальных билеты на Итуруп с осени 2017 г. стоят 16 тыс. руб.
- ⁸ На Сахалине никогда нельзя быть уверенным, что ты улетишь в тот же день, что написан в билете. Некоторое время назад нормальной практикой было недельное ожидание вылета в аэропорту. После строительства нового «всепогодного» аэропорта время ожидания сократилось, а авиакомпания взяла на себя обязательства по расселению пассажиров в гостиницы до времени вылета. Система распределения мест в гостиницах между пассажирами является отдельным интереснейшим кейсом, демонстрирующим представления о справедливости и практическую реализацию этих представлений – речь идет о «моральной экономике дефицита». В случае отмены рейса представитель авиакомпании должен распределить места в гостиницах среди пассажиров, которым задержали рейс. Места в гостинице – это классический ограниченный ресурс, который должен быть распределен между нуждающимися «по справедливости». Те, кто имеет свое жилье в Южно-Сахалинске, самоустраивают-

ся от раздела. Первыми пропускают пожилых и пассажиров с детьми, людей с ограниченными возможностями. Следующими распределяются места между семейными парами. И только в самом конце, если остаются места (количество мест никак не коррелирует с количеством пассажиров, так как невозможно предугадать, сколько рейсов в день будет задержано и сколько пассажиров на этих рейсах будут нуждаться в размещении, а держать бронь на всех пассажиров экономически невозможно) расселяются молодые люди, летящие по одиночке или с друзьями. При этом престижность гостиниц возрастает от первых пассажиров до последних, которые рискуют или остаться без мест, или получить наилучшие варианты из возможных. Последнее объясняется экономически – компании выгоднее распределить сначала дешевые номера, так как есть вероятность, что дорогие останутся невостребованными.

⁹ Я использую здесь расхожие советские лозунги, но этим идеологемам соответствовали реальные практики: так, информанты, участвовавшие в строительстве военных городков, упоминали, что первое время приходилось жить в землянках и строить сначала боксы для машин, а затем только жилые дома, так как необходимо было «быть в постоянной боевой готовности».

¹⁰ Л.М. переехала в Горный в 1983 г.

¹¹ Дверные проемы и ваннные комнаты считаются самыми безопасными при землетрясениях и взрывах.

¹² См. Олег Климов. Город-призрак на Курилах. Жизнь военного городка на острове Итуруп. <https://meduza.io/galleries/2016/01/19/gorod-prizrak-na-kurilah>.

Благодаря моему знакомству с Олегом Климовым на Сахалине в предыдущий год работы по гранту и стали возможны моя поездка в поселок Горный и, в итоге, это исследование.

¹⁵ В 2016 г. здесь проходил форум Итуруп, и много медийного внимания было уделено обсуждению миллиардных инвестиций, проектов «ноосферного развития» Итурупа и т.п. См.: Криминальный Сахалин и ноосферный Итуруп – обзор СМИ. <https://regnum.ru/news/2232873.html>

- ¹⁴ Шойгу сообщил о строительстве военных городков на Итурупе и Кунашире. <http://www.interfax.ru/russia/482553>
- ¹⁵ В 2004 г., в момент описываемых событий, глава Министерства обороны.
- ¹⁶ Люди утверждали, что им даже не дали возможности собрать вещи и вынудили уничтожить кур и единственную корову: См.: Мы вас всех повыгоняем, всех сровняем с землей. Анна Бойцова для Гриффон. <https://www.griffon.media/articles/6/10/2016/soldiers-occuru-the-Kurils>
- ¹⁷ На мой вопрос о том, как могут предоставляться официальные услуги в здания собственности Министерства обороны, которое эти дома не обслуживает, и значит, контрактов на обслуживание ни с какими организациями не заключало, информанты затруднились ответить (Ю.М., Казань / Горный, И.Л., Горный, Л.Д. Дербент / Горный). Если бы Министерство обороны обслуживало эти дома, то счета бы все равно не приходили, как это происходит в Горячих Ключах. Там в доме, где я жила, никогда не выключался свет в ванной, на кухне и в туалете... «чтобы лампочки не перегорали».)
- ¹⁸ Очевидно, здания бывшей казармы, где расположилась школа, и подъезды жилого дома не удовлетворяют санитарным нормам для детских учреждений, и директора рассказывали о серии инцидентов с «проверками».
- ¹⁹ В этом году именно ученик из Горного, В.М., был выбран для поездки на Олимпиаду в Сеул от Курильского района по результатам собеседования на английском языке.
- ²⁰ Локальный патриотизм проявлялся и в обсуждении мной с информантами фотоистории Олега Климова: жители были расстроены, что их жизнь была показана слишком мрачно и однобоко, что усилилось стилистикой черно-белых фотографий. Они не столько видели пользы в том, что такая подача сможет привлечь внимание к их положению, сколько придавали значение чувству, что они ведут здесь достойную жизнь. В подтверждение они рассказывали свои о «романтическом хорошем», которое происходит здесь за видимой бытовой неустроенностью: как в прошлом году военные по просьбе местных мужчин при-

- везли целый вертолет цветов, чтобы те могли поздравить женщин с 8 марта, о взаимопомощи, походах в горы, рыбалке и т.п.
- ²¹ Из относительно самодельных построек в Горном только гаражи, магазин из контейнера и баня из цистерны.
- ²² Я знала, что на остров нужно привезти продуктов, но не догадывалась, что самым востребованным окажется кефир: как и многие другие скоропортящиеся продукты, торговые точки просто не завозят его на остров.
- ²³ Широкое распространение мессенджеров представляется нам как «взрыв» интернетактивности в не слишком благоприятной для развития интернет-коммуникаций и в особенности мобильного Интернета, среде, который стал возможен благодаря «легкости» в отношении потребления трафика приложения WhatsApp. В опыте моего полевого наблюдения мобильная связь на острове была крайне нестабильна (оптоволокно отсутствует, в некоторых учреждениях есть дорогой спутниковый Интернет. В массе люди пользуются именно мобильным Интернетом. Эмпирические наблюдения были подтверждены анализом высказываний о качестве на локальных форумах sakh.com и drom.ru
- ²⁴ См.: Село Горное на Курилах вновь осталось без тепла <https://astv.ru/news/conflict/2017-11-27-selo-gornoe-na-kurilah-vnov-ostal-os-talos-bez-tepla>

Источники

Полевые материалы автора (ПМА 2016). Указаны инициалы информанта и город проживания; если город рождения отличается от города проживания, то они даются по схеме «город рождения / город настоящего проживания».

«Курилы в судьбах и лицах». МБДОУ детский сад «Аленький цветочек», 2016 г., буклет, электронный экземпляр (из архива автора).

Литература

Бородулина А.С. «Поворот к мессенджерам»: кейс Сахалинской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1 (143). С. 156–172.

- Bohn T.M.* Das sowjetische System der “geschlossenen Städte”. Melde-
wesen und Wohnungsmangel als Indikatoren sozialer Ungleichheit
// Friedrich Lengler, Klaus Tenfelde (Hrsg.). Die europäische Stadt
im 20. Jahrhundert. Wahrnehmung – Entwicklung – Erosion. Köln,
2006. S. 373–385.
- Fulbrook M.* Anatomy of a Dictatorship: Inside the GDR, 1949–1989.
Oxford University Press, 1997.
- Heldmann Ph.* Negotiating Consumption in a Dictatorship: consumer
politics in GDR in the 1950s and 1960s // Politics of Consumption:
Material culture and citizenship in Europe and America / ed. M.
Downton, M. Hilton. Oxford, 2001.
- Kutepova N., Tsepilova O.* A Short History of ZATO // Michael Edelstein,
Maria Tysiachniouk, Lyudmila V. Smirnova (eds.). Cultures of
Contamination: Legacies of Pollution in Russia and the U.S.
Amsterdam and Oxford, 2007. P. 148–149.
- Miller D. et al.* How the World Changed Social Media. 1st ed., vol. 1.
London, UCL Press, 2016.
- Zaslavsky V.* The Neo-Stalinist State. Class, Ethnicity, and Consensus in
Soviet Union. Armonk, NY, 1982. P. 130–164.

Глава 6

ЭКСТРАКТИВИЗМ НА РОССИЙСКОМ СЕВЕРЕ: КОРПОРАЦИИ И КОРЕННЫЕ НАРОДЫ О РАСПРЕДЕЛЕНИИ БЛАГ

Наталья Ивановна Новикова

Введение

Достижение партнерства коренных народов¹ с промышленными компаниями на Севере России сегодня становится одним из условий не только выживания этих народов, но и обеспечения работы важнейших отраслей экономики, социально-экономического развития Арктики и Севера. В настоящее время мы можем говорить лишь о начале процесса осознания взаимной ответственности и взаимной заинтересованности в установлении новых отношений. Во взаимодействии с промышленными компаниями особенно важными являются консультации с коренными малочисленными народами и возможность для них сказать «нет» осуществлению проектов, нарушающих их права и законные интересы. Согласие же этих народов на промышленную деятельность предполагает сегодня не только выплаты финансовых компенсаций, но и наличие у промышленных компаний устойчивых и эффективных политик корпоративной социальной ответственности. В современных условиях появляются новые международные документы, регулирующие рассматриваемые процессы. В научном и общественном дискурсе появляются предложения о необходимости принятия подобных правовых документов в России. В вопросах выплаты компенсаций и таким образом распределения прибыли компаний в обществе много внимания уделяется в экономических и социологических исследованиях. Я хочу сконцентрировать свое внимание на немате-

риальных/ нефинансовых аспектах распределения выгод как основы устойчивой деятельности промышленных компаний в районах проживания коренных народов Севера России и возможностях их правового регулирования.

Существенным для данной работы стал анализ изменения представлений о «нефтяниках» и «аборигенах» в локальных сообществах Севера. В Западной Сибири первоначально существовало настороженное отношение нефтяников/газовиков и аборигенов друг к другу, которое в значительной степени строилось на дилемме «местные – мигранты». За последние годы взаимная экзотизация образов «нефтяников» и аборигенов уступает место складыванию представлений о них, как о «людях, живущих по соседству».

Цели и методология исследования

Цель данной работы – анализ политик компаний в отношении коренных народов, в первую очередь распределения благ от добычи углеводородного сырья в районах Российского Севера и Арктики, с точки зрения перспектив развития коренных народов. Специальное внимание уделяется компенсационным мерам и их оценке аборигенами. Я постараюсь ответить на ряд вопросов. Изменился ли социальный климат в регионах промышленного освоения? Повлияла ли жизнь по соседству на отношение к компенсациям со стороны промышленных компаний и аборигенных сообществ? Как аборигены воспринимают компенсации от промышленных компаний: справедливое возмещение ущерба, партнерство, пособие по безработице? Я постараюсь ответить на вопрос о возможности выработки специальных критериев для правового регулирования политик компаний в отношении коренных народов.

Исследование является междисциплинарным. Руководящими идеями моего анализа является теории правового плюрализма и заинтересованных сторон (стейкхолдеров). Именно они позволяют представить наиболее полно всех акторов природопользования и показать возможности регулирования взаимодействия коренных народов и промышленных компаний. В качестве стейкхолдеров рассматриваются промышленные компании, коренные малочис-

ленные народы и органы государственной власти. Деятельность промышленных компаний анализируется на основании их социальных политик. Выделение коренных малочисленных народов основывается как на международном праве, так и их особом статусе в Российской Федерации. Для анализа я руководствуюсь также рядом особенностей их образа жизни, норм, регулирующих их отношение к природе, труду, взаимодействию с другими участниками природопользования и просто соседями. В деятельности органов государственной власти я рассматриваю инициативы, возникшие в последние годы.

Правовой плюрализм рассматривается как сосуществование различных правовых режимов, поиск площадок близких интересов. Именно сосуществование различных правовых и квазиправовых норм в регуляции отношений позволяет выстраивать достаточно мирное соседство, а превалирование, давление со стороны одной системы на другую вызывают конфликты. Полезным для моего исследования оказался методологический прием сравнения идеального и пережитого правовых порядков, разработанный Н. Руланом (Рулан 1999). Так как я фокусирую внимание на нормативной культуре, мое исследование включает антропологическую критику законодательства и документов компаний. Я собираю и изучаю их документы и регламенты, которые определяют правила поведения сотрудников, а потом в поле смотрю, насколько они соответствуют действительности и какую роль играют в их взаимодействии с коренных народов. Критерием для сравнения служат международные (Руководящие принципы 2011) и российские (Руководство по социальной ответственности 2012; Российский бизнес...2018) стандарты развития бизнеса в контексте устойчивого развития (Новикова, Уилсон 2015).

Руководящими для моей полевой работы были и остаются положения об антропологии как диалоге, необходимости слышать и слушать всех акторов, стремиться к тому, чтобы все они получили право голоса в исследовании (Гириц 2004: 40). А также помнить, что антропология – это «исследование вместе с людьми». В профессии антрополога, как писал Т. Инголд, «содержится некая специфика. Она заключается в тех внутренних установках, с которыми вы

куда бы то ни было направляетесь и которые вы привносите во все, что вы делаете. Антрополог, если хотите, всегда живет с оглядкой, он всегда допускает возможность альтернативных способов бытия. Пользуясь таким «боковым зрением», в чуждом можно увидеть знакомое, а в знакомом – чуждое» (Инголд 2009: 11, 14).

Примеры политик распределения выгод от экстрактивизма

До настоящего времени ни одна страна не создала идеальную модель распределения выгод от добычи нефти и газа для общин коренных народов. Некоторые районы ориентируются на развитие смешанной экономики, ориентированной на возобновляемые и невозобновляемые ресурсы. Коренные народы включаются в деятельность промышленных компаний, где создаются для этого благоприятные условия. Но их ожидания и обеспокоенности в отношении промышленного развития часто связаны с тем, что они хотят в большей степени опираться на собственные силы. «Местные жители заинтересованы в оплачиваемой работе и, вместе с тем, в возможности использовать местные ресурсы, имеющие устойчивую продовольственную, культурную и экономическую ценность» (*Arctic Human Development Report 2004: 122*).

В научном и общественном дискурсе все большее значение приобретают идеи о необходимости изучения всех участников природопользования и управления культурным многообразием, особенно в крупных федеративных государствах. Приведу некоторые идеи, которые важны для данной работы. В сравнительном исследовании, посвященном проблемам распределения выгод от промышленного освоения, на протяжении всей книги подчеркивалось важное значение коммуникации, сотрудничества и консультаций. Это имеет решающее значение не только для коренных народов, которые должны быть активными партнерами с самого начала инициатив по доступу и обмену выгодами, и получать четкую и честную информацию о прогнозируемых выгодах и рисках, но и для правительств, которые ответственны за создание простых и четких информационных каналов, сотрудничество в тех случаях, когда ре-

сурсы или знания пересекают национальные границы, а также за создание транспарентных и справедливых процессов консультаций в целях развития и обмена политиками совместного использования выгод» (Indigenous Peoples, Consent and Benefit Sharing: Lessons from the San-Hoodia Case 2009: 349).

Вопросы взаимодействия коренных народов и промышленных компаний стали предметом рассмотрения и Специального докладчика ООН по правам коренных народов Джеймса Анайи². Один из его докладов посвящен положению коренных народов в Российской Федерации. Изучив положение этих народов в контексте промышленного освоения, он отметил: «Во многих случаях были заключены соглашения об освоении природных ресурсов на землях коренных народов или поблизости от них, которые приносят соответствующим коренным народам определенную выгоду. Однако требуется более широкое понимание сотрудничества: вместо того чтобы сводить взаимодействие между добывающими отраслями и коренными народами лишь к соглашениям о компенсации, административным органам следует поощрять приобретение доли в собственности и участие в прибылях добывающих отраслей там, где общины коренных народов проявляют к этому интерес. Федеральному правительству следует выработать надежные методы контроля за осуществлением промышленных проектов...» (*Report of the Special Rapporteur on the situation of human rights and fundamental freedoms of indigenous people 2010*). Пока эти рекомендации остались пожеланиями.

Для России особенно ценным является опыт США и Канады, в которых проживают коренные народы. Возможности участия коренных народов в процессах со-управления ресурсами, в принятии решений, получении компенсаций или участия в прибылях в значительной степени зависят от конституционных гарантий и обеспеченности земельных требований. На севере Канады процесс взаимодействия обеспечен Конституционным актом 1982 г. и соглашениями, заключенными с Федеральным правительством. В результате, например в Северо-Западных территориях Канады длительная политика по согласованию строительства газопровода в долине реки Маккензи привело к тому, что «коренные народы

стали основными заинтересованными сторонами в газовом проекте Маккензи. Аборигенная группа по наблюдению за газопроводом (Aboriginal Pipeline Group) рассчитывает получить дополнительные мощности, что в конечном итоге увеличит ее долю собственности до 33,33%. Один из лидеров коренных народов сказал: «Трубопровод вниз по долине Маккензи ... уничтожит землю, но без какой-либо формы экономической базы мы, безусловно, уничтожим наш народ» (Nuttall 2010: 108-111). Болезненный процесс согласования и консультаций по этому проекту был смягчен для коренных народов перспективами обеспечения занятости. Еще не заработал проект газопровода в долине Маккензи, а уже была проведена большая подготовительная работа, в колледже создана специальная образовательная программа по подготовке необходимых для промышленных компаний работников, причем работа была организована гибко. В рамках этой программы готовятся различных специалистов, обучаются люди любого возраста. Преподаватели выезжают непосредственно в общины, обучение занимает период от нескольких недель до нескольких лет. У консорциума компаний, которые будут работать по этому проекту, есть четко сформулированный план, определены необходимые трудовые вакансии и пути подготовки кадров (ПМА *Инувик*, 2006 г.).

Пример Аляски (США) демонстрирует законодательное регулирование и акционерную модель распределения прибыли, что приводит к росту личных капиталов, но и создает некоторые сложности, для социально-экономического развития местных общин (Tysiachniouk, Petrov 2018). Исследователи отмечают, что «по мере расширения масштабов промышленного освоения ущерб для ландшафта, дикой природы, традиционных занятий и культурных ценностей также может возрастать, тогда как выгоды от работы и прямых поступлений – оставаться скромными или даже сокращаться» (*Arctic Human Development Report 2004*: 134).

Коренные народы отдают предпочтение местным возобновляемым ресурсам и своему труду по их освоению. Промышленное развитие чаще всего воспринимается ими как рискованное, от которого ожидают многого, но нет уверенности, что эти ожидания оправдаются. Распределение выгод от осуществления промышлен-

ных проектов может лишь смягчить отрицательные последствия индустриального развития. На этом фоне российские практики в условиях отсутствия четких правовых норм, выглядят еще более неустойчивыми для коренных народов, тем более распределение выгод и промышленными компаниями, и органами государственной власти воспринимаются в первую очередь как финансовая компенсация. Мой подход к изучению этой проблемы заключается в поиске эффективных корпоративных социальных политик на Севере России и возможностей правового регулирования распределения выгод промышленного освоения. Я рассмотрю, как на распределение выгод влияет то, что многие нефтяники и газовики из вахтовиков превратились в местных жителей и остановлюсь также на вопросе о том, кто и как проводит политики промышленных компаний в жизнь.

Источники исследования

Глава написана на основании опубликованных исследований, анализа научной литературы, стандартов для бизнеса, законодательства Российской Федерации и полевых материалов, собранных автором в различных регионах Севера и Арктики. За последние несколько лет был опубликован целый ряд статей по корпоративной политике в обследованных регионах, в том числе автором данной работы (*Новикова 2014; Новикова 2016; Тулаева, Тысячнюк 2018; Tysiachniouk, Petrov 2018; Wilson 2019*). Полевые исследования проводились методами включенного наблюдения и интервью. Были проведены беседы с представителями коренных малочисленных народов, работниками добывающих компаний, органов государственной власти. Интервью проводились по специальной авторской программе, чтобы выявить отношение всех заинтересованных сторон к распределению выгод от добычи нефти и газа. В работе также использован опыт работы автора в качестве эксперта по коренным народам в Законодательном собрании Российской Федерации (с 2011 по настоящее время). Каждое использованное в статье интервью сопровождалось получением свободного, предварительного и осознанного согласия информантов.

В Ханты-Мансийском автономном округе исследования проводились с 1995 по 2000 годы в г. Ханты-Мансийск, Сургутском и Нижневартовском районах в городах, поселках и на стойбищах хантов и ненцев, а также в среди работников (инженеров и рабочих) нефтяных компаний «Лукойл-Западная Сибирь» и «Сургутнефтегаз» на месторождениях, в 2014 году было проведено исследование в центральных офисах этих компаний в городах Когалым и Сургут. В Ямало-Ненецком автономном округе исследование проводилось в 2008-2012 годах в Ямальском и Тазовском районах, г. Салехард среди различных групп ненцев, подразделений компаний Газпром и Лукойл. В Сахалинской области исследование проводилось в 2006, 2011, 2014, 2019 годах в г. Южно-Сахалинске, Ногликском и Охинском районах среди коренного и местного населения и работников компаний «Сахалин Энерджи» и «Эксон Нефтегаз». Особенностью работы по данной теме является преимущественное внимание к установлению доверительных отношений с информантами, что достигалось благодаря многолетним контактам как в полевых условиях, так и многочисленными консультациями в дальнейшем по телефону. Также использованы полевые материалы, собранные во время проведения семинара в Булунском районе (улусе) Республики Саха (Якутия) в 2018 г. Для сравнения анализируются полевые материалы автора, собранные в 2006 г. на Северо-Западных территориях Канады во время проведения публичных слушаний по проекту строительства газопровода вдоль реки Маккензи (Mackenzie Gas Project) в п. Инувик³.

Правовое регулирование

Правовое регулирование взаимодействия коренных народов и промышленных компаний в России строится в основном на конституционных и законодательных положениях о специальных правах этих народов (Кряжков 2014). На право на компенсации (коллективное и индивидуальное) как возмещение убытков указывается в ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (Федеральный закон «О гарантиях прав...1999»). К сожалению, эти положения никак не отражены в ресурсном законода-

тельстве, что существенно сужает сферу их действия. Существовавшая в первом варианте ФЗ «О недрах» 1995 г. (Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений... 1999) статья 42, касающаяся распределения прибыли, была впоследствии отменена⁴.

В течение многих лет аборигенные организации и эксперты без успеха пытаются продвинуть идею защиты прав коренных народов и внести соответствующие поправки в этот закон. Возмещение убытков коренным народам гарантируется ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» (Федеральный закон «О соглашениях о разделе продукции»). Статья 7 этого закона определяет обязанности инвестора при выполнении работ на объектах, расположенных в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, принимать меры по защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, а также обеспечивать выплату соответствующих компенсаций. Компания «Сахалин Энерджи» подписала соответствующее соглашение в 1994 г. для выполнения проекта «Сахалин 2»⁵. По такому же принципу осуществляется проект «Сахалин 1» (1996 г.), оператор Эксон Нефтегаз⁶.

В Российской Федерации существует также «Методика исчисления размера убытков...», которая утверждена приказом уже несуществующего министерства в 2009 г., но на практике применяемая (Приказ Минрегиона РФ 2009). В последнее время раздается все больше критики этого документа, в том числе потому, что эта методика затрагивает только юридических лиц, а выплаты, рассчитанные по ней, бывают меньше тех сумм, которые реально выплачивают компании. Такая критика прозвучала, например, на конференции 2018 г. в Ханты-Мансийске (Казанцев и др.). В настоящее время в Федеральном агентстве по делам национальностей и Комитете национальностей Государственной Думы разрабатывается новая методика расчёта убытков.

Недостаточное правовое регулирование вопросов взаимодействия коренных народов и промышленных компаний, особенно в части компенсаций и возмещения убытков, как минимизации отрицательных последствий приводит к необходимости обращения к

стандартам социальной ответственности бизнеса (*Новикова, Уилсон 2015; Пусенкова, Никитина 2016*).

Как нефтяники из мигрантов превратились в соседей и что это значит для аборигенов

Мое исследование по данной теме начиналось в Ханты-Мансийском автономном округе в 1990-х годах, затем я продолжила работу в Ямало-Ненецком автономном округе и Сахалинской области. Постоянные полевые наблюдения позволяют проследить динамику отношений. В начале промышленного освоения в сознании аборигенов была уверенность, что приехавшие геологи, а потом нефтяники поработают и уедут, а они (аборигены) будут жить как прежде. Вместе с тем, местные воспринимали приезжих как носителей новой информации. Им, особенно молодым, нравилось, что те поют под гитару, разбираются в машинах, могут что-то интересное рассказать. Процесс знакомства был взаимным. Еще в 1920-е годы некоторые исследователи писали, что без «ездовых оленей и собак, без опытного проводника-туземца должно остановиться наше исследование Севера и открытие в нем новых горных богатств» (Крылов 1925). На практике в условиях отсутствия правового регулирования и социальной политики компаний, существовало настороженное отношение работников добывающих компаний и аборигенов друг к другу, которое в значительной степени строилось на дилемме «местные – мигранты». В интервью с аборигенами, записанными в ХМАО, очень часто звучали их высказывания о том, что нефтяники уедут и тот экологический ущерб, который они нанесли окружающей среде, природе, а фактически «дому» аборигенов, останется местным жителям. Приведу лишь одно, но характерное высказывание, записанное в 2001 г.: «Нефтяники плохо повлияли на нашу жизнь. Они же сами к нам пришли. Я тут родился, вырос. Мы здесь жили спокойно. Тогда здесь ничего этого не было. Никто их не звал. Они все здесь поломали, изрыли землю» (*Новикова 2014: 188*).

При этом, нефтяники как раз подчеркивали, что эта земля стала их родной, у них здесь живут и учатся дети и они будут постоянно жить в построенных городах. Граница проходила по делению

городские – лесные. В 1990-е годы ханты, манси, ненцы стали возвращаться на стойбища, закрепляя за собой родовые угодья, они естественно воспринимали эту землю как свою. Приехавшие работать в нефтяной промышленности жили в это время уже в городах – Сургуте, Когалыме и других и тоже стали воспринимать землю, где они работают как свою. Сотрудник компании ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь говорил мне: «Мы тут работаем, оборудование завезли, и вдруг, откуда не возьмись эти ненцы с оленями». Мне приходилось часто слышать от кочевников на Ямале, что рабочие облетают тундры в то время, когда оленеводы в другом месте, а так как построек нет, они думают, что тут никто не живет. Я обращаю здесь внимание на это отношение к освоенной исторически земле аборигенов как ничейной, потому что именно это первоначально тормозило процесс диалога и понимания необходимости компенсаций. В художественной литературе и кино сложился «космогонический миф покорителя и первопроходца о самом себе», пришедшем на эту землю (Миськова 2016:84).

Нефтяники и газовики мало интересовались местным населением, а еще меньше аборигенами. Они считали себя носителями цивилизации, благом для округов, и определяли свой социальный статус очень высоко. В последние годы во взаимном восприятии этих групп населения происходят изменения. Важной чертой нефтяного/газового сообщества становится то, что они живут здесь же, стали соседями местного населения и во всяком случае до пенсии, а некоторые и дальше, будут жить на Севере. «Газовики, если бы просто работали, а они живут тут. Русские всегда представляли угрозу – казаки, после революции богов сжигали, сохранилось такое отношение. Как только геофизики появились, стали бояться, далеко от чума не ходили. Ягоду туда не идешь собирать, стадо туда не ведешь. Людям надо кочевать, а пространство будет ограничено. Этнологическая экспертиза должна учитывать и те проблемы, которые возникнут между коренными жителями, между совхозными стадами и частниками. Были планы всех частников в поселок перевести. Но опыт показывает, что они более здоровые, они лучше за оленями следят, растёт стадо лучше у частников. Всегда такие проблемы, но раньше был простор, было куда разъехаться, мы между

бригадами кочевали, мы им собирали оленей. Пенсионеры были все частники. Проблемы переходов возникают. Как пройти через дороги и карьерные насыпи. Проблема собак всегда была, сейчас вроде меньше. Психологические проблемы для тех, кто задумывается и сталкивается уже с этими проблемами. А тех, кого задевает, они задумываются» (ПМА, п. Яр-Сале, 2008 г.). За последние годы взаимная экзотизация образов «нефтяников» и аборигенов уступает место складыванию представлений о них, как «людях, живущих по соседству».

Многие из названных компаний в последние годы выработали специальные политики в отношении коренных народов, которые отражены и на сайтах компаний, и в отчётах по устойчивому развитию. Нефтегазовые компании в России традиционно в последнее время выделяются на общем фоне, особенно по сравнению с угольными, своей заботой о социальном имидже (*Ср. Поддубиков и др.* 2018). Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) публикует сборники корпоративных практик. Так, в 2017 г. был проведен опрос членов РСПП по теме целей устойчивого развития (ЦУР). «Главным направлением деятельности компаний, которое помогает в достижении ЦУР, согласно ответам двух третей опрошенных, стало внедрение инноваций и новых энерго- и ресурсосберегающих технологий. Второй по популярности ответ – «устойчивый экономический рост – 63,3% и рост занятости» – набрал долю 56,7%. Чуть меньше – 53,3% – доля варианта «ответственное потребление и производство». Поддержку достойного образа жизни работников и членов их семей отметили 46,7% компаний-участниц опроса. Такую же долю составил ответ «вклад в устойчивое развитие территорий присутствия, улучшение социального климата, ускорение экономического роста». Снижение негативного экологического воздействия и влияния на изменение климата назвали в качестве направления 33,3% компаний» (Российский бизнес...2018: 10). Среди лидеров традиционно представлены Сахалин Энерджи, Газпром нефть, ЛУКОЙЛ и другие крупнейшие предприятия ТЭК. Многие из названных компаний являются лидерами и в политиках по отношению к коренным народам в регионах своей работы, что подтверждается их ежегодными наградами. Например, компания

«ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь» каждый год, начиная с 2000 года, получает диплом за сотрудничество с коренным населением.

В то же время, как в начале промышленного освоения, так и сегодня аборигены, занимающиеся традиционным природопользованием и хозяйством, испытывают стресс из-за соседства с «нефтяниками». Некоторые ханты и ненцы активно протестуют, другие апатичны, так как не верят в возможность изменений. Поэт С. Денисламова (ХМАО) сказала мне: «То, о чем мы говорим, нашло отражение во многих моих стихах. 10 лет назад я об этом писала, а потом поняла, что я ничего изменить не могу, дальше у меня стали стихи философские, более внутренние...А сейчас я совсем другая стала, я теперь смотрю на это, как на неизбежность». Сходные высказывания я слышала во многих восточных районах ХМАО, где территории традиционного природопользования превратились в промышленные зоны (Новикова 2014: 188-191). С этим же связано недоверие и неприятие этнологической экспертизы со стороны коренного населения. Даже если они помогают исследователям, часто считают, что компании все равно будут делать свое дело, если уже пришли на эту землю (Мартынова, Новикова 2012, Новикова 2014). Полевые исследования показывают, что без должной грамотной политики промышленных компаний в отношении коренных народов «добрыми соседями» они не станут.

Разнообразие политик нефтяных и газовых компаний в отношении коренных народов на Российском Севере

Обычно политики промышленных компаний в отношении коренных народов оцениваются по наличию или отсутствию у них договоров и компенсационных выплат. В данной работе я сосредоточу внимание также на правовых вопросах и корпоративных практиках отдельных компаний.

Ханты-Мансийский автономный округ- Югра (ХМАО)

Отличительными особенностями ХМАО являются развитая правовая система, касающаяся коренных малочисленных народов и их взаимодействия с промышленными компаниями, закрепление за

этими народами (семьями и общинами) около 500 территорий традиционного природопользования регионального значения, значительный опыт нефтяных компаний, работающих в округе, в сфере взаимодействия с коренными народами и корпоративной социальной ответственности.

С 1990-х годов существуют экономические соглашения между промышленными компаниями и коренными народами (первоначально главами родовых угодий, затем субъектами права традиционного природопользования). В законе «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе - Югре» как условие для промышленной деятельности на таких территориях требуется согласование размещения промышленных объектов с аборигенами. При отказе аборигенов от согласования промышленных объектов документы разбираются специальной комиссией, которая сообщает свои рекомендации правительству округа. То есть по закону схема прописана справедливо, но практика показывает, что комиссия принимает решения в пользу нефтяников. В 1990-х гг. была разработана иная модель – закрепление особого режима недропользования на некоторых месторождениях, в частности, в Сургутском районе. На практике территории проживания коренных народов при этом превращались в резервации с ограниченным доступом для населения (*Новикова 2014*), причем эта практика ограничения перемещения коренных жителей сохраняется и сегодня, судя по сообщениям экологов, побывавших в 2019 г. в ХМАО⁷. В округе распоряжением правительства в 2009 г. принято Модельное соглашение, которое определяет рамки заключаемых с аборигенами договоров. Все семьи и общины, имеющие отношения с нефтяниками, занесены в Реестр субъектов традиционного природопользования, который является руководством для нефтяников.

Эта современная система имеет ряд очевидных недостатков: отношения индивидуализированы, при возникновении конфликтов они приобретают частный характер двустороннего договора отдельного человека или небольшой группы лиц с крупной промышленной компанией. По существующей схеме государственные органы власти исключены из этих отношений. Не существует и сильных

общественных организаций, сегодня они чаще всего соглашаются с политикой промышленных компаний. Сложившаяся практика удовлетворяет стороны пока компании не претендуют на новые земли, особенно в районах, где живет большинство оленеводов округа. В последнем случае часто возникают конфликты из-за оленьих пастбищ или священных мест, например, в связи с озером Нумто.⁸

В крупнейших промышленных компаниях, работающих в округе, приняты корпоративные документы, определяющие политику в отношении коренных народов. Есть отделы по работе с коренными народами. Ответственные за эту деятельность сотрудники заключают с аборигенами договоры, следят за их выполнением, обеспечивают финансирование различных мероприятий и программ. За годы промышленного освоения политика нефтяных компаний существенно изменилась, но и сейчас финансирование осуществляется по остаточному принципу, нефтяники иногда свободно сдвигают сроки оплаты или предоставления услуг на следующий год. При этом нужно учитывать, что ханты и ненцы перенесли на экономические соглашения с нефтяниками свои представления о договоре. Мне часто приходилось слышать, в таких случаях, что нефтяники потом выполняют, «мы ведь посмотрели друг другу в глаза, после этого, как можно нарушить договор» (Новикова 2014: 263).

В данной работе я сравниваю политику в отношении коренных народов двух крупнейших компаний, работающих в округе (ПМА 2014, г. Когалым, Сургут). Несмотря на существующее законодательство и принятые документы регионального правительства, например, Модельное соглашение, компании ведут себя по-разному. ЛУКОЙЛ в большей степени придерживается международных стандартов, компания является членом Сети глобального договора в России и часто получает награды в конкурсах по работе с коренными народами, устойчивому развитию и т.п. Политика компании направлена на максимальное предотвращение конфликтов и для этого ее сотрудники часто идут на неформальную поддержку коренных народов, предоставляя им топливо, продукты или какую-то транспортную и техническую помощь.

Компания Сургутнефтегаз является единственной крупной нефтяной компанией с штаб-квартирой в округе. Ее авторитет и роль

в развитии округа и отдельных территорий являются общепризнанными среди населения и руководства округа. Вместе с тем, отношения с коренными народами складываются в последнее время конфликтно. Эта компания настаивает на жестком выполнении законодательства (в их прочтении) как единственном руководстве к действию. В частности, юристы компании настаивают на своем праве решать, кто является представителем коренных народов и может претендовать на заключение экономических соглашений. Такая жесткая политика приводит к недовольству коренного населения. У этой компании также много конфликтов, связанных с сохранением священных мест коренных народов. Можно сказать, что это результат недостаточного внимания компании Сургутнефтегаз к нормам и стандартам, принятым в международном сообществе, и в целом к этическим нормам поведения.

Существенной проблемой взаимодействия коренных народов и промышленных компаний являются различия в их представлении о справедливости. Так как и Сургутнефтегаз в целом, а в ЛУКОЙЛе подразделение компании – ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь, объединяют людей, проживающих постоянно в округе, среди инженеров и рабочих распространено представление о несправедливости выплат аборигенам. Они считают, что компании платят достаточно налогов и задача государства регулировать траты, в том числе этих денег, на социальную поддержку коренных народов. Исключение органов государственной власти из процесса взаимодействия аборигенов и промышленных компаний по модельному соглашению усиливает конфликты в этой сфере. Коротко говоря, главным недостатком политик компаний в ХМАО стала их нацеленность на урегулирование конфликтов и финансовую поддержку, а не на устойчивое развитие коренных народов Севера.

Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО)

ЯНАО занимает особое место в ряду регионов Севера, так как живущее здесь кочевое население в большей степени сохраняет традиционный образ жизни, строящийся на оленеводстве. Значительный процент кочевников в муниципальных образованиях (в

первую очередь в Ямальском и Тазовском районах) способствует принятию важных правовых документов в округе. Предлагавшиеся в прошлом планы перевода оленеводов на оседлость и переселения их в поселки, как кажется антропологам, доказали свою бессмысленность, но в том или ином виде предложения по сокращению стад звучат постоянно, поэтому вопросы сочетания традиционного природопользования и промышленного развития в ЯНАО приобрели особую актуальность в последнее время, от их решения зависит и жизнь коренных малочисленных народов, и геополитические интересы России нуждающейся не только о промышленном освоении, но и наличии населения на арктических территориях.

Общим требованием аборигенных организаций в ЯНАО является переход от благотворительной помощи промышленных предприятий к установлению партнерских отношений, согласованию вопросов, представляющих взаимный интерес. Промышленные предприятия также в какой-то степени стремятся найти пути смягчения воздействия промышленного освоения на коренные малочисленные народы, чтобы избежать открытого противостояния. Они заключают договоры с Правительством округа, с администрациями районов. На основании этих соглашений компании перечисляют финансовые средства, но действенного контроля за их распределением и использованием нет. Недостатком этой системы является отсутствие адресного использования средств, ее полная закрытость для общества, отсутствие участия коренных народов и их организаций в распределении этих средств. Проведение полевых исследований показывает, что на фоне общих экологических проблем, связанных с промышленным освоением и изменением климата, часто компании позволяют себе не выполнять действующее законодательство и взятые на себя обязательства. Способствует этому и существующая практика штрафных санкций, обеспечение которых не представляет серьезной проблемы для предприятий топливно-энергетического комплекса.

При рассмотрении взаимодействия с промышленными компаниями необходимо учитывать тот факт, что промышленное развитие дает разным группам населения неодинаковые возможности и приводит к различным последствиям. Для тундровиков это сокра-

щение пастбищ и загрязнение окружающей среды. Поселковые как ненцы, так и другие жители, ждут от развития промышленности на севере новые рабочие места. Если бы компании развивали инфраструктуру в поселках, то местное население, включая ненцев, поддерживало бы промышленные проекты с большим энтузиазмом.

Для кочевников оленеводов очень важным фактором здорового психологического самочувствия является уверенность в том, что они смогут продолжать заниматься своей деятельностью в будущем. Многие ненцы, уже сделали свой выбор – оленеводство является их занятием, работой, образом жизни. И сегодня, когда идет процесс согласования промышленных проектов, аборигены часто не верят, что их мнение будет учитываться, тем более, что в организации коренных народов документы на согласование поступают часто уже тогда, когда все остальные их подписали. Это оказывает на ненцев психологическое давление.

Отрицательно сказывается и тот факт, что не все оленеводы и рыбаки предварительно знакомятся с условиями строительства, не знают, что они получают или потеряют в результате. Отсутствие информации приводит к возникновению различных слухов, домыслов о том, что всех ненцев переселят в поселки, что им запретят кочевать с оленями и т.п. Люди недовольны тем, что под промышленные разработки идут высокие участки земли, которые ненцы используют для стоянок, на которых часто располагаются священные места. Мнение экспертов и муниципальных органов власти заключаются в том, что в освоении природных ресурсов Ямала должен быть системный подход, на основании которого будет строиться взаимодействие всех заинтересованных сторон – органов власти, промышленных предприятий и коренных народов. Сегодня преобладает договорная практика и финансовый подход, без учета альтернативных путей развития. Негативно сказывается на положении коренных народов и сужение сферы правового регулирования деятельности компаний в регионе. Мониторинг законодательства показывает, что в последние годы произошло существенное изменение законодательства ЯНАО и большинство ранее принятых документов перестали действовать. Многие региональные документы стали лишь дублировать федеральные, исключаются нормы о правах коренных

народов, особенно негативно сказывается на положении этих народов исключение таких статей в новых законах о местных референдумах и об объектах культурного наследия. К сожалению, вместо принятия закона об оценке воздействия, как планировалось в 2008 г. появилась слабая норма в законе «О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в ЯНАО» о том, что в округе проводятся «научные и социологические исследования в целях оценки воздействия». Здесь не столь важно подчеркнуть корявость формулировки, но очевидно, что законодательство округа делает шаги назад в деле защиты прав коренных народов. Современное законодательство ЯНАО выглядит скорее, как система мер государственной поддержки народов, ведущих традиционный образ жизни, причем в большей степени в материальной, финансовой сферах. Таким образом, органы государственной власти все дальше уходят от контроля за деятельностью промышленных компаний и регуляции их отношений с коренными народами. В этих условиях гарантированные законом ограничения хозяйственной деятельности, компенсации коренным народам повисают в воздухе без механизмов правоприменения и вклада в устойчивое развитие региона.

Сахалинская область

В Сахалинской области исторически сложилось несколько вариантов взаимодействия предприятий ТЭК с коренным и местным населением. Предыдущий опыт корпораций и их преемников сказывается и в настоящее время. Старейшей здесь является «Сахалинморнефтегаз», сегодня «Роснефть», сравнительно недавно началась деятельность Газпрома в этом регионе. Также здесь работают международные компании «Сахалин Энерджи» и «Эксон Нефтегаз». Опыт «Сахалин Энерджи» стал уже почти хрестоматийным в литературе по корпоративной социальной ответственности и коренным народам. Программа «План содействия развитию коренных народов Севера Сахалина» осуществляется с 2006 года, этот опыт подробно освещен в научной литературе. Пожалуй, сложность оценки деятельности компании связана именно с прорывным характером

ее политики. Их деятельность слишком обогнала другие компании, что сегодня возможно создает даже трудности, им не с кем соревноваться. Другой успешной в этой сфере компанией является «Эксон Нефтегаз».

Корпоративная социальная ответственность международных компаний на Сахалине направлена не только на коренные народы, но и на все местное население области, что уже само по себе способствует созданию благоприятного социального климата. У этих компаний есть специальные трехсторонние соглашения (с региональными органами власти и общественными организациями коренных народов), работает разветвлённая сеть координаторов. В ходе полевого исследования деятельности этих компаний у меня сложилось представление, что их основное отличие заключается в том, что у Сахалин Энерджи есть «План содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалина», который представляет собой четкий документ с прописанными механизмами организации и контроля. Причем важно подчеркнуть, что распределение финансовых средств осуществляется исключительно представителями аборигенного сообщества. Главное значение Плана содействия заключается в том, что он направлен на устойчивое развитие коренных народов Сахалина и способствует формированию социального капитала.

Сейчас уже идет третий этап выполнения Плана содействия. В 2016-2020 гг. задачами его стали: Развитие потенциала (совершенствование лидерских качеств и технических навыков, поддержка стремления к дальнейшему развитию этнического самосознания); Социально-экономическое и культурное развитие (культурное возрождение, экономическая устойчивость предприятий, осуществляющих традиционное хозяйствование, улучшение социальных условий рассматриваются как целевые направления поддержки. Сделан акцент на долговременное стратегическое планирование с концепцией устойчивого развития в качестве ориентира); Подготовка к созданию независимого фонда развития коренных малочисленных народов; Раскрытие информации о воздействии проекта «Сахалин-2» на окружающую среду (обеспечение своевременного, объективного и полного информирования о существующем и или

потенциальном воздействии и о мерах, принимаемых для предотвращения и или минимизации любого возможного негативного воздействия). С 2006 года было реализовано более 650 проектов в сфере поддержки традиционной экономической деятельности и социального развития, предложенных представителями коренных народов и их организациями и утверждённых к финансированию самими аборигенами. К положительным сторонам Плана относятся его продолжительность и прозрачность.

При сравнительном анализе политик промышленных компаний в отношении коренных народов в Российской Федерации План содействия выгодно отличается своей направленностью на развитие этих народов. Это проекты на покупку техники, обустройство стойбищ и промысловых участков. План содействия как политика взаимодействия коренных народов и промышленной компании нуждается сегодня не только в поощрении, но и совершенствовании. О.А. Базалеевым, длительное время работавшим в компании Сахалин Энерджи, проведен интересный анализ социального капитала как фактора осуществления социально-экономических программ. Роль концепции социального капитала особенно важна для анализа эффективности проектов развития, так как актуализирует такой ресурс, как взаимосвязи между людьми, общественными структурами и «позволяет избежать одностороннего восприятия аборигенных сообществ через призму дефицитности ресурсов». Но необходимо учитывать, что социальный капитал оказывает амбивалентное влияние, такие его издержки, как этноцентризм или клановость могут стать препятствием на пути развития коренных народов (Базалеев 2012). Действие Плана содействия распространяется на все коренные народы острова, независимо от места их проживания. В этих случаях не только смягчаются противоречия, но и создаются реальные предпосылки для повышения уровня и качества жизни местного населения.

В целом же важным положительным фактором является широкая сфера деятельности международных компаний на Сахалине, направленной на все местное население области. Не случайно в законах, непосредственно посвященных коренным малочисленным народам, указывается, что действие их распространяется и

на некоренное местное население, ведущее схожий образ жизни. План содействия, конечно, не может решить все проблемы, которые существуют внутри аборигенного сообщества, но безусловным его плюсом является то, что аборигены приобретают не только финансовую поддержку своих проектов, но и опыт управления и другие навыки, необходимые в современных условиях. К сожалению, в последние годы Сахалин Энерджи изменила принципу, провозглашенному в начале своей работы об обеспечении занятости коренного населения. А Эксон Нефтегаз довольно успешна в этом направлении, причем нужно отметить, что координаторы по работе с коренными народами тщательно отбирают кандидатов и следят за их работой в компании, в случае необходимости оказывая помощь (ПМА 2019).

Проведенный анализ в трех регионах Севера показывает, что органы государственной власти именно на федеральном уровне должны принять такие правовые документы, которые обеспечили бы минимальные требования к деятельности компаний, что будет соответствовать международным документам, в первую очередь «Руководящим принципам развития бизнеса в аспекте прав человека ООН», сочетающие обязанности государства и бизнеса по соблюдению прав коренных народов.

Кто и как проводит политики компаний в жизнь

В последние годы политики некоторых компаний меняются, они начинают больше задумываться о корпоративной социальной ответственности, принятии специальных регламентов в отношении коренных народов. Политики компаний в отношении коренных народов в значительной степени зависят от общей правовой и политической ситуации в стране. Сегодня часто интересы коренных народов и местного населения оказываются второстепенными в вопросах принятия решений о приоритетах развития территорий, не просчитывается социальная ценность промышленного развития как совокупность всех эффектов от освоения ресурсов (Крюков 2015). Очень важным является предварительное свободное осознанное согласие коренных народов на принятие решений и гарантиро-

ванное законом право сказать «нет». Вместе с тем, опыт полевых исследований показывает, что на практике и политики компаний, и положение коренных народов в районах промышленного освоения различны и зависят от многих обстоятельств.

Важным индикатором является образование и профессиональная компетентность сотрудников, отвечающих за работу с коренными народами. При проведении полевого исследования в российских и международных компаниях бросается в глаза различный подход к подбору кадров при создании отделов по работе с коренными народами и местным населением. В середине 1990-х годов, когда я начинала свою работу, такой отдел в Когалыме (ЛУКОЙЛ–Западная Сибирь) назывался «По коррозии труб и работе с коренными народами». В 1990-е годы компании поручали эту работу инженерам, у которых помощниками были аборигены. Ни те, ни другие не имели специального образования. И сегодня в российских компаниях в этой сфере работают люди без специального образования, их деятельность направлена на то, чтобы, как они считают, помогать аборигенам. В международных компаниях такие отделы строят свою активность в соответствии с международными принципами и направлены на развитие коренных народов. В них обычно работают профессионалы, имеющие гуманитарное образование. О важности компетенций сотрудников промышленных компаний, отвечающих за работу с коренными народами, свидетельствует, например, обсуждение этого вопроса на международной конференции «Нефть и газ Сахалина» 2019 г. (ЛМА 2019).

Если сравнивать ситуацию в течении последних 30 лет, то можно заметить безусловный прогресс в отношениях между коренными народами и промышленными компаниями. Одним из показателей этого могут считаться регламенты для работников компаний. Появились ограничения по занятиям охотой, рыболовством, сбору дикоросов, содержанию собак, оружия и т.п. Эти правила довольно просто выполнять и потому компании, используя административный ресурс и штрафные санкции, легко могут регулировать эти вопросы. Такие регламенты обычно фиксируют накопившийся, часто негативный опыт и служат в первую очередь предупреждению конфликтов. Пока они мало способствуют развитию партнерства.

Регламенты могут стать и предметом широкого обсуждения. Так, например, в ХМАО после очередной конференции «Коренные народы. Нефть. Закон» 2015 г., уже в мае 2016 г. были приняты этические рекомендации для работников промышленных компаний и аборигенов при работе на территориях традиционного природопользования. Важной их чертой является взаимность требований. На основании подобных документов вырабатываются политики компаний, они учитываются при выработке регламентов для работников. Муниципальные органы власти стараются также учесть особенности работы компаний в Арктике в принимаемых ими документах по организации общественных слушаний (ЯНАО). Безусловно все эти документы, как и законы, защищающие права коренных народов, появились под влиянием их борьбы.

Сложнее обстоят дело с ежедневной работой. Сравнение международных и российских компаний показывает, что важно специальное образование таких работников, их обучение и переобучение, постоянное повышение их квалификации, что мы видим, например, в Эксон Нефтегаз. Другой успешной практикой является мониторинг (этносоциологический) проводимый Сахалин Энерджи. Российские компании, например, Лукойл – Западная Сибирь и Сургутнефтегаз работают скорее по-старому, опираясь чаще всего на инженеров или аборигенов, мало задумываясь о их квалификации.

Важнейшим индикатором успешности выработки и действия таких регламентов являются их легитимация, открытость и обеспечение механизмов обратной связи. На практике мы сталкиваемся с тем, что часто не только аборигены и простые работники о них не знают, но даже те сотрудники, которые отвечают за работу с коренными. Получение таких документов также не обходится без казусов, иногда их объявляют закрытыми для общественного ознакомления. Четкая процедура жалоб прописана лишь в компании «Сахалин Энерджи»⁹, в других же часто есть только самые общие номера телефонов, по которым аборигенам предлагается звонить в случае возникновения проблем. Да и текст регламентов часто ограничивается минимальными ограничениями и заявлениями об уважении культуры коренных народов (*Адаев и др.* 2019).

Эффективность политик компаний зависит и от того, как корпоративная социальная ответственность воспринимается ее работниками. Это проявляется и в их недовольстве выплатами коренным, и стремлении не афишировать некоторые свои достижения, подписание и принятие документов, чтобы коренные не могли на это ссылаться, выдвигая новые требования. Интересные материалы были собраны в ходе изучения мнения менеджеров нефтегазовых компаний, обучающихся по программе MBA (Master of Business Administration). В первые пять позиций попали политики, направленные на развитие потенциала компаний, создание рабочих мест и развитие спорта. Интересы коренного и местного населения как часть КСО набрали гораздо меньше баллов. Авторы этого исследования делают вывод о том, что восприятие КСО российскими нефтяниками представляет собой «довольно пеструю смесь советского наследия, воспоминаний о бурных 90-х, сегодняшних реалий и западных подходов, которые были сравнительно недавно привнесены в Россию» (Пусенкова, Никитина 2016: 28).

Как аборигены воспринимают компенсации от промышленных компаний?

Получение компенсации от ущерба, наносимого промышленными компаниями, является правом коренных народов с 1999 г., когда соответствующая статья появилась в Федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ». Почему же так сложно этот вопрос решается на практике? На мой взгляд, есть несколько факторов, ограничивающих это право аборигенов. Во-первых, оно не корреспондирует с обязанностями компаний, не определено в законе о недрах. Во-вторых, оно должно строиться на провозглашенном в международных документах праве свободного, предварительного и осознанного согласия коренных народов на принятие решений, затрагивающих их интересы. Компании должны понимать, что компенсации – это одно из условий получения согласия коренных народов. Опыт полевых исследований показывает, что для справедливого достижения права на свободное, предварительное и осознанное согласие должно быть обеспечено пред-

ставительство коренных малочисленных народов при проведении консультаций и общественных слушаний, а также обеспечено индивидуальное право несогласных с решением на отстаивание своих прав в суде, проведении дополнительных экспертиз и т.п.

А для того, чтобы коренные малочисленные народы могли принимать решение, очень важен материальный потенциал – они должны иметь не только право контроля над использованием ресурсов, но и право приоритетного доступа к ним, в первую очередь к рыболовным и охотничьим угодьям, оленьим пастбищам, которые составляют основу их жизнеобеспечения. Важно, чтобы бюджеты их домохозяйств строились не только на государственной поддержке и компенсациях промышленных компаний, но и на гарантированных им возможностях свободно распоряжаться природными богатствами. Только в этом случае коренные народы смогут свободно решать вопросы о возможности использования территорий, на которых они проживают для целей, не связанных с традиционным природопользованием.

Сегодня в Российской Федерации сохраняется две линии обеспечения компенсаций, убытков за причинный ущерб коренным народам. Оговорюсь, что компенсации не могут служить панацеей от всех недостатков промышленного освоения, но могут смягчить, минимизировать последствия наносимого ущерба. В первую очередь – это финансовые выплаты – по соглашениям или на основании различных методик расчёта. Результатом является получение денег, иногда других материальных ценностей. Эта практика в самом ярком проявлении представлена в ХМАО (из изучаемых мною регионов). В начале 1990-х она была пионерной, прорывной для нашей страны. К сожалению, как часто бывает, с течением времени выхолащивалось ее позитивное значение, соглашения были бюрократизированы, но не для расширения возможностей и совершенствования, а для более формального определения условий. Эти соглашения очень быстро перестали быть ограничением для деятельности компаний. Коренные жители попали в сложную ситуацию. Они финансово зависят от этих компенсаций, так как сокращаются из возможности заниматься хозяйством. На выделенных территориях традиционного природопользования появляются все

новые и новые промышленные объекты. Иногда аборигенам приходится становиться вахтовиками, работать в компаниях, правда, в непосредственной близости от своих угодий. Такое соседство конечно сокращает возможности для традиционного природопользования. Причем нужно отметить, что система часто не устраивает и тех, и других. В ней много ситуативного, зависящего от личных отношений, а не от права и справедливости (Тулаева, Тысячнюк 2017: 72). Существует опасность того, что разрабатываемая методика расчета убытков мало что изменит. Сейчас работа по созданию новой методики ведется в Правительстве.¹⁰

Другая линия определяется грамотной социально-экологической политикой компаний, направленной на устойчивое развитие коренных народов. В России сегодня она представлена Планом содействия развитию коренных народов Сахалина (с учетом необходимости его совершенствования). В нем также есть деньги, но есть и взаимное понимание того, что «удочка важнее полученной рыбы». Важно отметить также возникающие новые возможности для развития бизнеса коренных народов. В рамках Плана содействия выделяются гранты и микрокредиты для закупки техники, транспорта, устройства пунктов переработки продукции. Выделяемые средства расходуются также на приобретение автономных энергоустановок, информационно-коммуникативных технологий, электроприборов, которые могут применяться для коммерческой деятельности.

Что же происходит в районах промышленного освоения в результате финансовых вливаний со стороны крупного бизнеса? Как меняется при этом жизнь коренных народов? Насколько они удовлетворены происходящими изменениями? Часто представители коренных народов указывают на то, что для них важны отношения, партнерское взаимодействие, которые не могут быть достигнуты только выплатой компенсаций (*Indigenous Peoples...2009: 334*). На Российском Севере также многие коренные высказываются в первую очередь за сохранение окружающей среды и необходимость сохранения доступных возобновляемых ресурсов, в первую очередь земли, и возможности самим обеспечивать свои семьи.

Для того, чтобы определить, как может измениться жизнь коренных народов в результате промышленного развития, проводят-

ся этнологические экспертизы (Адаев и др. 2019), мониторинговые исследования.¹¹ В 2018–2019 гг. вопросы о целесообразности проведения этнологических экспертиз широко обсуждаются на страницах журнала «Этнографическое обозрение» (Функ 2018 и др.), но роль экспертизы в складывании политик распределения выгод еще недостаточно оценена. К сожалению, даже при наличии закона в Республике Саха (Якутия) экспертизы пока становятся чаще всего лишь основанием для расчётов компенсаций, но это уже тема другого исследования.

Интересные результаты были получены и в ходе проведения семинаров в Булунском улусе Республики Саха (Якутия) в 2018 году, особенно тренинг – семинара «Что ждут коренные народы от этнологической экспертизы и как этого достичь?». На нем использовалась методика «Колесо баланса». Она применяется чаще всего для личного совершенствования. В нашем случае психолог-коуч Т.Ф. Мартынова применила ее для работы с группами. Во время ролевой игры как обычно все участники были поделены на «аборигенов», «промышленников», «местное население и НКО», «органы государственной власти и местного самоуправления», причем мы старались, чтобы участники семинара выбирали противоположные своему статусу роли. По сравнению с обычным «колесом», включающим важные для каждого человека сегменты: семья, здоровья, финансы и т.д., были включены разделы, характеризующие традиционную культуру, язык, экологию, как наиболее актуальные для коренных народов. Участники должны были представить свою удовлетворенность в баллах от 1 до 10, поэтому сегменты принимали разную форму, колесо не получалось, а значит «оно не покатится по жизни». Эта методика показала хорошие результаты, люди задумывались о том, как надо строить отношения с компаниями, что они ждут от этнологической экспертизы, прозвучали очень важные выводы о том, что занятость важнее компенсаций. Нужно отметить, что такая позиция участников семинара складывалась в ходе его проведения, сначала почти все говорили о том, что компания должна им все построить, сделать, дать деньги. Второй важный момент семинара связан с приобретением опыта общения на равных по-партнерски с компаниями и органами власти. Это особенно актуально в совре-

менных условиях для регионов Российского Севера, где промышленники и аборигены становятся соседями, не только работают, но и живут бок о бок.

Возможности правового регулирования корпоративной социальной ответственности

Опыт изучения правового регулирования взаимодействия коренных народов и промышленных компаний показывает его недостаточность для установления справедливых отношений партнерства и со управления. Сегодня создается новая площадка для решения данной проблемы – законопроект о публичной нефинансовой отчетности и план его выполнения. В мае 2017 года Правительство утвердило Концепцию публичной нефинансовой отчетности, был подготовлен соответствующий законопроект и создана межведомственная группа по разработке перечня ключевых показателей нефинансовой отчетности (*Концепция...* 2017). Экспертный совет Комитета национальностей начал переговоры о возможном учете интересов коренных малочисленных народов в этом процессе.

Отчеты о нефинансовой отчетности и корпоративной социальной ответственности до недавнего прошлого воспринимались как добровольная деятельность компаний. Однако опыт исследований показывает недостатки этих политик: их непрозрачность, нацеленность на узкую группу, отчеты об устойчивом развитии охватывают далеко не все компании, работающие на Севере и в Арктике. Барьером становится и пассивность граждан (Кожаринов и др. 2014). В отношении коренных народов она может объясняться низким уровнем жизни, отсутствием материальных ресурсов, и как следствие, большей зависимостью от финансовой поддержки промышленных компаний, что особенно чувствуется в ХМАО (*Новикова* 2014).

В своих социальных политиках большинство нефтяных и газовых компаний ориентируются на международные стандарты и адаптированные к ним российские. Не случайно новые возможности для включения интересов коренных народов в повестку дня появились именно летом 2018. С 1 июля «GRI 411 – Коренные народы (Global Reporting Initiative)» вступил в силу. Выработка формальных

критериев нефинансовой отчетности в России в современных условиях представляет интерес для всех. Крупные компании заинтересованы в повышении своей инвестиционной привлекательности, коренные народы хотят, чтобы их голос был наконец услышан. Компании заинтересованы в получении обратной связи в регионах своей деятельности, коренные народы хотят знать, что их ждет во время и после выполнения промышленных проектов. В отношении коренных народов политикам компаний не хватает прозрачности и партнерства. Некоторые из них вкладывают большие средства, но не видят отдачи в обществе.

Согласно стандарту GRI 411 в нефинансовой отчетности компании должны выявить случаи зафиксированных нарушений прав лиц, относящихся к коренным народам. К сожалению, в России не учтены разъяснения этого документа. В международной практике он включен в систему защиты прав коренных народов. В России пока побеждает формальный подход учета требований стандарта. В российский вариант перечня индикаторов нефинансовой отчетности прошли два – количество зафиксированных случаев нарушений прав коренных малочисленных народов и количество внутренних корпоративных документов в компании о политике в отношении этих народов. От имени экспертного совета Комитета национальностей была предложена более развернутая характеристика этих показателей с указанием на необходимость учета процедуры жалоб. Также было предложено внести дополнение в индекс «характеристика и обучение персонала» по занятости представителей коренных народов, включая программы подготовки и переподготовки (ПМА 2018 г. Министерство регионального развития, г. Москва). Как первый шаг принятые положения могут оцениваться положительно. Сейчас документ проходит согласование.

Заключение

Взаимодействие коренных народов Севера и промышленных компаний безусловно сложная и трудно разрешимая проблема. Остроту ей прибавляет непосредственное соседство столь различных акторов. Изменение климата, сокращение возобновляемых ре-

сурсов, необходимость повышения уровня и качества жизни населения в районах промышленного освоения диктуют более четкую позицию государства и гражданского общества. Корпоративные политики компаний становятся перспективным полем для диалога, проведенные исследования показывают, что их эффективность зависит от четких адресных программ, квалификации сотрудников, которые проводят их в жизнь. В современных условиях необходимо сочетание международных и российских стандартов, национального законодательства и корпоративных регламентирующих документов. Очевидно, что сами коренные народы и их организации играют существенную роль. Для осознания ими недостаточности финансовых компенсаций для устойчивого развития необходимо более активное знакомство с международным опытом, правовое образование, развитие социального капитала. Распределение выгод от добычи нефти и газа это длительный процесс. Для его успешности необходимы выполнение взаимных обязательств всеми стейкхолдерами. Прикладные антропологические исследования показывают, что справедливые, соответствующие реальным потерям, компенсации коренным народам со стороны компаний должны сочетаться с их ответственной социальной политикой и следованием высоким международным стандартам развития бизнеса и прав человека.

Примечания

- ¹ В данной работе термины коренные народы, коренные малочисленные народы, аборигены используются как синонимы.
- ² Занимал эту должность в 2008–2014 гг.
- ³ Scientific Research Licence # 14079N, Fale #12410684 Aurora Research Institute – Eurora College.
- ⁴ ФЗ «О недрах» (в редакции 1995 г.) ст. 42 «При пользовании недрами в районах проживания коренных малочисленных народов и этнических групп часть платежей, поступающих в бюджеты субъектов Российской Федерации, используется для социально-экономического развития этих народов и групп».
- ⁵ <http://www.sakhalinenergy.ru/ru/company/psa/>

- ⁶ <https://www.sakhalin-1.com/ru-RU/Company/Who-we-are/Project-history>
- ⁷ Сведения получены в ходе экспертной работы в Совете по правам человека при Президенте Российской Федерации, 2019 г.
- ⁸ <https://news.myseldon.com/ru/news/index/209274612> Дата обращения 23.11.2019 г.
- ⁹ <http://www.simdp.ru> Дата обращения 23.11.2019 г.
- ¹⁰ <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/332762-7> Дата обращения 23.11.2019 г.
- ¹¹ <http://www.simdp.ru/?id=18&pid=13> Дата обращения 23.11.2019 г.

Источники и литература

ПМА – Полевые материалы автора.

Arctic Human Development Report. Akureyri: Stefansson Arctic Institute, 2004.

GRI 411: Rights of indigenous peoples 2016 // <https://www.globalreporting.org/standards/gri-standards-download-center/gri-411-rights-of-indigenous-peoples-2016>

Indigenous Peoples, Consent and Benefit Sharing: Lessons from the San-Hoodia Case. Rachel Wynberg, Doris Schroeder, Roger Chennells (Editors). Springer Dordrecht Heidelberg London New York, 2009.

Novikova N. Who is responsible for the Russian Arctic? Co-operation between indigenous peoples and industrial companies in the context of legal pluralism / *Energy Research & Social Science*, 2016, № 16, p. 98–110.

Nuttall M. Pipeline Dreams: People, Environment and the Arctic Energy Frontier. Copenhagen, 2010.

Report of the Special Rapporteur on the situation of human rights and fundamental freedoms of indigenous people, James Anaya. Addendum Situation of indigenous peoples in the Russian Federation, 2010. <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G10/147/79/PDF/G1014779.pdf?OpenElement> Дата обращения 23.11.2019 г.

Tysiachniouk M., Petrov A. Benefit sharing in the Arctic energy sector: Perspectives on corporate policies and practices in Northern Russia

and Alaska// Energy Research & Social Science, volume 39, May 2018, pp.29-34.

Wilson E. What is Benefit Sharing? Respecting Indigenous Rights and Addressing Inequities in Arctic Resource Projects // Resources 2019, 8, 74. <https://www.mdpi.com/journal/resources> Дата обращения 24.11.2019 г.

Адаев В.Н., Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Качество жизни в контексте этнологической экспертизы в Арктике. Тазовский район ЯНАО. М.-СПб, Нестор – История, 2019.

Базалеев О.А. Проблемы ликвидности социального капитала в программах развития коренных малочисленных народов Севера Сахалина// Этнографическое обозрение, 2012, № 1.с. 121-132.

Гириц К. Интерпретация культур. М.: Норма, 2004.

Инголд Т. Предисловие // Барнард А. Социальная антропология: Исследуя социальную жизнь людей. М.: ИЭА РАН, 2009. С.10-15.

Казанцев Ю.В., Завьялова И.В., Казанцева Л.Н., Пьянков Ю.В. Опыт применения методики исчисления убытков, причиненных объединениям коренных малочисленных народов Севера, Сибири (приказ Минрегиона РФ от 09.12.2009 г. N 565) в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре <https://depprirod.admhmao.ru/meropriyatiya/nauchno-prakticheskaya-konferentsiya-korennye-narody-okruzhayushchaya-sreda-neft-zakon/doklady-korennye-narody-okruzhayushchaya-sreda-neft-zakon/2289486/yu-v-pyankov-opyt-primeneniya-metodiki-ischisleniya-ubytkov-prichinennykh-obedineniyam-korennykh-ma> Дата обращения 09.03.2019 г.

Кожаринов А.В., Неретина А.Д., Елесина М.В., Мурар В.И. Перспективы развития нефинансовой отчетности в России // Интернет-журнал «Наукоедение», вып. 5 (24), 2014// <https://naukovedenie.ru/PDF/122EVN514.pdf> Дата обращения 9.03.2019 г.

Концепция публичной нефинансовой отчетности, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 5 мая 2017 г. № 876-р. <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71573686> Дата обращения 13.03.2019 г.

- Крылов А.* Проблема развития горного дела на Советском Севере // Северная Азия, 1925, Кн. 5-6, с. 20.
- Крюков В.А.* Арктика – каким приоритетам отдать предпочтение? // Научно-технические проблемы освоения Арктики. М.: Наука, 2015, с. 335–349.
- Кряжков В.А.* Правовое регулирование отношений между коренными малочисленными народами и недропользователями в Российской Федерации // Государство и право, 2014, № 7, с. 27–39.
- Мартынова Е.П., Новикова Н.И.* Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения. М., ИП А.Г. Яковлев, 2012.
- Миськова Е.В.* Левиафан: дискурсивная зависимость от нефти. От ресурса к метонимии и обратно // Сибирские исторические исследования, 2016. №4. С. 83–107.
- Новикова Н.И.* Нефть, газ, коренные народы: кто напишет правила? // Вестник урведования, № 3 (26) 2016, С. 124–137.
- Новикова Н.И.* Охотники и нефтяники. Исследование по юридической антропологии. М.: Наука, 2014, 400 с.
- Новикова Н.И., Уилсон Э.* Корпоративная социальная ответственность: трансформация понятия на западе и значимость для коренных народов России // Уральский исторический вестник, 2015, № 2, С. 108–117.
- Поддубиков В.В., Арцемович С.А., Функ Д.А.* «Ресурсное проклятие» с антрацитовым отблеском: коренные народы и добывающие компании Кузбасса в ситуации конфликта // Сибирские исторические исследования, 2018. № 2. С. 142–163.
- Пусенкова Н., Никитина Е.* Корпоративная социальная ответственность в российской нефтянке: доступная роскошь или жизненная необходимость // Корпоративная социальная ответственность (CSR) и арктическая нефтегазодобыча: опыт России и Норвегии. NUPI Report [Report no.5, 2016]. Norwegian Institute of International Affairs, 2016, С. 21–28.
- Приказ Минрегиона РФ от 09.12.2009 N 565 «Об утверждении методики исчисления размера убытков, причиненных объединениям коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в результате хозяйственной и иной деятельности организаций всех форм собственности и

- физических лиц в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96747/ Дата обращения 24.11.2019 г.
- Российский бизнес и Цели устойчивого развития. Сборник корпоративных практик. / Е. Н. Феоктистова, Г. А. Копылова, М. Н. Озерянская, М. В. Москвина, Н. И. Хофманн, Д. Р. Пуртова — РСПП, Москва, 2018. 200 с.
- Руководство по социальной ответственности ИСО 26000 – 2012 // <http://docs.cntd.ru/document/gost-r-iso-26000-2012> Дата обращения 13.03.2019 г.
- Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: осуществление рамок ООН, касающихся «защиты, соблюдения и средств правовой защиты http://www.ohchr.org/Documents/Publications/GuidingPrinciplesBusinessHR_RU.pdf Дата обращения 13.03.2019 г.
- Рулан Н. Юридическая антропология. М.: Норма, 1999.
- Тулаева С.А., Тысячнюк М.С. Между нефтью и оленями. О распределении благ между нефтяниками и коренными народами в российской Арктике и Субарктике // Экономическая социология, т. 18, № 3, 2017, с. 70–96.
- Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/> Дата обращения 13.03.2019 г.
- Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О недрах» от 3.03.1995 // Статус малочисленных народов России: Правовые акты/ Сост. В.А. Кряжков. М., Издание Тихомирова М.Ю., 1999, с. 92.
- Федеральный закон «О соглашениях о разделе продукции» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8816 Дата обращения 13.03.2019 г.
- Функ Д.А. «Этнологическая экспертиза»: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов // Этнографическое обозрение, 2018. №6. С. 66–79.

Часть II

**Социальная экспертиза:
в поисках оптимальных
подходов**

Глава 7

«ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА»: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРОЕКТОВ

Дмитрий Анатольевич Функ¹

В Российской Федерации сначала в научной литературе, а затем и в некоторых законодательных актах и – особенно активно – в правозащитной риторике на местах использовался и используется термин «этнологическая экспертиза»¹ (далее – ЭЭ). Соответствующий запрос в Яндексе выдает миллионы результатов, включая фотографии из разных мест Севера и Сибири, на которых запечатлены доведенные до отчаяния группы местного населения с плакатами типа «Требуем проведения этнологической экспертизы!» в руках. Что же это за экспертиза, которую многие воспринимают, очевидно, как ключ к решению если и не всех, то значительной части социально-экономических и не только проблем?

Дискуссия о статусе ЭЭ и ее проведении в рамках различных промышленных проектов, о ее сути и методике, о ее границах (например, о расширении до «социальной» и до оценки социального воздействия не только промышленных проектов, но любых управленческих решений) длительное время продолжается не только в научных кругах, но и в государственно-правовом пространстве. Очевидно, что в стране реализуется целый ряд прикладных проектов (о них речь пойдет ниже), имеющих как общее название «этнологическая экспертиза», так и значительное количество общих черт и – забегая вперед, я бы сказал – общих проблем. Вместе с тем очевидно и то, что за последние четверть века накопился богатый опыт изучения мировой практики реализации различных проектов

развития, предусматривающих разные формы оценки и экспертизы, были изданы учебники и учебные пособия (см., напр.: Goldman 2000; Becker, Vanclay 2013 и др.)² – все это уже просто невозможно не замечать. Перед тем, как решить, в каком направлении двигаться дальше, думается, есть смысл попытаться понять, а где же мы находимся, в нашем случае – попытаться выявить суть современного понимания ЭЭ в России.

Нельзя сказать, что такого рода попытки ранее не предпринимались. Как пример, можно привести обзорную статью О.А. Мурашко, в которой был изложен взгляд на место ЭЭ в ряду общеизвестных экспертных оценок и сделано заключение о наличии специфического российского северного контекста, который, по мнению автора, выделяет этнологическую экспертизу из международных процедур, известных под названиями «оценка социального воздействия» (*social impact assessment – SIA*) и «оценка воздействия на экологию» (*ecological impact assessment – EIA*) (Murashko 2006: 78). Сообразно с этим в статье была представлена общая информация о народах Севера, о правах индигенных народов на землю, о термине «этнологическая экспертиза» в российском законодательстве, об отношении основных стейкхолдеров к необходимости ее осуществления, позитивный – опять же с точки зрения О.А. Мурашко – пример проведения ЭЭ в Ямало-Ненецком автономном округе и, наконец, авторское понимание основных ее компонентов. Краткие обзоры, скорее – упоминания об уже проведенных экспертизах такого рода, можно найти в каждой новой публикации результатов очередной, обозначаемой ее авторами как «этнологическая», экспертизы (см., напр.: Садовой 2005; 2008; Звиденная, Новикова 2010; Мартынова, Новикова 2012; Головнев и др. 2014).

Попыток типологизации имеющихся подходов, не говоря уже о проведении сравнительного анализа на фоне имеющегося зарубежного опыта, в российской литературе практически нет. В 2009 г. В.Н. Адаев предложил выделять три формы (или варианта) ЭЭ: а) как самостоятельное исследование; б) в рамках экологической экспертизы; в) в рамках историко-культурной экспертизы; представлению третьего варианта, собственно, и была посвящена его статья (Адаев 2009: 38). В своей работе 2016 г. я попытался выделить основные

позитивные моменты российских этнологических экспертиз и показать методологическую и методическую слабость существующих подходов на фоне зарубежных практик и теоретических работ в области прикладной антропологии (*Funk* 2016: 345–368). Независимо от моей публикации Е.Н. Данилова проанализировала несколько этнологических экспертиз, предложив выделять социологический, этноэкологический, феноменологический, правовой и системный подходы в проводимых сейчас в России ЭЭ (*Данилова* 2018: 127–134). На мой взгляд, поиск теоретической подоплеки в ситуации местного этноэкспертного теоретического штиля не имеет особого смысла, поскольку все такого рода экспертизы – при их очевидной нацеленности на принесение пользы местным индигенным сообществам во что бы то ни стало – выполняются вне контекста мировой прикладной антропологии и с опорой на концепты этноса, традиционности (традиционной культуры), исконности и ряд иных, не имеющих особой познавательной и эвристической ценности. Собственно говоря, последними соображениями и определяются задачи и структура главы. Сначала я представлю и кратко охарактеризую основные определения и виды этнологических экспертиз в России. После этого более подробно рассмотрю содержание отдельных примеров такого рода экспертных работ. И, в заключение, после выявления основных характеристик российской экспертной практики будут обрисованы возможные перспективы ее развития.

Этнологическая экспертиза: определения и законодательство

Однозначно и кратко охарактеризовать ситуацию с этнологической экспертизой в России невозможно. Это связано как с разными подходами к ее определению, к ее фокусу и методике, так и с законодательным неурегулированием практик ее проведения.

Определений ЭЭ существует довольно много, но большая часть их ориентирована исключительно на защиту среды обитания и культур коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС; об истории термина и списке КМНС подробно см.: *Funk* 2009: 315–329), и практически все они – так или иначе – без каких-либо обосно-

ваний выдвигают на первый план именно этническую компоненту экспертных работ в оценке тех или иных конфликтных ситуаций.

Одно из самых известных и часто цитируемых определений ЭЭ дано в Федеральном законе РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (ФЗ от 30.04.1999 № 82-ФЗ, ст. 1, п. 6), согласно ему, «этнологическая экспертиза – научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса». В русле использованной в данном законе наивно-аналитической терминологии («исконная среда обитания», «развитие этноса»), с ориентацией исключительно на малочисленные народы рождались и все последующие официальные определения.

По этому пути в конце 1990-х годов пошли, в частности, разработчики проекта федерального закона об ЭЭ, которые видели ее задачу в «установлении соответствия проектов хозяйственной и иной деятельности условиям сохранения и развития этнокультурной среды населения», а под «государственной этнологической экспертизой» понимали «стандартизированную оценку вероятных этносоциальных последствий намечаемой крупномасштабной хозяйственной деятельности и значительных управленческих решений (проектов)». Конечная цель экспертизы, по мнению разработчиков закона, должна была состоять в защите региональной общности населения, этнических групп и этнокультурной среды (самобытного образа жизни) от непродуманного социального управления (архив автора).

Близким по своей сути оказалось и определение начала 2000-х годов, предложенное общественным движением «Ассоциация ненецкого народа “Ясавэй”» в своем проекте закона:

...определение допустимости реализации объекта экологической экспертизы в целях предупреждения возможных неблагоприятных воздействий намечаемой хозяйственной и иной деятельности на исконную среду обитания, традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера и связанных с ними социальных, экономических и иных последствий реализации объекта экологической экспертизы (Защита 2004: 22).

Здесь, как видно, проведение ЭЭ напрямую увязано с оценкой экологического воздействия проектов. Экологические экспертизы являются одним из самых действенных инструментов защиты населения от не всегда хорошо продуманной и спланированной промышленной деятельности. Методика их проведения отработывается вот уже не одно десятилетие, и потому попытка привязать «этнологическую экспертизу» именно к работе экологов – а их деятельность регулируется федеральным законодательством (ФЗ «Об экологической экспертизе» № 174-ФЗ от 23.11.1995), и проведение экологических экспертиз является не просто нормой, но обязательным условием получения разрешения на ведение промышленной деятельности – выделась в то время одним из наиболее простых путей легитимации ЭЭ. Впрочем, уже в 2000 г. ситуация изменилась. С принятием «Положения об оценке воздействия намечаемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в Российской Федерации» (приказ Госкомэкологии РФ № 372 от 16.05.2000), которое установило порядок и методы проведения государственной экологической экспертизы, возможности для оценки воздействия тех или иных проектов на социум в рамках именно экологической экспертизы были сведены к нулю. В этот же период активизировалась деятельность рабочей группы Государственной Думы РФ, которая – в разном составе – до самого недавнего времени безуспешно занималась разработкой проекта федерального закона об ЭЭ.

Ненецкий проект, упомянутый выше, также не был реализован в законе, как, впрочем, и проект № 205-3-1104 «Об этнологической экспертизе в Ямало-Ненецком автономном округе» (Постановлением № 1516 от 24.11.2004 за подписью председателя С.Н. Харючи Государственная дума ЯНАО его отклонила; см: проект № 205-3-1104). Не прошел нулевое чтение в Общественной Палате (Городецкая 2018) и проект Федерального агентства по делам национальностей; в нем составителям удалось уйти от «этнокультурной среды» и «этносоциальных последствий», но оценка хозяйственной деятельности и управленческих решений была сведена лишь к «объектам этнокультурного наследия граждан Российской Федерации» (ст. 1.1), которые (объекты), в свою очередь, были ограничены «нематериальным культурным наследием» (ст. 1.3)³.

Попыток вывести существующие определения за пределы «этнических» интересов, «традиционного образа жизни» или хотя бы за границы оценок исключительно промышленных проектов в постсоветской научной литературе практически не было. Можно отметить, пожалуй, лишь коллективную работу «Методы этноэкологической экспертизы», предложившую существенно отличное понимание ЭЭ: «...это комплекс стандартизированных научных исследований, направленных на оценку возможных этносоциальных последствий управленческой деятельности» (Степанов 1999: 61). Впрочем, здесь также присутствует элемент «этно», значительно ограничивающий сферу экспертных работ, а указание на необходимость экспертирования «управленческой деятельности», верное по сути, сужает перечень объектов экспертизы, поскольку фактически исключает из него собственно бизнес-проекты, которые могут и не быть связанными с управленческой (государственной) деятельностью.

Практика проведения этнологических экспертиз

На сегодняшний день ЭЭ, понимаемая практически во всех случаях в соответствии с определением Федерального закона «О гарантиях прав...» 1999 г., периодически реализуется в том или ином виде в целом ряде субъектов России. Есть (или в недавнем прошлом были) несколько ее разновидностей, за критерии выделения которых мною взяты официальность, самостоятельность и обязательность принятия решений к исполнению.

Во-первых, это ЭЭ в рамках тех или иных законодательно установленных экспертных работ: экологических или историко-культурных – в обоих случаях основные экспертизы проводятся как государственные, а этнологическая составляющая является основой для выработки неких рекомендаций, имеющих или – чаще – не имеющих обязательной силы. К этому же типу «совмещенных» (по терминологии В.Н. Адаева) можно отнести этнологические исследования, которые периодически осуществляются в рамках историко-культурной экспертизы в качестве некоего дополнения, например, к археологическим работам. Даже в том случае, когда, как

следует из опубликованных свидетельств, выводы и рекомендации по результатам этнологических исследований составляли самостоятельный том итогового отчета (Адаев 2009: 39), обязательной силы они, судя по всему, не имели.

Во-вторых, это общественная ЭЭ. Именно такие были проведены на территории ЯНАО, на Дальнем Востоке, отчасти – в Кемеровской области.

В-третьих, самостоятельная, официальная, регулируемая законодательством ЭЭ. Такие экспертизы проводятся в России начиная с 2010 г. Эта практика существует на территории Республики Саха (Якутия) (Закон 537-IV 2010).

При том, что относящиеся к двум последним типам ЭЭ проводятся как самостоятельные, между ними все же существует значительное различие в плане обязательности принятия их решений к исполнению.

Наконец, стоит вспомнить еще об одной оценке воздействия промышленного проекта на социальную сферу, осуществленной в России в самом начале 2000-х годов, опыт которой, к сожалению, так и остался не востребуемым. Я имею в виду второй этап реализации проекта «Сахалин-2».

I. Экспертизы с этнологическим компонентом

I.1. Проект строительства Катунской ГЭС в Горно-Алтайской автономной области (в наст. время – Республика Алтай), включенный изначально в план 12-ой пятилетки (1986–1990), – один из первых в России перестроечного периода, подвергшийся многолетней экологической экспертизе с использованием отдельных элементов этнологической/этноэкологической экспертизы.

Судя по имеющимся публикациям и опросам экспертов, вовлеченных в «антикатунское» движение в 1980-х годах, оценка возможного воздействия строительства на алтайский социум базировалась в основном на логике здравого смысла (Катунский проект 1990: 149–182) и – в условиях отсутствия методик проведения каких бы то ни было социальных экспертиз – не опиралась на специальные исследования возможных социальных последствий. Отсутствие ме-

тодик не помешало появлению в сводном заключении экспертной комиссии от 4 июля 1989 г. такого рода фраз, как:

Долина Катуня является колыбелью цивилизаций десятков народов скифской и тюркской семей народов нашей страны и других стран. В долине Катуня памятники их культуры наслоены друг на друга;

Долина средней Катуня связана с этносом и мироощущением алтайского народа, и поэтому реализация проекта нанесет ущерб его духовной культуре;

Нерешенным остается вопрос о размывании алтайского этноса в связи с развертыванием большого строительства и связанного с этим притоком рабочей силы.

Впрочем, были и абсолютно очевидные утверждения, в частности, применительно к археологическому изучению Горного Алтая. В заключении, например, абсолютно верно указывалось, что «с большой вероятностью в результате строительства Катунской и Чемальской ГЭС будут навсегда утрачены памятники мирового значения»⁴.

О проведении этнологических или этносоциологических исследований в связи с данным проектом имеются весьма неполные данные. В частности, известно об экспертном опросе в г. Горно-Алтайске и райцентрах Шебалино и Усть-Кокса, в котором участвовало 65 чел.: 43 русских и 22 алтайца. Эксперты оценивали (в баллах от 1 до 4 или от 1 до 5) такие проблемы, как степень сохранности элементов традиционной материальной и духовной культуры алтайцев; уровень консолидации алтайских «племен»; перспективы «развития алтайского этноса» и вероятность его ассимиляции русскими в обозримом будущем; влияние предполагаемого притока русскоязычного населения на ассимиляционные процессы; межнациональные отношения в регионе (Катунский проект 1990). Из устных сообщений сотрудников кафедры этнологии МГУ известно, что силами студентов под руководством А.А. Сусоколова в Горно-Алтайске, Шебалино и Усть-Коксе было проведено и этносоциологическое обследование. Коллегам хорошо запомнилось, что после представления запретительного заключения по итогам их работы, почта кафедры

оказалась забита письмами возмущенных жителей автономной области, прежде всего алтайцев, требовавших разрешить строительство ГЭС на их земле.

Этнологическое экспертирование проекта Катунской и Чемальской ГЭС, несмотря на принятое решение о запрете строительства, оказалось одним из наиболее слабых в методологическом и методическом отношении. По сути, здесь может идти речь не об экспертизе, а, как сказано выше, о логике здравого смысла и давлении общественности в условиях экономического спада и нестабильной государственности. Неудивительно, что в ситуации отсутствия серьезных научных исследований и заключений, при резко возросшей в этом субъекте РФ потребности в электричестве в начале 2000-х годов лоббирование проекта строительства ГЭС (в этот раз под названием Алтайской) возобновилось.

1.2. Экспертиза в районе геологоразведочных работ на территории Крузенштернского месторождения на западном берегу п-ва Ямал (июль–август 2013 г.) (Головнев и др. 2014; Funk 2015) – один из самых недавних примеров ЭЭ, подробно отраженный в вышедшей в 2014 г. книге «Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения». В исследовательской части этой книги последовательно представлены контекст проводившейся экспертизы, описание и анализ границ кочевий и специфики организации кочевой культуры ненцев, «голос тундры» (высказывания коренных жителей о грядущем промышленном освоении их земель) и форсайтные размышления авторов. Выполненная работа подкупает обилием свежих полевых материалов и рассказов людей, о чьих проблемах идет речь. К числу безусловных достижений исследования можно отнести и использование сразу нескольких способов фиксации/описания движения оленеводов: GPS-записи перемещений человека в течение дня, карты кочевий (с годовым охватом процесса) и видео/фоторяд действий людей (Головнев и др. 2014: 56). В заключительной главе изложены основные факторы пессимистического (Там же: 99–100) и оптимистического (Там же: 100–102) сценариев и рекомендации по компенсациям (Там же: 102–103, 106–107), во многом базирующиеся на «Декларации сосуществования корен-

ных народов и нефте/газодобывающей промышленности в Ненецком, Ямало-Ненецком автономных округах и других территориях Севера России», выработанной нашими зарубежными коллегами в 2007–2008 гг.

В блок приложений к книге авторы включили общую характеристику исторических источников, краткий рассказ о традициях кочевников и о Ямале, очерк с представлением аналогов этноэкспертизы недавнего времени в России (названы отдельные исследования сотрудников ИЭА РАН) и за рубежом (проект ENSINOR), анализ правовой базы в отношении коренных народов в РФ и ЯНАО, а также весьма подробное описание ситуации с объектами культурного наследия КМНС (Там же: 108–143). Подборку приложений украшают впервые опубликованные уникальные первичные материалы переписи коренного населения Ямала 1926/27 гг. (Там же: 143–223), которые, впрочем, без комментариев и анализа, равно как и без описания логики отношения этого документа к современным проблемам оленеводов, вызванным промышленным освоением тундры, остались не более, чем самостоятельным текстом в тексте книги. Сказанное справедливо для значительной части всех приложений.

К особенностям данной экспертизы можно отнести еще два важных обстоятельства. Во-первых, представленный на суд коллег текст родился случайно: этноэкспертизу не заказывали ни промышленные компании, ни местные администрации, ни общественные организации ненцев. Этнологи были просто приглашены (Там же: 9) экологами, проводившими собственную экспертизу в названном выше районе Ямала. Во-вторых, может быть как следствие первого обстоятельства, этнологи оценивали «возможные последствия геологоразведочных работ без сколько-нибудь ясной картины проектируемого промышленного освоения территории» (Там же: 15). Отсутствие планов строительства «затрудняло экспертизу, вынуждая гадать, с каким масштабом промышленного вторжения придется иметь дело...» (Там же). Законодательная необязательность ЭЭ, ее неофициальный характер привели к невозможности получить искомые документы, что до предела усложнило задачу экспертов. Результатом стала попытка оценить предполагаемые последствия

освоения территории Крузенштернского месторождения «по аналогии», с ориентацией на уже существующие модели промышленного воздействия на ямальскую тундру. Насколько такого рода фортсайтные размышления экспертов имеют основания, сказать сложно.

II. Общественные этнологические экспертизы

II.1. В 2002 г. в Ямало-Ненецком автономном округе (территория Тюменской обл.) была проведена ЭЭ, а ее результаты изданы отдельной брошюрой в Москве под грифом Ассоциации коренных малочисленных народов Севера (*Мурашко 2002*).

Экспертиза проводилась на средства ОАО «Газпром». Заказчиком выступила Ассоциация КМНС ЯНАО «Ямал – потомкам!», которой было предоставлено право подбора экспертов и определены сроки (один месяц) на проведение исследования и подготовку заключения. Из бесед с коллегами известно, что собственно экспедиционное полевое обследование для получения первичных материалов с целью последующего их анализа осуществлялось лишь одним экспертом, выезжавшим в округ примерно на две недели.

В изложении методов ЭЭ (раздел II брошюры) авторы руководствовались коллективной монографией «Методы этноэкологической экспертизы» (*Степанов, 1999*) и внутренним документом Всемирного банка (Операционная политика 4.10).

Направления исследования включали в себя: анализ демографической устойчивости и социально-экономического положения групп коренного населения, проживающих в зоне потенциального воздействия проекта; анализ устойчивости этнокультурной среды этих групп по семи разделам (в пяти из которых речь идет о «традициях»); юридический анализ и экспертное заключение по соблюдению требований действующего законодательства в соответствии с программой работ ОАО «Газпром» в акваториях Обской и Тазовской губ (*Мурашко 2002: 12*).

Текст собственно этнологической части экспертизы оказался весьма неровным по качеству. Так, например, в нем подробно (хотя не очень понятно, для чего) описана традиционная хозяйственная деятельность ненцев, профессионально охарактеризова-

ны отдельные демографические параметры коренного населения (разделы III и IV), но при этом некоторые выводы абсолютно бездоказательны, как это получилось с этнопсихологической оценкой, по сути, выразившейся лишь в заявлении авторов, что «страх перед возможными последствиями от аварийных ситуаций породил уже стрессовую ситуацию среди значительной части коренного населения» (Там же: 66).

Основные положения экспертного заключения были сведены к указанию возможных последствий воздействия проекта на «уклад жизни», исконную среду обитания и традиционный образ жизни коренного населения, а также к предложению начать процедуру приостановки действия лицензии «Газпрома» на срок до 2005 г.: до принятия отдельной программы обеспечения социально-экономических гарантий коренному и местному населению в случае возникновения негативных последствий проведения поисково-разведочных работ (Там же:127).

Завершает экспертизу раздел рекомендаций по подготовке комплексной программы социально-экономической и культурной адаптации коренного и местного населения (Там же: 128–130), в которых, в частности, указано на необходимость сохранения рыболовства, строительства рыбопроизводных предприятий, на подготовку и переподготовку кадров, улучшение образования молодежи, улучшение медицинского обслуживания, на сохранение и пропаганду культурного наследия; а для выполнения названного выше предложено создать «особый целевой фонд».

Практически сразу после публикации результатов этой ЭЭ в литературе были озвучены две полярные ее оценки. Одни считали, что исследование можно считать модельным и достойным подражания (*Murashko* 2006: 86–89), другие – что это пример хорошего историко-социального очерка, но не оценка современной ситуации: нет сравнительного анализа действительной зависимости домохозяйств от разных типов производства/получения продуктов питания, который бы основывался на независимых современных полевых материалах, собранных для целей экспертизы; не прослежена динамика изменений; не обнаруживается методика, которая позволяла бы осуществлять исследования и оценку в дальнейшем (*Roon* 2006: 109).

II.2. Этнологические экспертизы (их было две) в Кемеровской области (Садовой 2005; 2008), как практически все законодательно не оговоренные оценки такого рода, сложно отнести к тому или иному выделенному здесь типу. В Кузбассе ЭЭ проводились не просто при поддержке, но по прямому заказу администрации области⁵. Вместе с тем здесь налицо все признаки общественных ЭЭ, поскольку их результаты являлись не предписанием, а лишь рекомендацией для субъектов конфликтной (проблемной) ситуации. Ниже я кратко прокомментирую лишь одну, первую из этих двух этнологических экспертиз.

В 2004 г. на юге Кемеровской обл. разгорелся конфликт между шахтой «Урегольская» ООО «МетАл» и местной администрацией / общественными представителями шорцев по поводу предполагаемого строительства разрезов в местах исторического и все еще довольно компактного проживания шорцев⁶. Основания для этого конфликта закладывались в предыдущие 30 с лишним лет, со времени сноса первого шорского поселка в этом районе при закладке разреза «Сибиргинский».

Инициатором проведения ЭЭ выступила «рабочая группа по контролю за выполнением решений схода», организованная на общем собрании жителей Чувашенского национального сельского совета и жителей г. Мыски в марте 2004 г. Требование проведения экспертизы было конкретизировано в «Обращении от жителей коренного малочисленного народа шорцев поселков Чувашка, Казасс муниципального образования «г. Мыски» Кемеровской области», которое через пару месяцев после общего собрания было выслано в редакцию журнала «Мир коренных народов», губернатору области, президенту Ассоциации коренных народов Севера, президенту России, председателю Еврокомиссии и президенту Генеральной Ассамблеи ООН.

Цели экспертизы определялись ее заказчиком, департаментом национальной политики и общественных отношений Администрации Кемеровской области, следующим образом:

1. Выявление механизма социального конфликта, его причин и вовлеченных организаций.
2. Оценка сложившейся этносоциальной обстановки. Проверка фактов, изложенных в обращении жителей коренного мало-

численного народа шорцев поселков Чувашка, Казасс муниципального образования г. Мыски Кемеровской области.

3. Поиск путей нейтрализации конфликтной ситуации.

Фактически формулировка целей экспертизы уже сама по себе является достаточным основанием для выражения сомнений в определении ее как «этнологической». В данном случае речь, очевидно, должна была идти лишь об одной из возможных составляющих экспертизы, в которой могли быть задействованы специалисты в области этнической конфликтологии, но в этом проекте они участия не принимали.

Сообразуясь с пониманием сути ЭЭ авторами/участниками этого проекта, в публикации были представлены: хронологический перечень всех документов по данному социальному конфликту с характеристикой позиций сторон (Садовой 2005: 8–66), краткая характеристика демографической ситуации на территории Чувашенской сельской администрации (Там же: 74–89) и, как принято, раздел, посвященный «традиционным» формам и системам жизнеобеспечения (Там же: 91–121)⁷. Отсутствие первичных материалов для доказательной выработки механизма социальной защиты населения вкупе, повторяюсь, с необязательностью выводов этой экспертизы и продолжившимся активным освоением недр региона привели в итоге к резкому обострению социальной ситуации. Оказавшийся в зоне непосредственного промышленного освоения пос. Казас, место компактного проживания шорцев, в 2015 г. был стерт с лица земли. Другой, точнее сказать, последний крупный шорский (а в наст. время – смешанный по составу жителей) пос. Чувашка выглядит наиболее вероятным следующим кандидатом на освобождение стратегически важных для государственного бюджета земель от проживающих на них людях (подр. см.: Поддубиков и др. 2018).

II.3. Инициатором проведения этнологической экспертизы по лесному участку, предоставленному в аренду общине коренных малочисленных народов «Тигр», на территории Пожарского р-на Приморского края (Звиденная, Новикова 2010) стали Амурский филиал Всемирного фонда дикой природы (WWF) и объединения самих местных жителей-удэгейцев (Там же: 9).

Целями исследования являлись: проведение этнологической экспертизы с мониторинговым изучением социально-культурного, социально-демографического состояния групп коренного населения; выявление допустимости (недопустимости) воздействия намеченной деятельности на исконную среду обитания и традиционный образ жизни малочисленных народов; выработка предложений и рекомендаций для оптимизации хозяйственной деятельности (Там же: 10).

Полевой этап работы, в котором приняли участие два исследователя, составил примерно пять недель – с 6 августа по 19 сентября 2009 г. (Там же: 12). Структурно эта экспертиза близка к представленной ранее ямальской, но в целом являет собой образец особого, уже хорошо узнаваемого типа экспертных текстов ООО «Этноконсалтинг» (см. также: *Мартынова, Новикова 2012*), построенных по единому стандарту с неоправданно, на мой взгляд, большим вниманием к описанию некой «традиционной» культуры в виде «традиционного образа жизни», «традиционных экологических знаний» и современных форм «традиционной хозяйственной деятельности». Данная экспертиза не стала исключением. «Традиционная» описательная констатирующая часть книги составляет $\frac{3}{4}$ ее объема. Анализ влияния аренды лесного участка общиной «Тигр» и прогноз дальнейшего развития ситуации уместились на 12 страницах, но не это главное. В разделе оценки, выполненном в жанре неспешного повествования об экологической этике, о ресурсах тайги, об анимистических представлениях удэгейцев и их священных местах⁸, сложно усмотреть не только связь со всем предшествующим текстом «экспертизы», но и какую-либо доказательную базу. Даже если авторы порой указывают на отдельные возможные последствия реализации намечаемого проекта (напр.: «Изменения в традиционном образе жизни будут связаны с интенсификацией собирательской деятельности»; *Звиденная, Новикова 2010: 122*), то в качестве комментариев к таким заключениям приводят все те же рассуждения о традиционности, экологичности и этичности (в данном случае, при сборе дикоросов), присущих всем удэгейцам⁹ (Там же: 123).

Возникающий при чтении книги вопрос о точности прогнозов и рекомендаций в ситуации отсутствия детальных посемейных описаний и анализа современного бюджета всех семей/домохозяйств, попадающих в зону влияния проекта, остается, на мой взгляд, без ответа.

III. Государственные (региональные) этнологические экспертизы

Как сказано выше, пока в Российской Федерации имеется лишь один субъект, чье законодательство в отношении ЭЭ существенно опережает федеральное. Речь идет о Якутии, где принят региональный Закон «Об этнологической экспертизе...» (Закон 537-IV 2010), согласно которому ЭЭ является обязательной, а заказчиком должно выступать юридическое лицо, планирующее осуществлять хозяйственную или иную деятельность в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности народов Севера этого субъекта РФ. В Законе подробно прописаны механизм формирования различных комиссий и этапы проведения экспертизы. Так, экспертная комиссия создается при Правительстве Республики. На основании сводных материалов научного исследования и выводов экспертов именно она готовит этнологическое заключение. В 2011–2014 гг. в Якутии был проведен целый ряд ЭЭ, касавшихся строительства железных дорог, ГЭС, линий электропередач, а также геологоразведочных работ в потенциально нефтегазоносных районах (см.: *Слепцов 2015*); в результате ряд проектов был по разным причинам возвращен на доработку¹⁰.

Начинание, несомненно, положительное, но, как и в вышеприведенных случаях, в законе 2010 г. также видна ориентация лишь на этническое измерение социального бытия, ограниченная к тому же списком КМНС, и, к сожалению, используется квази-терминология, не имеющая под собой научных оснований («исконная среда обитания», «этнологическая среда», «развитие этнологической ситуации» и др.). Какие задачи в таком случае призвана решать ЭЭ, остается загадкой.

«Сахалин-2» (второй этап). Представление существующих практик так наз. этнологической экспертизы в современной России было бы неполным без упоминания об опыте анализа оценок воздействия крупных проектов на социальную сферу (SIA) на Сахалине. В 2001–2002 гг. впервые в России был осуществлен полноценный сбор первичного материала для последующего проведения оценки потенциального воздействия на общество одного из крупных промышленных проектов – «Сахалин-2» (второй этап). Несколько академических публикаций посвящено анализу непростых взаимоотношений нефтедобывающих компаний, государственных структур и индигенного населения Севера Сахалина (см. в частности: *Mitrofanin* 2006; *Roon* 2006; а также наиболее полный на сегодняшний день обзор и анализ: Мамонтова 2015), что избавляет от необходимости подробно рассказывать об их истории. Исходя из адекватного определения SIA¹¹, компания «Сахалин Энерджи», задействовав российских и зарубежных специалистов и уже апробированные, в частности в США, техники и методики сбора материалов, получила максимально надежные и полные первичные сведения из всех мест компактного проживания КМНС Сахалина. Образцы форм для регистрации информации (для сбора исходных данных, для регистрации цен, для регистрации характера использования земель в санитарно-защитной зоне и др.), а также вопросников и бланков регистрации ответов (анкета по вопросам здравоохранения и состояния здоровья, анкета для опроса населения, фрагмент подробнейшей анкеты для исследования домашнего хозяйства, вопросы для экспертов и др.) размещены в открытом доступе на сайте компании (Документы 2003) и вполне могли бы быть использованы для проведения аналогичных работ¹². К сожалению, ничем столь же фундаментальным и методически выверенным с тех пор не была отмечена ни одна из российских «этнологических экспертиз».

* * *

Суммируя изложенное, можно утверждать, что в настоящее время в России нет четко выработанной общепринятой научной концепции этнологической экспертизы. Методы ее проведения варьируют в зависимости от компетенции осуществляющих ее рабочих групп.

Имеющийся опыт ЭЭ на Севере России и в Сибири, как правило, базируется на кратковременных полевых исследованиях (от двух до пяти недель во всех известных мне случаях), за этот срок можно выявить лишь основные документы, показывающие логику рождения и развития конфликта, провести экспресс-анализ общей социально-экономической и демографической ситуации, социологическое экспресс-обследование, в т.ч. выборочный экспертный опрос, и – при наличии всего пакета документов и материалов, а также группы профессиональных юристов – определить соблюдаются или нет требования действующего законодательства РФ.

Если исходить из того, что в идеале оценка влияния на социум должна включать целый ряд обоснованных(!) заключений: о популяционных изменениях; изменениях в занятости людей; о смене мест жительства, включая возможные существенные, в т.ч. вынужденные, переселения; о возможном разрыве соседских связей; о влиянии шума; об изменениях в плане доступности (понимаемой максимально широко); об изменениях в здоровье и безопасности людей; об изменениях в землепользовании, включая такие важные составляющие, как изменение миграций основных промысловых животных, например; и наконец, о воздействии проекта на сообщество в плане трансформаций социальной структуры, изменения *криминогенного потенциала* и создания предпосылок для роста преступности, сексуального насилия, распространения проституции, акций гражданского неповиновения, включая публичные беспорядки и акты насилия и проч., – то рефрен «нет возможности» мог бы быть предпослан каждому из названных пунктов.

Я специально оставляю в стороне вопрос об оценках потенциального ущерба, который бизнес-проекты и управленческая деятельность могут нанести «культуре» и «языку». При кажущейся очевидности влияния (практически всегда воспринимаемого со знаком

минус) мы пока еще не научились ни вычленять «норму», ни просчитывать ущерб, который наносится этой «норме». Следует особо подчеркнуть, что практически все осуществленные до сего дня «этнологические экспертизы» основаны именно на поиске «нормы» культуры и попытках эмоциональной оценки ущерба, которому эта норма подвергается. Длинные описания «традиционной культуры», обширные таблицы с архивными данными столетней давности без какой-либо аналитики и т.п. в опубликованных текстах экспертиз являются, на мой взгляд, не более чем популистской риторикой в условиях отказа (не знаю, осознанного или нет) от теоретического осмысления существующих проблем, как ни обидно это признавать.

Характерным для наших экспертиз является и отсутствие нацеленности на пролонгированное обследование населения. Во многом невозможность правильной организации процесса взаимодействия и сотрудничества индигенных сообществ (или в целом населения под воздействием), государства и бизнеса определяется именно отсутствием системы (и четких индикаторов) мониторинга с целью предотвращения возможного неблагоприятного влияния.

Попытки сторон конфликта решить проблему в свою пользу путем «экстренного» (иногда – превентивного) проведения экспертизы на свои средства до начала работ на объекте и последующих ссылок на ее заключение не имеют шансов на урегулирование и стабилизацию ситуации даже в ближнесрочной перспективе. Такого рода «активность» компаний, равно как и согласие отдельных специалистов принимать участие в заведомо методически непродуманных экспертных работах, вряд ли будут способствовать укреплению их делового и профессионального имиджа, с одной стороны, и практически гарантированно приведут к негативным последствиям для местного населения, оказавшегося под воздействием, с другой.

Очевидно также, что в российской исследовательской практике отсутствуют либо все еще недостаточно освоены многие подходы и принципы, уже давно апробированные в других странах и широко представленные в зарубежной литературе. Это прежде всего методология бизнес-антропологии и антропологии корпораций, позволяющая не только рассматривать проблемы взаимоотношений

добывающих компаний и коренных народов (местных сообществ) в контексте оценки влияния первых на вторые, но и видеть обратные процессы: закономерные (вынужденные или добровольные) изменения внутри корпорации на всех уровнях ее организации. Такое совмещение ставшего традиционным экспертного подхода, ориентированного на оценку воздействия добывающей индустрии на локальные сообщества коренных народов, с попыткой синхронного рассмотрения адаптивных стратегий бизнес-корпорации, несомненно, ценно, поскольку выводит исследователя на уровень практически важных выводов о наиболее эффективных вариантах взаимной адаптации и дальнейшего совместного развития компании и подверженного ее воздействию населения.

Характерен для такого рода исследований и максимально широкий охват различных аспектов социального воздействия добывающих компаний на местные сообщества при проведении соответствующей экспертизы (SIA), в отличие от распространенных в российской практике попыток осуществить этнологическую или этноэкологическую экспертизу, сфокусированную, как уже не раз подчеркивалось выше, в основном на этнических (этносоциальных, этнокультурных) аспектах взаимодействия.

Значительное внимание в социальной антропологии уделяется оценке эффективности реализуемых добывающими компаниями политик корпоративной социальной ответственности, практическим рекомендациям по их корректировке и настройке на специфику местных сообществ. Мировой опыт взаимоотношений коренных народов и добывающих компаний знает даже случаи функционального замещения бизнес-корпорациями государства как регулятора социального процесса. Происходит это, как правило, в условиях, когда государственная власть не предусматривает высокой степени централизации в решении проблем местного социально-экономического развития.

Важно не забывать и о практиках *engaged anthropology* и индигенных исследований, предусматривающих широкое вовлечение представителей коренных народов и местных сообществ в проведение экспертизы воздействия как на стадии заключения соглашений с корпорациями, так и в процессе мониторинга их выполнения. Извест-

ный в настоящее время российский опыт проведения ЭЭ в основном предусматривает относительно пассивную роль сообществ коренных народов (это относится в т.ч. и к ЭЭ в Якутии), которые прямого участия в исследовательском процессе не принимают и привлекаются в некоторой мере лишь на стадии обсуждения его результатов.

И, наконец, во всех случаях оценок воздействия на общество (SIA) мы обнаруживаем развитые стандарты экспертизы и научно-технического обоснования мер компенсации, социальной и культурной реабилитации аборигенных групп в случае их вынужденного переселения с территорий традиционного проживания, попавших в зоны интенсивного промышленного освоения (см., напр.: *Thukral 1992; Rew 1996; Cernea 1999; Colson 1999; Cernea 2008; Oliver-Smith 2009*). Упомянутый мною выше пример такой оценки на Сахалине и обилие литературы, в т.ч. учебников, по проведению SIA свидетельствуют о том, что такого рода практика и опыт вполне могли бы быть использованы в аналогичных ситуациях в России.

Собственно говоря, выявленные недостатки современных ЭЭ и обозначенные положительные принципы проведения оценок воздействия управленческой и бизнес-деятельности на социум и диктуют те перспективные направления, развитием и обязательной имплементацией которых, как мне видится, следует заниматься.

Закончить я бы хотел настоящим обращением к коллегам: перестать – с оглядкой на изжившие себя риторические концепты – изобретать собственные виды «этноэкспертиз», а начать, наконец, использовать накопленный в мире позитивный опыт проведения SIA, взяв в качестве отправной точки хотя бы такое ее определение:

Оценка социального воздействия (SIA) включает в себя процессы анализа, мониторинга и управления предполагаемыми и непредвиденными социальными последствиями, как положительными, так и отрицательными, запланированных вмешательств (политика, программы, планы, проекты) и любых процессов социальных изменений, вызванных этим вмешательством (Vanclay 2003: 6)

или

...процесс идентификации и управления социальной составляющей в процессе реализации проектов, включающий эффективное вовлечение сообществ, находящихся под воздействием, в процессы

(*participatory processes*) идентификации, оценки и управления социальным воздействием (Vanclay 2015: iv).

Методика SIA разработана настолько детально, что надо лишь набраться терпения, чтобы внимательно разобраться в ней и начать, наконец, применять ее на практике. Разумеется, и в случае с грамотно выполненной SIA нельзя уповать на нее как на панацею ото всех социальных бед. Впрочем, эта проблема заслуживает особого рассмотрения...

Примечания

- ¹ К некоторым из рассматриваемых здесь сюжетов я обращался ранее (см., в частности: Funk 2016: 345–368; Функ 2016: 263–270), но настоящий текст имеет иной фокус рассмотрения и содержит более полный обзор экспертиз.
- ² Попутно отмечу, что конфликты вокруг извлечения ресурсной ренты – доходов от добычи и продажи полезных ископаемых – рассматриваются в антропологии с разных точек зрения: от ставшего традиционным изучения этнических, языковых, культурных противоречий и трансформаций до поиска антропологических подходов к осмыслению феномена «ресурсного проклятия» (ср., напр.: Eddy, Partridge 1978 и Stammler, Wilson 2006: 1–42; Новикова 2008; Behrends et al. 2011; Momtaz, Zobaidul Kabir 2013; Миськова 2014: 104–110; Функ 2016: 263–270 и др.). Серьезные исследования в данном направлении стали возможны в России по большому счету начиная с 1990-х годов, и почти сразу же они велись не столько в теоретическом (такого рода работ, к сожалению, до сих пор практически нет; к числу исключений можно отнести, пожалуй, лишь: Новикова 2014), сколько в прикладном ключе с опорой на решение юридических вопросов введения аборигенных групп в число бенефициаров добычи полезных ископаемых и снижения негативных экологических и экономических эффектов, связанных с освоением территорий, для образа жизни и культуры данных групп.

- ³ «1. Этнологическая экспертиза – оценка социально-культурных последствий внедряемой хозяйственной деятельности и иных управленческих решений на объекты этнокультурного наследия граждан Российской Федерации <...> 3. ...объекты этнокультурного наследия граждан Российской Федерации – нематериальное культурное наследие граждан Российской Федерации» (из проекта Федерального закона об этнологической экспертизе. <http://regulation.gov.ru/projects#npra=77915> [дата обращения: 02.04.2018]).
- ⁴ См. полный текст заключения на сайте «Тематического сообщества по проблемам больших плотин» <https://solex-un.ru/dams/obzory/ges-i-zhiteli-zon-zatopleniya/obzor-10> (дата обращения: 02.04.2018). Примеры антропологического исследования населения, которое оказывается под воздействием в случаях строительства плотин, см., напр.: *Thukral* 1992.
- ⁵ Существует даже (не утвержденный до сих пор) регламент организации и проведения ЭЭ как государственной услуги в Кемеровской обл. (Личное сообщение В.В. Поддубикова, одного из активных участников данных экспертиз и разработчиков названного регламента).
- ⁶ Следует заметить, что антропологических работ, построенных на анализе конфликтов, возникающих вокруг извлечения ресурсной ренты в ситуации контакта угледобывающей отрасли и индигенных групп населения, в целом не так много. Один из удачных примеров: *Welker* 2014.
- ⁷ Тот же модуль сбора и представления материала, за исключением добавления раздела «Этносоциальные процессы и этнополитическая ситуация...» (с оценкой людьми местного самоуправления, социальной политики, а также политических ориентаций самих местных жителей), был использован и во второй ЭЭ, проводившейся в 2005–2006 гг. на территории компактного проживания телеутов (см.: Садовой 2008).
- ⁸ В качестве примеров можно привести, например, такие фрагменты текста: «Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов является гибкой системой, обладающей большим адаптационным потенциалом. Доказательства этому демон-

стрируют аборигенные сообщества по всему миру. Удэгейцы не являются исключением. Намечаемая деятельность по комплексному использованию пищевых и лекарственных лесных ресурсов выделенной территории не нанесет урона традиционному природопользованию и культуре коренных народов. Заключение договора аренды явится еще одним фактором сохранения и развития их культуры»; «Традиционное природопользование потому и является таковым, что оно неистощительное, ресурсосберегающее»; «...намечаемая хозяйственная деятельность не может нарушить целостности и причинить какой-либо вред природно-историческим объектам, захоронениям предков и священным местам при условии, что эта деятельность будет вестись членами общины или другими представителями коренных малочисленных народов Севера, для которых священные места являются частью традиционной культуры» (Звиденная, Новикова 2010: 117, 120, 127 и др.).

- ⁹ Попутно отмечу, что вопрос о традиционности, экологичности, этичности и пр. параметрах культуры живущих здесь же нанайцев, орочей и эвенков в тексте экспертизы и в заключении не рассматривается.
- ¹⁰ Недавно подробное и аналитически насыщенное описание ЭЭ в Якутии было представлено в виде магистерской диссертации А.С. Басовым (Басов 2017).
- ¹¹ В Отчете 2003 г. по оценке воздействия на социальную сферу (см.: http://www.sakhalinenergy.ru/media/user/library/social_sphere/doc_38_sia_chp1.pdf) это определение было дано на русском языке с отсылкой к материалам Международной ассоциации оценки воздействия (2002 г.).
- ¹² Принципиально не могу согласиться с изложением в статье О. Мурашко причин конфликта КМНС Сахалина и компании «Сахалин Энерджи», вспыхнувшего в 2005 г. Согласно трактовке автора, конфликт явился результатом неудовлетворительной оценки возможного социального воздействия проекта в рамках проведенной этой компанией ЭЭ («...cultural values, actual employment, sources of income, nutritional systems, health, and the relationship to the environment of the population living in the

project area were not fully studied»; *Murashko* 2006: 82). После ЭЭ, полностью соответствующей российским требованиям, компания провела оценку воздействия проекта на социальную сферу по международным стандартам (2002 г. с существенными дополнениями 2005 г.), что, кстати, отмечено редакторами специальной темы номера журнала *Sibirica*, в котором была опубликована указанная работа О. Мурашко (*Ibid.*: 93, note 3).

Источники и материалы

- Басов А.С.* Бюрократические процедуры и структурное насилие: исследование государственной этнологической экспертизы в Республике Саха. М.: МГУ, 2017 (рукопись, архив кафедры этнологии исторического факультета МГУ).
- Городецкая 2018 – Городецкая Н. Проект ФАДН об этнологической экспертизе не прошел нулевое чтение. По предложению администрации президента новым вариантом займется рабочая группа // *Коммерсант*. 21 марта 2018 г. <https://www.kommersant.ru/doc/3579723>
- Документы 2003 – Документы по оценке воздействия на социальную сферу. 2003 г. Ч. 2. Проект «Сахалин 2». Второй этап. http://www.sakhalinenergy.ru/media/user/library/social_sphere/doc_38_sia_appa.pdf
- Закон 537-IV 2010 – Закон Республики Саха (Якутия) «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» от 14 апреля 2010 г. 820-3 № 537-IV // *Парламентская газета «Ил Тумэн»*. 11.06.2010. № 22.
- Защита 2004 – Защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: возможности регионального законодательства / Ред. О.А. Мурашко. М., 2004.
- Катунский проект 1990 – Катунский проект: проблемы экспертизы. Материалы к общественно-научной конференции, 13–15 апреля 1990 г. Новосибирск, 1990.

Проект № 205-3-1104 – Постановление Государственной Думы ЯНАО от 24.11.2004 № 1516 о проекте закона Ямало-Ненецкого Автономного округа № 205-3-1104 «Об этнологической экспертизе в Ямало-Ненецком Автономном округе» по состоянию на 23 января 2008 г. // Семерка. Российский Правовой Портал. Архив. <http://zakon.7law.info/base98/part6/d98ru6763.htm> (дата обращения: 02.04.2018).

Литература

- Адаев В.Н.* Из опыта проведения этнологической экспертизы в Урало-Сибирском регионе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 7 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2009. С. 35–42.
- Головнев А.В., Лёзова С.В., Абрамов И.В., Белоруссова С.Ю., Бабенкова Н.А.* Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: АМБ, 2014.
- Данилова Е.Н.* Этнологическая экспертиза: современные концепции и подходы // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 127–134.
- Звиденная О.О., Новикова Н.И.* Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 года). М.: ИД «Стратегия»; ИП Андрей Яковлев, 2010.
- Мамонтова Н.А.* Коренные народы Сахалина и нефтедобывающие компании // Культура и ресурсы. Опыт этнологического обследования современного положения народов Севера Сахалина / Ред. Д.А. Функ. М.: Демос, 2015. С. 108–158.
- Мартынова Е.П., Новикова Н.И.* Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения: этнологическая экспертиза 2011 года. М.: ИП. А.Г. Яковлев, 2012.
- Миськова Е.В.* Рец. на: Crude Domination: An Anthropology of Oil / Eds. A. Behrends, S.P. Reyna, G. Schlee. Oxford, 2011 // Сибирские исторические исследования. 2014. № 4. С. 104–110.
- Мурашко О.А.* (отв. ред.) Опыт проведения этнологической экспертизы: оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской

и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп коренных малочисленных народов Севера. М.: Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, 2002.

Новикова Н.И. (ред.) Люди Севера. Права на ресурсы и экспертиза. М.: ИД «Стратегия», 2008.

Новикова Н.И. Охотники и нефтяники: исследование по юридической антропологии. М.: Наука, 2014.

Поддубиков В.В., Арцемович С.А., Функ Д.А. «Ресурсное проклятие» с антрацитовым отблеском: коренные народы и добывающие компании Кузбасса в ситуации конфликта // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 142–163. <https://doi.org/10.17223/2312461X/20/8>

Садовой А.Н. (отв. ред.) Этнологическая экспертиза. Вып. 1: Оценка воздействия ООО «МетАЛ», ОАО «ММК» – «Магнитогорский металлургический комбинат» и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел») на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашенской сельской администрации МО «г. Мыски» Кемеровской области. Кемерово: Изд-во ИУУ СО РАН, 2005.

Садовой А.Н. (отв. ред.) Этнологическая экспертиза. Вып 2: Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области. Новосибирск: Параллель, 2008.

Слепцов А.Н. Государственная этнологическая экспертиза Республики Саха (Якутия) // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2015. № 1 (4). С. 15–24.

Степанов В.В. (ред.) Методы этноэкологической экспертизы. М.: ИЭА РАН, 1999.

Функ Д.А. «Ресурсное проклятие» (поиск новых подходов к «этнологической экспертизе» и оценке социального воздействия управленческих решений) // *Мир культуры народов Севера: арктический вектор / Под общ. ред. О.Н. Астафьевой. М.: ООО «ИПП «КУНА»», 2016. С. 263–270.*

- Becker H.A., Vanclay F.* (eds.) *The International Handbook of Social Impact Assessment: Conceptual and Methodological Advances*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2003.
- Behrends A., Reyna S.P., Schlee G.* (eds.) *Crude Domination: An Anthropology of Oil*. N.Y.: Berghahn Books, 2011.
- Cernea M.M.* *Why Economic Analysis is Essential to Resettlement: A Sociologist's View // The Economics of Involuntary Resettlement / Ed. M. Cernea*. Washington: World Bank, 1999. P. 5–49.
- Cernea M.M.* *Reforming the Foundations of Involuntary Resettlement: Introduction // Can Compensation Prevent Impoverishment? Reforming Resettlement through Investments and Benefit-Sharing / Eds. M.M. Cernea, H.M. Mathur*. New Delhi: Oxford University Press, 2008. P. 1–10.
- Colson E.* *Engendering those Uprooted by Development // Engendering Forced Migration / Ed. D. Indra*. Oxford: Refugee Studies Programme, 1999. P. 23–39.
- Eddy E.M., Partridge W.L.* (eds.) *Applied Anthropology in America*. N.Y.: Columbia University Press, 1978.
- Funk D.* *In Search of a «Roster of 26 Smaller Peoples of the North» of Russia // Passageways. From Hungarian Ethnography to European Ethnology and Sociocultural Anthropology / Ed. G. Vargyas*. Budapest, 2009. P. 315–329.
- Funk D.* *Northern Cultures under the Pressure of Industrial Development // Folklore*. 2015. Vol. 62 (3). P. 274–277.
- Funk D.* «Néprajzi szakértés» a posztsovjet Oroszországban // *Ethnographia*. 2016. Vol. 127. No. 3. P. 345–368.
- Goldman L.R.* (ed.) *Social Impact Analysis: An Applied Anthropology Manual*. Oxford: Berg, 2000.
- Mitrofanin E.* *Oil Companies' Relations with Reindeer Herders and Hunters in Noglikskii District, Northeastern Sakhalin Island // Sibirica*. 2006. Vol. 5 (2). P. 139–152.
- Momtaz S., Zobaidul Kabir S.M.* *Evaluating Environmental and Social Impact Assessment in Developing Countries*. Waltham: Elsevier, 2013.
- Murashko O.* *What Is the Etnologicheskaja Ekspertiza in Russia? // Sibirica*. 2006. Vol. 5 (2). P. 77–94.

- Oliver-Smith A.* (ed.) *Development and Dispossession. The Crisis of Forced Displacement and Resettlement.* Santa Fe: SAR Press, 2009.
- Rew A.* Policy Implications of the Involuntary Ownership of Resettlement Negotiations: Examples from Asia of Resettlement Practice // *Understanding Impoverishment: The Consequences of Development-Induced Displacement* / Ed. C. McDowell. L.: Berghahn Books, 1996. P. 201–222.
- Roon T.* Globalization of Sakhalin's Oil Industry: Partnership or Conflict? A Reflection on the Etnologicheskaja Ekspertiza // *Sibirica.* 2006. Vol. 5 (2). P. 95–114.
- Stammler F., Wilson E.* Dialogue for Development: An Exploration of Relations between Oil and Gas Companies, Communities and the State // *Sibirica.* 2006. Vol 5 (2). P. 1–42.
- Thukral E.G.* *Big Dams, Displaced People: Rivers of Sorrow, Rivers of Change.* New Delhi: Sage Publications, 1992.
- Vanclay F.* International Principles for Social Impact Assessment // *Impact Assessment and Project Appraisal.* 2003. Vol. 21. No. 1. P. 5–11.
- Vanclay F.* *Social Impact Assessment: Guidance for Assessing and Managing the Social Impacts of Projects.* Fargo ND: International Association for Impact Assessment, 2015.
- Welker M.* *Enacting the Corporation: An American Mining Firm in Post-Authoritarian Indonesia.* Berkeley: University of California Press, 2014.

КОММЕНТАРИИ

7.1 ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: УРОКИ РОССИИ

Наталья Ивановна Новикова

Рассматриваемая публикация Д.А. Функа (см. гл. 7 и Функ 2018) посвящена актуальной и мало обсуждаемой в отечественном научном сообществе теме. Эта работа несомненно будет способствовать расширению заинтересованной аудитории, поскольку сегодня в подобных дискуссиях участвует обычно менее десяти человек, и большинство их с 1999 г. (с момента появления в законодательстве термина «этнологическая экспертиза») или непосредственно проводят подобные исследования, или занимаются их правовой регламентацией. Д.А. Функ рассматривает этнологическую экспертизу (далее – ЭЭ) иначе, чем принято в большей части отечественных публикаций, и это вызывает интерес. Безусловно, необходимы новые подходы и более широкое профессиональное обсуждение. К сожалению, за рамками обсуждаемого текста остались как ряд публикаций по проведению ЭЭ в Республике Саха (Якутия) (Новикова 2018; Голомарева 2017), так и многие другие работы, посвященные этой теме (см. напр.: Novikova, Wilson 2017).

Моя профессиональная деятельность связана с участием в проведении и законодательном регулировании ЭЭ, и я хочу поделиться своим опытом и размышлениями, связанными с исследованием непростой жизни среди карьеров и нефтяных вышек. К сожалению, для изучения взаимодействия промышленных компаний и коренных народов одного универсального механизма никто не придумал, да и вряд ли это возможно. ЭЭ, на мой взгляд, нужно рассматривать в культурном и правовом контексте: одно дело «гуманитарное исследование» и другое – проведение оценки воздействия в соответствии с международным правом и российским законодательством. Эти и другие вопросы требуют скорейшего обсуждения научным

сообществом, поэтому я приветствую предложение редакции организовать дискуссию по данной статье.

Возможно несколько подходов к изучению ЭЭ, ее организации и проведению. Я провожу исследования на Севере и в Арктике, участвую в практической деятельности по оценке воздействия и в законодательном процессе в отношении коренных малочисленных народов; мне проще говорить об ЭЭ именно в контексте аборигенных исследований. В своей статье я хотела бы остановиться на нескольких моментах:

1. Почему традиционное природопользование и традиционный образ жизни коренных народов рассматриваются как основа для оценки воздействия.
2. Какими методами может проводиться экспертиза, и кто является ее стейкхолдерами.
3. Этика ЭЭ.

Коренные народы Севера как площадка для проведения этнологической экспертизы

В общественном и научном дискурсе ЭЭ чаще всего представляется экспертным заключением о влиянии хозяйственных проектов на сохранение и развитие образа жизни коренных народов. В таком качестве она рассматривается как механизм осуществления их прав на контроль над использованием природных ресурсов и учет их мнения, что гарантируется федеральным законодательством. Составной частью ЭЭ стало изучение корпоративных политик и регламентов, принятых в промышленных компаниях. Качественное ее проведение, требующее высокого профессионализма ученых, способствует росту доверия исследуемых народов к антропологам.

Конечно, мы можем называть свои любые тексты экспертизой, иногда гуманитарной экспертизой, но следует помнить, что подобного рода исследования предполагают практические рекомендации, поэтому всегда должен быть кто-то, кто обладает волей и возможностью принять соответствующие сделанным выводам решения. Поэтому не стоит удивляться, что из прагматических сооб-

ражений этнологические экспертизы стали проводиться в первую очередь в отношении коренных малочисленных народов, т.к. их положение регламентируется специальным законодательством. Этнологическая экспертиза как пример прикладного исследования с наибольшей яркостью подтверждает, что экспертом антрополога делает заказчик.

На мой взгляд, определение этнологической экспертизы, данное в законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (ФЗ от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ) является рамочным, требуется его совершенствование, но не отмена. В отношении ЭЭ важны международные стандарты, которые определяют ее содержание и в России. Таких актов много, но основные методологические основания содержатся в «Руководящих принципах предпринимательской деятельности в аспекте прав человека» и «Декларации ООН о правах коренных народов». Кроме того, есть и другие международные нормы, в которых права коренных народов рассматриваются через призму политик промышленных компаний. Могу согласиться с автором обсуждаемой статьи, что в нашей антропологической литературе мало внимания уделяется изучению бизнеса в целом и, в обозначенном нами контексте, добывающих компаний в частности.

Почему ЭЭ в отношении коренных малочисленных народов Севера вызывает столько вопросов, хотя она является одним их видов оценок воздействия?

Я думаю, не нужно абсолютизировать опыт ЭЭ по коренным народам. Это не единственное поле для подобных работ, просто эти народы имеют в Российской Федерации особый статус и часто более активны, чем остальные. ЭЭ проводится по более широкому кругу вопросов. Например, за небольшой срок своей деятельности (за 10 лет) ООО «Этноконсалтинг» провел экспертизы международных и российских правовых документов, этнических и гражданских оснований формирования российской нации, положения российских немцев, казаков, народов Севера, избирательных кампаний, деятельности правоохранительных органов, защиты прав народов Кавказа и т.п.; в отношении народов Севера выполненные работы касались выделения им территорий традиционного природополь-

зования, влияния промышленных проектов, СМИ. А ведь «Этноконсалтинг» лишь одна из организаций, проводящих ЭЭ.

Предлагаю оставить в стороне вопрос о том, почему изучаются именно коренные народы Севера, тем более что я уже неоднократно об этом писала (*Новикова* 2008, 2014 и др.), а рассмотреть процессы проведения и регулирования ЭЭ в динамике. Отмечу лишь, что не вижу причин отказываться от исследований и работы над соответствующим законом по коренным народам лишь потому, что он касается определенной группы граждан. Такой подход вовсе не исключает создания других законов, которые, однако, должны учитывать уже принятые нормы международного права и российского законодательства.

Трудности законодательного процесса связаны с разными обстоятельствами: сторонников такого акта немного, а в Федеральном законодательном собрании и в Правительстве их почти нет; сотрудники промышленных компаний видят в нем преграду для деятельности на территориях, где проживают коренные народы. Не сложилась и команда единомышленников в научном сообществе. Ниже я остановлюсь подробнее на шагах по привлечению бизнеса к решению проблем воздействия. Здесь лишь отмечу, что у меня была возможность наблюдать за процессом разработки федерального закона «Об экологической экспертизе» 1995 г. Его создателями выступили политики, активисты, крупные российские ученые, в т.ч. и из РАН. Объединив усилия, они смогли сформулировать важнейшие, действенные практические подходы, и не их вина, что сегодня этот закон стал гораздо менее эффективным. Почему это пока не удалось сделать нашему профессиональному цеху? Как мне представляется, научное этнологическое сообщество оказалось не готово к работе над законопроектом об ЭЭ: слишком мало опыта, еще меньше теоретического осмысления и желания проводить такие исследования не ради денег, а для получения серьезных научных результатов. Даже сотрудникам Института этнологии и антропологии (ИЭА) не удалось выработать общие подходы. В 2014 г. отделом Севера и Сибири ИЭА РАН был подготовлен отзыв на законопроект по оценке воздействия (отзыв был утвержден решением ученого совета, которое в даль-

нейшем игнорировалось без широких дискуссий) и предложено следующее определение:

Этнологическая экспертиза – прикладное научное исследование, проводимое специалистами в области этнологии и социально-культурной антропологии в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов с целью определения возможных воздействий и связанных с ними этнокультурных и социально-экономических последствий намечаемой или осуществляемой хозяйственной и иной деятельности (Протокол 2014).

Возможно, это определение не оптимально, но в нем содержатся ключевые идеи процесса: ЭЭ должна проводиться специалистами; должна определять последствия «посторонней», не характерной для малочисленных народов деятельности. Сегодня благодаря исследованиям в Республике Саха (Якутия) появился новый опыт, который свидетельствует как о целесообразности включения в группу находящихся «под воздействием» и местного населения, так и о необходимости более четких правовых решений по итогам проведения ЭЭ.

В работе над законом мы столкнулись и с юридическими сложностями, которые обсуждались специалистами (см. напр.: *Якель 2013*), и с антропологическими; в данной статье целесообразно рассмотреть именно эти аспекты. На мой взгляд, ЭЭ должна строиться на полевых этнографических материалах. Напомню предложенную мной для экспертиз, проводимых «Этноконсалтингом», программу сбора данных:

1. Анализ нормативно-правовой базы проведения этнологической экспертизы;
2. Анализ традиционного образа жизни малочисленных народов, зафиксированного до осуществления намечаемой деятельности, в зоне реализации и в зоне прямого и косвенного воздействия проекта;
3. Выявление сообществ коренных малочисленных народов Севера и местных жителей, общин и иных объединений, интересы которых могут быть затронуты при реализации проекта;

4. Сбор данных и проведение анализа социально-демографических показателей коренных малочисленных народов Севера и местных жителей в зоне реализации проекта;
5. Обследование систем жизнеобеспечения коренных малочисленных народов Севера в зоне прямого и косвенного воздействия планируемой хозяйственной деятельности предприятия;
6. Оценка социальной ситуации в зоне прямого и косвенного воздействия планируемой хозяйственной деятельности предприятия;
7. Оценка состояния традиционной культуры в зоне прямого и косвенного воздействия планируемой хозяйственной деятельности предприятия;
8. Определение и обследование наиболее уязвимых локальных этнокультурных групп и территорий в зоне прямого и косвенного воздействия планируемой хозяйственной деятельности предприятия;
9. Определение и оценка возможных изменений в традиционном образе жизни малочисленных народов и местного населения при планируемой хозяйственной деятельности предприятия;
10. Анализ политики промышленной компании;
11. Общий прогноз развития этногеографической, антисоциальной и этнокультурной ситуации (с учетом ее исходных данных) при реализации проекта;
12. Разработка мер по предотвращению и/или снижению возможного негативного воздействия планируемой хозяйственной деятельности предприятия на исконную среду обитания и традиционный образ жизни коренных малочисленных народов (Новикова 2018: 130).

Наши экспертизы проводились в рамках антрополого-юридического исследования, по их результатам были подготовлены рекомендации. В таком междисциплинарном подходе особенно необходима унификация терминологии правовых актов и заключений ЭЭ, именно поэтому мы используем понятия «традиционное природопользование», «традиционный образ жизни» и т.п. Специалисты

при проведении исследований должны опираться на правовые документы, через призму которых изучаются практики людей. В ходе экспертизы определяется соблюдаются или нет права и законные интересы коренных народов, а также возможное воздействие на них и последствия такого воздействия. На основании анализа полученных данных эксперты или накладывают вето на выполнение проекта, или предлагают меры по минимизации отрицательных последствий, составляют планы и рекомендации для дальнейшей деятельности компаний.

Значительный процент проводимых ЭЭ касается оленеводческих народов (совместить на одной территории интересы кочевников и недропользователей наиболее сложно, конфликт в этом случае очевиден), но это, конечно, не значит, что интересы других общностей не должны быть защищены. Именно такими обстоятельствами была вызвана проведенная в 2006 г. ЭЭ «Плана содействия коренным народам Севера Сахалина», когда компания «Сахалин Энерджи» первоначально сконцентрировала свое внимание на группе оленеводов, не учитывая зависимость от возможных последствий промышленной деятельности всего коренного населения острова (*Тишков и др.* 2008). Опыт показывает, что наличие международных норм и специального законодательства облегчает задачи ЭЭ в отношении коренных народов. Так, уже много лет не удается урегулировать конфликтную ситуацию с кооперативом дачников на Сахалине (*Novikova, Wilson* 2013; Отчет об устойчивом развитии 2017: 162–163), но вот в отношении коренных народов достигнут безусловный прогресс.

Нужно учитывать, что при всей стандартизации, правовом регулировании любая ЭЭ уникальна, не случайно в Республике Саха (Якутия) по каждой из них принимается постановление регионального правительства. В Якутии существует целая цепочка экспертных групп при принятии решений. Это не раз и навсегда утвержденная процедура; политики, активисты и ученые постоянно ее совершенствуют. Как показывает практика, необходимо очень строго подходить к знаниям и опыту специалистов, проводящих такого рода исследования. Считаю, что в федеральном законе, если он будет принят, требования к экспертам должны быть четко определены в

части их профессиональной квалификации и опыта. Пока этого нет, особенно ценна поддержка экспертного сообщества. Мы решали эту проблему через обсуждение всех заключений «Этноконсалтинга» на ученом совете ИЭА РАН. Любая экспертиза всегда ограничена во времени, она должна проводиться узкими специалистами, опыт которых подтвержден учеными степенями, признанными публикациями, длительными, предшествующими экспертизе полевыми исследованиями.

Важность широкого поля – определение стейкхолдеров

Согласно «теории заинтересованных сторон» – рассматривающей в качестве единицы анализа отношения между бизнесом и группами или лицами, которые могут получить выгоду, влиять на бизнес или пострадать от него, – для проведения ЭЭ особо важно определение стейкхолдеров (*Phillips 2003; Miles 2012; Новикова, Уилсон 2015*). Уже сам процесс их выявления требует специальных знаний и времени. К сожалению, как отмечалось выше, промышленные компании и их политики в России – малоизученное поле. Немного и подобных исследований органов власти, депутатов и чиновников, которые в значительной степени определяют природопользование и социальную политику в регионах ЭЭ. У антропологов почему-то существует или предубеждение, или боязнь таких работ. Иногда исследователи ограничиваются данными из интернета. На мой взгляд, все стейкхолдеры должны изучаться одинаковыми методами и по единой программе. Только в этом случае могут быть получены адекватные и сравнимые данные, которые послужат основанием для заключения ЭЭ. Изучаемые этнические общности анализируются как стратифицированные общества с различными хозяйственными и культурными практиками, в которых антрополог подчеркивает равное значение символических и утилитарных составляющих человеческих отношений. Промышленные компании исследуются в первую очередь через их политики и регламенты, но нельзя пренебрегать и интервью с работниками, т.к. жизнь всегда оказывается богаче и разнообразнее нормативного регулирования.

Люди взаимодействуют между собой на основе общих интересов, и задача антрополога максимально глубоко и полно выявить эти интересы; только тогда получится диалог, к которому и стремятся исполнители ЭЭ. Перед исследователем стоит сложная задача: предоставить право голоса всем участникам анализируемых отношений, на основе этого дать научную интерпретацию ситуации (Гирц 2004) и далее – предложить альтернативные пути решения проблем. В современных условиях политики компаний меняются, все большее значение приобретает осознание необходимости экологической и социальной ответственности. ЭЭ может привлечь внимание к наиболее сложным, острым вопросам, с которыми сталкиваются коренные народы и местное население при планируемом или осуществляемом промышленном освоении.

Этика и будущее этнологических экспертиз

И, наконец, хочется обратиться к этическим вопросам проведения ЭЭ. Камнем преткновения при выполнении государственных ЭЭ становится вопрос компенсаций. Он оказался центральным и в Республике Саха (Якутия). Отметим ряд обозначенных практикой проблем проведения здесь ЭЭ: исследования рассматриваются как основание для расчета ущерба; компании почти не обращают внимания на рекомендации экспертов в социальной сфере; создатели республиканского закона и ответственные за проведение ЭЭ чиновники иногда болезненно воспринимают критику ее практического осуществления. Конечно, закон об ЭЭ в республике – действительно очень важный правовой акт, благодаря которому люди стали получать реальные деньги от компаний. Однако попытки привлечь внимание чиновников к неоднозначному опыту ХМАО, где такие выплаты проводятся уже много лет и без ЭЭ, к необходимости большего внимания к Планам содействия, другим программам – пока не вызывают в Якутии большого интереса. На мой взгляд, в этом случае не хватает профессионального подхода, широкого кругозора при выполнении ЭЭ; антропологи не всегда принимают участие в таких работах. Республиканский закон эти вопросы не регламентирует. Даже если будет принят федеральный закон, вряд ли он суще-

ственно изменит ситуацию. Мне кажется, что очень важны широкие публичные обсуждения, публикации и рецензирование ЭЭ; необходимо уделять внимание и формированию общественного академического мнения, и профессиональной университетской подготовке будущих экспертов.

В результате анализа практического опыта проведения ЭЭ можно сказать, что необходим и федеральный закон об этнологической экспертизе, и определение четких критериев и правовых механизмов исследования предварительного, осознанного и свободного согласия коренных народов на принятие решений, включая и возможность наложения вето на осуществление промышленной деятельности. ЭЭ без обязательных правовых последствий по ее итогам может привести к отмиранию этого института, что будет иметь самые негативные последствия, причем не только для “населения под воздействием”, но и для промышленных компаний. Важно подчеркнуть, что в случае положительного заключения ЭЭ бизнес получает конкретные рекомендации для устойчивой бесконфликтной деятельности. Из-за ограниченных рамок дискуссии приведу лишь один пример действенности ЭЭ. В 2014–2016 гг. я принимала участие в международном проекте “Коренные народы и добывающая промышленность в Арктике: оценка этических рекомендаций” и в полевых исследованиях в Каутокейно (Финмарк, Норвегия). В Каутокейно произошло уникальное событие: местное сообщество отказало шведской горнодобывающей компании в проведении работ. Этот интересный для антрополога случай, кроме всего прочего, показал недоверие коренного населения к оценкам воздействия (т.е. фактически к ЭЭ), осуществленным компанией, а также ее неспособность провести предварительный адекватный научный анализ ситуации, для того чтобы получить согласие местного населения.

Литература

Miles S. Stakeholders: Essentially Contested or Just Confused? // *Journal of Business Ethics*. 2012. Vol. 108. No. 3. P. 285–298

- Novikova N., Wilson E. The Sakhalin-2 Project Grievance Mechanism, Russia // Dispute or Dialogue? Community Perspectives on Company-Led Grievance Mechanisms / Eds. E. Wilson. Blackmore. L.: IIED, 2013. P. 84–109.
- Novikova N., Wilson E. Anthropological Expert Review: Socio-Cultural Impact Assessment for the Russian North // Arran. Evaluating Ethical Guidelines. March 2017. www.arran.no/evaluating-ethical-guidelines/?Article=122
- Phillips R. Stakeholder Theory and Organizational Ethics. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, 2003.
- Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.
- Голомарева Е. Х. (ред.) Этнологическая экспертиза в циркумполярных регионах. Специальная тема номера // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки, 2017. № 3.
- Новикова Н. И. Этнологическая экспертиза в академическом дискурсе и ожиданиях коренных народов // Арктика: экология и экономика. 2018. № 1 (29). С. 125–135.
- Новикова Н. И., Уилсон Э. Корпоративная социальная ответственность: трансформация понятия на Западе и значимость для коренных народов России // Уральский исторический вестник. 2015. № 2. С. 108–117.
- Отчет об устойчивом развитии 2017 // Сахалин Энерджи. Медиа-центр. Отчет об устойчивом развитии. http://www.sakhalinenergy.ru/upload/iblock/e84/2017-Sustainable-Development-Report_RUS.pdf
- Протокол № 7. Утвержден на Ученом совете Института этнологии и антропологии РАН 11 ноября 2014 г. // Протоколы заседаний УС ИЭА РАН, 2014
- Тишков В. А., Мурашко О. А., Новикова Н. И. Обзор документации проекта «Сахалин-2», касающейся коренных малочисленных народов Севера острова Сахалин // Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза / Ред. Н. И. Новикова. М.: Издательский дом «Стратегия», 2008. С. 288–312.
- Якель Ю. Я. Юридические аспекты проведения этнологической экспертизы в местах традиционного проживания и ведения хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов

Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред. В. А. Тишков, В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 352–358.

7.2. ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ДЕСЯТИЛЕТИЯ РОССИЙСКОГО ОПЫТА И КОНТЕКСТ МИРОВОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПОВЕСТКИ

Владимир Валерьевич Поддубиков

В российской практике прикладной этнологии (социальной антропологии) в настоящее время ощутимы признаки методологического кризиса в таком важном направлении как экспертиза социального воздействия промышленных проектов на сообщества коренных малочисленных народов. Проявляется он, прежде всего, в нарастающей критике и своего рода ревизии наработанного за без малого тридцатилетний период опыта проведения российскими этнологами практико-ориентированных исследований по оценке потенциального (а в ряде случаев и фактического) воздействия промышленных проектов по добыче невозобновляемых ресурсов на сообщества коренных народов или шире – любых групп населения, оказавшегося под воздействием. В основном речь, конечно, идет о практике т.н. этнологических экспертиз, неоднократно проводившихся в регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока России с целью оценки того разрушительного воздействия, которое ресурсный экстрактивизм способен оказывать на среду обитания, системы жизнеобеспечения, традиционные хозяйственные и культурные практики коренных народов.

Площадками для развернувшейся дискуссии, поместившей российскую модель этнологической экспертизы в мировой контекст оценки социального воздействия (Social Impact Assessment) добывающих компаний со всеми вытекающими из такого сравнения вопросами об обоснованности собственно этнического фокуса экспертизы, применяемых исследователями методов и подходов, становятся крупнейшие академические форумы, специальные рубрики и тематические номера ведущих российских научных периодических изданий. Так, российской модели экстрактивизма, ее соответ-

ствию мировой исследовательской повестке, методологии и методическом оснащении были посвящены отдельные секции в рамках XII и XIII конгрессов антропологов и этнологов России, а также дискуссия на страницах «Этнографического обозрения» (2018–2019 гг.) – ведущего в России научного журнала по антропологии, этнологии и этнографии, в контекст которой, собственно, укладываются все нижеприведенные размышления.

Начало дискуссии было положено статьей Д.А. Функа ««Этнологическая экспертиза»: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов» (Функ Д.А. 2018), опубликованной в четвёртом номере «Этнографического обозрения» за 2018 г., в которой автор обозначил наиболее болезненные точки в развитии этнологической экспертизы, в частности, показывая, что в настоящее время в стране нет четко выработанной общепринятой научной концепции данной экспертизы, а методы ее проведения варьируют в зависимости от компетенции осуществляющих ее рабочих групп. По мнению инициатора дискуссии практически все осуществленные до настоящего времени в России этнологические экспертизы основываются на поиске «нормы» культуры (в подавляющем большинстве случаев лишь культур малочисленных этнических групп) и попытках эмоциональной оценки ущерба, которому эта «норма» подвергается, в то время, когда мировые практики, к примеру, практики оценки социального воздействия промышленных проектов почти всегда свободны от такой эмоционально-романтической и в чем-то даже «наивной аналитики», довольно прагматично рассматривая местное сообщество (без изначальной апелляции к его этническому составу) во всем многообразии возможных для него проблем в случае воздействия со стороны промышленного проекта.

В ответ на текст, открывший дискуссию, в том же номере журнала последовало несколько реплик от российских антропологов и этнологов, имеющих практический опыт реализации этнологической экспертизы по факту нанесенного (или возможного) сообществам коренных народов ущерба со стороны добывающих компаний. В их числе и автор этих строк, постаравшийся осмыслить с позиций ответственности актуальной мировой повестке те экспертные исследования, участником которых ему довелось быть дважды: в 2004 г., когда

стояла задача оценки воздействия угледобывающих компаний юга Кузбасса на локальные групп шорцев (*Садовой А.Н. 2005*), и в 2008 г., когда в фокусе этнологической экспертизы оказались бачатские телеуты (*Садовой А.Н. 2008*).

В текущем 2019 году дискуссия была продолжена. В «Этнографическом обозрении» еще несколько исследователей, включая и наших молодых коллег, рассматривающих кейсы этнологических экспертиз в более широком контексте оценки социального воздействия промышленных (и не только) проектов имели возможность разместить свои реплики (*Этнологическая 2019*). Тем самым и в содержательном смысле, и в отношении многообразия высказанных мнений дискуссия была расширена. Однако до сих пор остается ощущение, что она все еще не исчерпана, и остается повод для новых высказываний по существу еще не затронутых нюансов и аспектов проблемы.

Вне всяких сомнений, сама дискуссия и высказанные коллегами мнения весьма и весьма своевременны уже потому, что прозвучали они в период очередной (и, похоже, финальной) итерации в затянувшемся процессе формирования в России федерального законодательства, регулирующего процедуру этнологической экспертизы. В 2018 году на федеральном портале проектов нормативных актов прошло общественное обсуждение проекта Федерального закона «Об этнологической экспертизе в Российской Федерации», призванного урегулировать (централизовать под эгидой Федерального агентства по делам национальностей, если говорить более точно) процедуру этнологической экспертизы, которая, как ожидается, в ближайшей перспективе может получить статус государственной и стать обязательной для хозяйствующих субъектов, чья операционная деятельность потенциально затрагивает «объекты этнокультурного наследия граждан РФ»¹ (*Проект 2018*). Стало быть, государственная повестка в данном вопросе в основном ясна, если не вдаваться в нюансы практической реализации отдельных норм, соответствие которых реально существующим проблемам и, что важнее, ожиданиям со стороны коренных народов вызывает множество вопросов. Тем актуальней выглядят как упомянутая дискуссия на страницах «Этнографического обозрения», так и настоящее изда-

ние, обобщающее важнейшие рефлексии исследователей, каждый из которых имеет практический опыт осуществления этнологических экспертиз в российских регионах.

Опубликованные материалы дискуссии и высказанные коллегами мнения стимулировали не только рефлексии по существу накопленного в регионах страны исследовательского опыта, научных основ российских практик этнологической экспертизы, их встроенности в мировой контекст и повестку прикладной антропологии. По сути, прозвучавший изначально основной призыв «...попытаться понять, где же мы находимся» идет значительно дальше, затрагивая вопросы профессиональной идентичности наших российских коллег. Пожалуй, любому участнику дискуссии было невозможно полноценно и честно высказаться, не определив для себя, в какой степени его личный исследовательский бэкграунд и полученные результаты соотносимы с давно существующими за рубежом «стандартами качества», актуальными теориями и соответствующими концептами. Если же подобное соотнесение счесть бессмысленным (нецелесообразным) по каким-либо причинам, то, в любом случае, это стоило обосновать и мотивировать.

Признавая, что последняя позиция имеет полное право на существование, все же довольно трудно избавиться от ощущения ее изначальной обреченности. По прошествии нашумевшей в свое время дискуссии об архитектуре научной коммуникации в гуманитарных и обществоведческих дисциплинах на страницах еще одного авторитетного отечественного журнала «Антропологический форум» (Соколов, Титаев 2013) любого рода апологетика «оригинальной отечественной модели» этнологической экспертизы вне контекста мировой исследовательской повестки проявляла бы признаки «туземной науки» со всеми присущими ей слабостями, заблуждениями и ограничениями. И, по-видимому, признаки эти безусловно присутствуют и даже вполне поддаются идентификации. В программной статье Д.А. Функа существует прямое указание на преобладание в отечественной практике этнологической экспертизы «наивной аналитики», основанной на ритуализированном поиске эмпирических подтверждений существования у коренных народов сегодня видимой этнической специфики «характерного образа

жизни», «традиционности и исконности» хозяйственных практик и систем жизнеобеспечения, а также других концептов, «...не имеющих явной познавательной и эвристической ценности» (Функ 2018).

Что в итоге все это означает на практике, хорошо видно из приведенных коллегами примеров и в особенности того, который касается алтайской экспертизы конца 1980-х годов по факту проектов Катунской и Чемальской ГЭС. Фактически, исследователи, погружившись в мир порожденных ими конструкций, сформировали чисто теоретическую модель алтайской этничности, имеющую мало отношения к реальной действительности. Романтизированный образ уязвимого этноса, готового вот-вот исчезнуть под натиском планируемых индустриальных проектов, как затем оказалось, не соответствовал реальным настроениям носителей «исчезающей» этнической культуры. По сути и все остальные анализируемые в рамках дискуссии об этнологической экспертизе кейс-стади, включая обе Кузбасские экспертизы (2004 и 2008 гг.), в реализации которых мне довелось участвовать лично, отнюдь не лишены этих недостатков, фокусируясь прежде всего на этническом аспекте анализа конфликтных ситуаций, практически не обосновывая этот фокус и принимая его как неоспоримую норму.

Но могло ли все сложиться иначе? Могла ли методология прикладной антропологии в российских условиях развиваться иным путем, в большем соответствии с мировыми трендами и принятыми за рубежом стандартами? Вероятнее всего нет, если принять во внимание особенности российского законодательства, выделившего коренные малочисленные народы в отдельную правовую категорию и тем самым сформировавшего заказ на экспертную оценку социально-экономического положения, демографической, экономической и социокультурной устойчивости именно этой общности. Начиная с появления в ранние 1990-е годы первых законодательных норм и актов в защиту прав коренных малочисленных народов вся дальнейшая логика развития практики этнологических экспертиз заключалась именно в фиксации и обосновании их этнических отличий от основной массы населения страны. Разумеется, при анализе различного рода социальных конфликтов с участием представителей коренных малочисленных народов возобладал алармизм и

склонность характеризовать индигенные сообщества как уязвимые перед лицом современных угроз.

Соответственно, в текстах большинства экспертиз, осуществленных в России за тридцать без малого лет, значительное место занимают (неоправданно?) детальные описания всех значимых компонентов этнического своеобразия обследуемых экспертами групп коренных малочисленных народов. В этом смысле увлеченность российских этнологов «наивной аналитикой» и в целом концептуализация этнологической экспертизы как этноориентированного прикладного исследования, по-видимому, закономерны. Можно сказать, что все это является опосредованным следствием многоукладности российского общества, вплоть до настоящего времени поддерживаемой государственным правом.

Возможность достраивать на уровне субъектов РФ нормативно-правовую базу, адаптируя ее под местные условия, только усилила разнообразие применяемых в стране практик этнологических экспертиз. В Республике Саха (Якутия), как известно, они регламентируются республиканским законодательством, чего не наблюдается ни в одном другом регионе. Этот опыт сегодня, пожалуй, может служить примером едва ли не максимальной идеализации концептов этнической отличительности и «традиционности» коренных малочисленных народов, когда в процессе экспертизы составляется заключение, в процентах(!) измеряющее прогнозируемое воздействие промышленных проектов на «этнологическую среду» в местах «традиционного проживания» коренных малочисленных народов и их «исконной» хозяйственной деятельности.

В целом же, обобщая сказанное выше о корреляции между практикой этнологических экспертиз в России и содержанием нормативной базы в сфере защиты прав коренных малочисленных народов, необходимо заметить, что ситуация, по-видимому, не будет радикально меняться до тех пор, пока язык российского законодателя и государственных чиновников не перестанет транслировать в общество именно ту наивно-романтическую терминологию, о критике которой идет речь в обсуждаемой нами работе. В связи с этим закономерен также вопрос о присутствии/отсутствии российских этнологов в качестве экспертов на тех рабочих площадках органов

власти, на которых подобная идеология формируется как основа государственной (этно)национальной политики. Очевидно, что здесь роль этнолога должна быть не менее значимой и активной, чем в «поле» в процессе сбора и анализа материалов для оценки сложившейся ситуации.

Еще одна нежелательная особенность российской практики этнологической экспертизы, отмеченная в статье, открывшей дискуссию на страницах «Этнографического обозрения», состоит в явном недостатке строгой аналитики и, как следствие, доказательной базы для высказываемых рекомендаций по урегулированию конфликтов на землях коренных малочисленных народов и развитию механизмов компенсации ущерба, нанесенного местным сообществам добывающими компаниями. В данном аспекте критики этнологической экспертизы как прикладной практики можно частично с инициатором дискуссии согласиться. Однако к этому необходимо добавить, что главная проблема, возможно, заключается не только в слабой аналитической проработке материала или ее фактической замене на эмоциональную риторику по существу возникающих для коренных малочисленных народов угроз в связи с развитием на их землях промышленных проектов по добыче полезных ископаемых или строительству объектов индустриальной инфраструктуры.

Возможно, гораздо более серьезным ограничением для развития самой практики экспертных этнологических (социально-антропологических) исследований в России является именно несопоставимость и неуниверсальность результатов экспертиз, выполненных различными научными коллективами. Их из-за существенного разнообразия применяемых подходов, решаемых задач и используемых данных фактически невозможно между собой сравнить, а, стало быть, невозможно и понять, какая из имеющихся практик наиболее близка к достижению реального улучшения ситуации. Если использовать для ответа на этот вопрос наиболее объективный критерий – достижение/недостижение реальных эффектов в части улучшения социально-экономического положения обследованных групп коренных малочисленных народов, редукции конфликтов на их землях, перехода местных сообществ и добывающих компаний к реальной практике взаимовыгодного сотрудничества и соуправ-

ления территорией, – то, кажется, ни одна из осуществленных экспертиз не может быть признана на 100% эффективной, возможно, за исключением сахалинской (и то с известной долей скепсиса). В подавляющем большинстве случаев ключевые угрозы для индигенных групп продолжают существовать и способствовать росту социальной напряженности: ни одна из добывающих компаний не прекратила и не снизила добычу ресурсов и даже не перенесла ни одну из своих производственных площадок на лицензионные участки недр, отстоящие от мест проживания и хозяйственной деятельности местных сообществ; ни один из промышленных проектов в России не был заблаговременно согласован с местной общественностью в виде ее добровольного непринужденного согласия²; коренные народы и их представители практически не имеют реального доступа к общественному контролю производственных процессов и их опасных факторов и т.д. Максимум, чего в ряде случаев удалось достичь, это финансирование за счет средств недропользователей отдельных программ социальной ответственности, которые к тому же не всегда носят системный характер и могут в любой момент прекратиться по истечении сроков действия договоров социального партнерства.

В этом контексте нерешенных вопросов, которые тем не менее в перспективе займут свое место в российской повестке, видится довольно масштабное пространство для новых практик прикладной этнологии (социальной антропологии), необходимость которых уже сегодня начинает явственно проявляться в отдельных регионах. Как минимум это связано с задачами не просто оценивать состояние «этнокультурной среды» коренных малочисленных народов на стадии согласования промышленного проекта, прогнозировать потери местных сообществ и определять на этой основе компенсационные меры, но также осуществлять мониторинг на всем протяжении его жизненного цикла проекта вплоть до завершения добычи и реализации рекультивационных мероприятий. В этом направлении применимыми в российских условиях могут оказаться уже зарекомендовавшие себя за рубежом практики, такие, к примеру, как *Community Based Participatory Monitoring* (Vanclay 2015: 6).

Следует отметить, что в российской практике взаимодействия добывающих компаний и местных сообществ проблема перехода к

эффективным формам сотрудничества уже поставлена. Предпринимаются первые попытки разработать и внедрить соответствующие механизмы. В этом смысле небезынтересен опыт угольных компаний Кузбасса (*Поддубиков 2017*) последних двух лет, в течение которых в регионе разработаны и прошли предварительные согласования два важных документа: «Руководство для бизнеса по построению социального диалога с коренными малочисленными народами: алгоритм действий» (*Перфильева и др. 2017*), а также типовая форма корпоративного стандарта для угольных предприятий «Взаимодействие с коренными малочисленными народами». В основе своей эти инициативы направлены на вовлечение представителей коренных малочисленных народов в: (1) оценку социального и экологического воздействия на местные сообщества со стороны производственных процессов угледобычи; (2) определение размеров и форм компенсаций за наносимый угольными компаниями ущерб среде обитания, природопользованию и образу жизни коренных народов; (3) формирование программ местного социально-экономического развития; (4) решение вопросов, связанных с вынужденным расселением и переселением уязвимых групп населения территорий, попадающих под воздействие угольных компаний.

В настоящее время эти практики по ряду причин еще не запущены, но в будущем они могут потребовать внимания антропологов и этнологов в части организации систематического мониторинга (с вовлечением местной общественности) ключевых показателей достижения эффективного двустороннего взаимодействия и снижения социальной напряженности в районах угледобычи. Кстати, для Кузбасса эти цели актуальны не только в контексте коренных малочисленных народов, отдельные локальные группы которых в действительности испытывают на себе все самые тяжелые негативные воздействия со стороны добывающих компаний, но также для всего населения в районах экстенсивной добычи и переработки каменноугольного сырья. Следуя логике западных практик прикладной антропологии, и они должны стать объектом соответствующих исследований и вытекающих из них решений.

В заключение стоит еще раз отметить своевременность дискуссии об этнологической экспертизе, что вполне отчетливо явствует

из наличия перспективных задач и актуальных областей приложения усилий коллег-этнологов и антропологов в целях снижения социальных рисков экстрактивизма. Объективно наша дисциплина, точнее ее прикладное направление, в этом процессе может играть одну из ключевых ролей.

Примечания

¹ Ст. 1 процитированного законопроекта определяет этнологическую экспертизу как оценку «...социально-культурных последствий внедряемой хозяйственной деятельности и иных управленческих решений на объекты этнокультурного наследия граждан Российской Федерации», что существенно отличается от до сих пор существовавших интерпретаций, в т.ч. тех, что лежали в основе уже осуществленных в российских регионах экспертных исследований. Так или иначе, все они фокусировались на оценке воздействия (социального, экологического) на локальные сообщества коренных народов промышленных проектов, и именно их риски в первую очередь старались минимизировать эксперты-этологи. Собственно, в этом направлении и был наработан весь имеющийся исследовательский опыт. Новая же норма расширяет предметное поле этнологической экспертизы, уходя от фокуса на коренных народах и их проблемах, но одновременно и обезличивает его, вводя никак не поясняемое понятие объекта этнокультурного наследия граждан РФ. В законопроекте присутствуют указания лишь на то, что перечень таких объектов будет составлен органами государственной власти. Критерии составления перечня, равно как и само содержательное наполнение данной правовой категории в настоящий момент не ясны. Таким образом, «огосударствление» этнологической экспертизы в России, возможно, будет связано с существенной формализацией самой процедуры и (чего бы никак не хотелось) ее исследовательской составляющей. Оставим здесь без комментариев, каковой в перспективе может быть реакция представителей коренных народов, регулярно требующих проведения этнологической экспертизы, когда станет ясно, что для

защиты прав аборигенов, скажем на территории фактического традиционного природопользования, необходимо сначала обосновать их включение в перечень объектов этнокультурного наследия граждан РФ. По сути, это само по себе уже может (или должно) послужить поводом для проведения экспертизы. Круг замкнулся...

- ² Ту стандартную практику общественных слушаний, которая повсеместно применяется, оставим здесь без комментариев.

Источники и литература

- Перфильева Е.В., Белозерова С.С., Чиликова О.С., Мальцева Н.В.* Руководство для бизнеса по построению социального диалога с коренными малочисленными народами: алгоритм действий. Новокузнецк: ООО «ИнЭКА-консалтинг», 2017.
- Поддубиков В.В.* Стандарты социальной ответственности в практике взаимодействия угольных компаний Кузбасса и коренных малочисленных народов: социально-антропологический анализ в контексте мирового опыта исследования ресурсных конфликтов // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сборник материалов / Отв. ред. А.Е. Загребин, М.Ю. Мартынова. М.; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. С. 418.
- Проект Федерального закона Российской Федерации «Об этнологической экспертизе» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. 2018.
- Садовой А.Н.* (отв. ред.) Этнологическая экспертиза. Вып 2: Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области. Новосибирск: Параллель, 2008.
- Садовой А.Н.* (отв. ред.) Этнологическая экспертиза. Вып. 1: Оценка воздействия ООО «МетАЛ», ОАО «ММК» – «Магнитогорский металлургический комбинат» и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел») на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашенской сельской администрации МО «г. Мыски» Кемеровской области. Кемерово: Изд-во ИУУ СО РАН, 2005.

- Соколов М.М., Титаев К.Д. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.
- Функ Д.А. «Этнологическая экспертиза»: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 66–79.
- Этнологическая экспертиза (продолжение дискуссии № 6-2018) /А. Г. Новожилов, Н. Б. Вахтин, С. А. Арцемович, Ю. В. Рожкова, С. О. Ковальский, Д. А. Функ // Этнографическое обозрение 2019. № 4. С.131–154.
- Vanclay F. Social Impact Assessment: Guidance for Assessing and Managing the Social Impacts of Projects. Fargo ND: International Association for Impact Assessment, 2015.

7.3. ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ: ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА VS ОЦЕНКА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Юлия Владимировна Рожкова

В статье, послужившей началом дискуссии на страницах журнала «Этнографическое обозрение», Д.А. Функ (Функ 2018) призывает коллег-антропологов обратиться к международному опыту проведения исследований влияния хозяйственной деятельности на аборигенные сообщества, заменить понятия и принципы этнологической экспертизы (далее — ЭЭ) практиками и процедурами оценки социального воздействия, которая осуществляется не только в отношении коренных сообществ, но всех групп, подверженных влиянию (*impacted communities*). Основным аргументом автора статьи в пользу такого хода: наличие выработанных в практике оценки социального воздействия понятных процедур проведения такого рода исследований, которые позволяют более адекватно определить степень влияния компаний и разработать механизмы защиты/сотрудничества для местного населения.

Я согласна с Д.А. Функом в том, что подход к выполнению прикладных исследований и экспертиз важно изменить. В своей реплике я бы хотела дополнить приведенный выше аргумент, сделав акцент на прикладных исследованиях оценки стратегий (планов, программ) развития как еще одном процессе, влияющем на жизнь аборигенных или просто локальных групп, что, как мне представляется, невозможно при сохранении понятий и смысла этнологической экспертизы. В Международной ассоциации оценки социального воздействия (англ. International Association for Impact Assessment) выделяют несколько типов прикладных исследований, позволяющих проанализировать какие-либо влияния со схожими

принципами. Помимо оценки воздействия на окружающую среду (в российской практике ОВОС, в международной — *environmental impact assessment, EIA*) и оценки социального воздействия (*social impact assessment, SIA*), подразумевающих исследования влияния на природную среду и социальную сферы конкретного проекта, относительно полно описанных в русскоязычной литературе, существует еще одна, которую я бы хотела подробнее рассмотреть и которая мне также представляется важной и в некотором смысле объединяющей и дополняющей объекты вышеназванных исследований. Речь идет об анализе стратегических программ развития и стратегических проектов (преимущественно государственных).

Оценка стратегического воздействия (*strategic impact assessment* или *strategic environmental assessment, SEA*) применяется на этапе планирования государственных программ развития (национальных или региональных), и главная ее цель — проанализировать, насколько они будут отвечать принципам устойчивого развития и какое воздействие окажут на окружающую среду, экономику и сообщества, которые попадут под влияние (*Partidario* 2012). При этом она не отменяет и/или не заменяет оценки социального воздействия и воздействия на окружающую среду, а дополняет их и предшествует им. SEA предполагает бóльшую длительность, проработку большего числа альтернативных сценариев. В отличие от EIA и SIA она фокусируется не на получении разрешения на реализацию того или иного проекта, а на выработке политик, планов и программ, которые будут спускаться на более низкие исполнительские уровни (OECD 2006: 32). Законодательно оценка стратегического воздействия закреплена в Евросоюзе (*European SEA Directive* 2001); выпущены международные руководства по ее проведению (OECD 2006; *Integrated Assessment* 2009; *World Bank* 2011).

Подобный вид оценки требует интердисциплинарного подхода, однако пока в нем мало задействованы антропологи¹, хотя мне представляется, что это могло бы быть одной из возможностей расширения нашего поля прикладных исследований. Так, например, если говорить об изучении отношений коренных сообществ, промышленности и власти, то, вероятно, предварительный анализ национальных программ развития регионов (Дальнего Востока, Арктики)

мог бы снизить градус напряженности, поскольку местное население не ставили бы просто перед фактом, что вблизи их мест проживания планируется построить карьер или проложить нефтепровод (ситуация, в которой локальное сообщество уже сталкивается с конкретными компаниями, планирующими здесь работать), а проговаривались бы заранее, «на берегу», все потенциальные ограничения, возможности и потребности людей. Кроме того, мне кажется, что требуемый холистический подход к проведению оценки стратегического воздействия (OECD 2006: 17) близок как один из главных принципов работы практикам социальных антропологов. Полагаю, что именно эти специалисты могли бы сыграть позитивную роль в исследованиях, касающихся социального измерения SEA.

Здесь я хочу обратиться к инициативе по оценке государственных проектов (планов?) в рамках проведения этнологической экспертизы. В российской практике не сложилось общего понимания ЭЭ (Функ 2016; Данилова 2018), поэтому (а может быть и вследствие этого) до сих пор идут обсуждения федерального закона, который упорядочил бы такие исследования. В ходе общественных слушаний, прошедших уже более года назад, было предложено «предусмотреть обязательность проведения [ЭЭ]... при реализации масштабных государственных проектов» (Заключение 2018). Это можно расценить как шаг навстречу мировой практике (осознанный или нет), однако, на мой взгляд, осуществлять такого рода исследования в рамках этнологической экспертизы не получится. Одна из причин — это сохраняющийся в законодательстве (и в региональном, и в федеральном) патерналистский и романтизирующий подход к аборигенным сообществам (Функ 2018; Поддубиков 2018). Такой подход исключает возможность равноправного диалога (см. также: Басов 2018), даже несмотря на то, что в Якутии этнологическая экспертиза намеренно вынесена в раздел частного права (Слепцов 2018)². Кроме того, в законодательстве (в первую очередь республиканском) термины и понятия сформулированы очень узко, в то время как государственные (или, как они чаще называются, «национальные») проекты подразумевают комплексность и широкий горизонт охвата. Поэтому непонятно, что должна оценивать экспертиза: то ли исключительно стратегии и политики в отношении проблем КМНС, то ли регио-

нальные проекты развития. Важным ограничением представляется и низкий уровень вовлечения коренных сообществ в проведение оценки при существующем законодательстве и фактическом отсутствии механизмов контроля и со-управления (Функ 2018).

Инициатива проведения оценки государственных/национальных проектов и планов заслуживает дальнейшей разработки и претворения в жизнь. Тем не менее, думаю, более продуктивным было бы реализовать эту идею в рамках не этнологической экспертизы, а более комплексных прикладных исследований с использованием междисциплинарного подхода. А для этого и следует обратиться к существующему международному опыту, так же как и в случаях оценки проектного воздействия.

Примечания

- ¹ Об этом можно судить, в частности, на основе обзора академических работ по EIA и SEA (Fischer, Hayes 2015).
- ² Доказательством такого неравноправия могут служить примеры невыполнения компаниями предписаний этнологической экспертизы (см., напр.: Мартынова, Новикова 2011) или частичного выполнения (Новикова 2018; Слепцов 2018).

Литература

- European SEA Directive 2001 — Directive 2001/42/EC of the European Parliament and of the Council of 27 June 2001 on the Assessment of the Effects of Certain Plans and Programmes on the Environment // EUR-Lex. Access to European Union law. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32001L0042>
- Fischer T.B., Hayes S. Environmental Impact Assessment and Strategic Environmental Impact Assessment Research in the UK // Journal on Environmental Assessment Policy and Management. 2015. Vol. 17. No. 1. P. 1550016-1–150016-12.
- OECD 2006 — Applying Strategic Environmental Assessment: Good Practice Guidance for Development Cooperation. Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development, 2006.

- Partidario M.R. Strategic Environmental Assessment: Better Practice Guide — Methodological Guidance for Strategic Thinking in SEA. Lisbon, 2012.*
- Integrated Assessment: Mainstreaming Sustainability into Policy-Making: A Guidance Manual. Geneva: United Nations Environment Program, 2009.
- World Bank 2011 — Strategic Environmental Assessment in Policy and Sector Reform: Conceptual Model and Operational Guidance. Washington, DC: World Bank, 2011.
- Басов А.С.* Диалог и бюрократические процедуры: этнологическая экспертиза в Республике Саха (Якутия) РФ // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 91–123. <https://doi.org/10.17223/2312461X/20/6>
- Данилова Е.Н.* Этнологическая экспертиза: современные концепции и подходы // Уральский исторический вестник. 2018. No 1 (58). С. 127–134.
- Заключение Общественной палаты Российской Федерации по результатам общественной экспертизы проекта федерального закона «Об этнологической экспертизе в Российской Федерации». https://www.oprf.ru/files/1_2018dok/zakl_etnologicheskaya_expertiza29052018.pdf
- Мартынова Е.П., Новикова Н.И.* Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения: этнологическая экспертиза 2011 года. М.: ИП. А.Г. Яковлев, 2012.
- Новикова Н.И.* Комментарий: Этнологическая экспертиза: уроки России // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 87–92.
- Поддубиков В. В.* Комментарий: Этнологическая экспертиза: десятилетия российского опыта и контекст мировой исследовательской повестки // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 96–100.
- Слепцов А.Н.* Комментарий: Правовые основы этнологической экспертизы // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 92–95.
- Функ Д.А.* «Ресурсное проклятие» (поиск новых подходов к «этнологической экспертизе» и оценке социального воздействия управленческих решений) // Мир культуры народов Севера:

арктический вектор / Под общ. ред. О.Н. Астафьевой. М.: ООО «ИПП «КУНА»», 2016. С. 263–270.

Функ Д.А. «Этнологическая экспертиза»: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 66–79.

7.4. ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ АНТРОПОЛОГИИ И ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Святослав Олегович Ковальский

В научном дискурсе этнологическая экспертиза (далее — ЭЭ) так или иначе соотносится с (прикладной) антропологией (см., напр.: Новикова 2014; Функ 2018; Уилсон, Свидерска 2008; Stammer, Wilson 2006), что в принципе неудивительно: значительная часть авторов, пишущих об ЭЭ — специалисты именно в этой области. Внимание антропологов (этнологов, этнографов) к ЭЭ кажется само собой разумеющимся, пожалуй, не в последнюю очередь из-за советской инерции: самого названия дисциплины (этнология) и ее предмета (этничности). Столь же само собой разумеющейся, на первый взгляд, кажется и привилегированная вовлеченность оных в ЭЭ как специалистов по этническим группам, их истории и культуре¹. В то же время ЭЭ рассматривается как практика оценки воздействия и сравнивается с другими такого рода практиками, осуществляющимися как за границей, так и в пределах страны (напр., Murashko 2006), но в первую очередь — оценкой социального воздействия (англ. Social Impact Assessment; далее — SIA) (Функ 2018; Wilson 2017). Однако, если мы обратимся к мировому опыту SIA, будет ли роль антропологов столь же очевидной как в случае с ЭЭ? Именно об этой роли я представлю краткое рассуждение, отталкиваясь от материалов Международной ассоциации оценки воздействия² (далее — Ассоциация) — наиболее авторитетной организации в этой экспертной области.

«Дисциплинарность» оценки социального воздействия

В 2012 г. в журнале Ассоциации «Impact Assessment and Project Appraisal» А. М. Эстевес, Д. Фрэнкс и Ф. Ванклей в статье о состоянии SIA дали последнему и такое определение среди прочих:

...оценка социального воздействия — это междисциплинарная и/или трансдисциплинарная социальная наука, которая инкорпорирует множество [научных] областей, включая социологию, антропологию, демографию, исследования развития, гендерные исследования, социальную и культурную географию, экономику, политическую науку и права человека, коммунальную и энвайронментальную психологию, методы социальных исследований и экологического права (Esteves et al. 2012: 34).

В логике этого определения дисциплинарные поля антропологии и изучения социального воздействия оказываются пересекающимися, однако пересечение это происходит в «общесоциально-научной» части.

Те же авторы в сотрудничестве с И. Аукамп в подготовленном в 2015 г. под эгидой Ассоциации руководстве по SIA (Vanclay et al. 2015), утверждают, что экспертные работы в этой области должны осуществляться исключительно «социальными специалистами» — антропологами, психологами, географами, социологами, социальными и медицинскими работниками и другими (Ibid.: 53) — обладающими соответствующей (сиречь специальной) подготовкой. Антропологи здесь упоминаются (в скобках и) наравне с другими академическими и практическими идентичностями, а главным условием предстаёт компетентность в области социальных наук³ вообще и социальной оценки в частности. Следовательно, можно сделать вывод, что названная оценка вполне может проводиться и без последних — силами других компетентных специалистов.

Таким образом, по крайней мере в этих двух текстах антропология и антропологи предстают лишь одними из возможных (желательных, но необязательных?) компонентов SIA.

В поисках российской оценки социального воздействия⁴

В профессиональной литературе в кандидаты на звание российской оценки социального воздействия выдвигают две практики: ЭЭ (напр., Функ 2018) и социальную (социально-экономическую) составляющую оценки воздействия на окружающую среду (далее —

ОВОС) (напр., *Gulakov, Vanclay 2018*). Впрочем, ни в одном из кандидатов признать оценку социального воздействия без оговорок невозможно. Так, ЭЭ ограничивается рассмотрением этнического аспекта воздействия, обходя вниманием большую часть социальной жизни людей (*Функ 2018: 77*). В свою очередь ОВОС ограничен оценкой социальных последствий воздействия на окружающую среду⁵, то есть концептуальным несовершенством подчинения социального воздействия — природному (*Gulakov, Vanclay 2018: 503*). Если учитывать эти ограничения, то о «русской оценке социального воздействия» говорить становится возможно лишь условно.

Особенно очевидной условность идентификации ЭЭ и социальной составляющей ОВОС в качестве оценки социального воздействия становится на фоне лучших мировых практик. Так, сопоставление первой с международной практикой (в изложении вышеупомянутого руководства) и вовсе представляет проблему: в рамках международной практики предполагается *особое внимание* в отношении коренных народов (*Vanclay 2015: 16–19*), а в рамках ЭЭ — *исключительное*. Концептуально оценка социального воздействия рассматривает этническое как частный случай социального — ЭЭ подчиняет социальное этническому. В то же время социальная составляющая ОВОС принципиально сопоставима с международной практикой, поскольку структурно аналогична ей: исторически оценка социального воздействия выделилась из энвайронментальной (*Wilson 2017*). Тем не менее по итогам такого сопоставления И. Гулаков и Ф. Ванклей пришли к неутешительному выводу о несоответствии российской международным стандартам SIA (см.: *Gulakov, Vanclay 2018*). В свете этого содержательного несоответствия российских практик лучшим мировым институциональный статус оценки социального воздействия оказывает под вопросом.

Более того, кроме этих содержательных расхождений есть еще и «организационные» различия между соответствующими экспертными сообществами. Международное, а также некоторые национальные сообщества (преимущественно англоязычные) организованы в ассоциации, комитеты и «хабы»⁶ (при условии знания английского языка почти вся эта «инфраструктура» доступна российскому эксперту). В этих пространствах SIA как дисциплина ин-

ституализирована объединениями, периодическими изданиями и нормативными документами. В России же, как мне кажется, при несомненном наличии экспертов в области оценки воздействия проектов развития (не в последнюю очередь из числа тех, кто имеет опыт проведения ЭЭ и ОВОС) не сложилось еще единое экспертное сообщество (но хочется надеяться, оно складывается): нет общероссийских и региональных объединений, сильны дисциплинарные барьеры, ограничен доступ к информации о проведенных оценках (как правило, доступен только «результат»). Другими словами, говорить об институционализации оценки социального воздействия в России, к сожалению, рано.

О прикладной антропологии

Поскольку в России оценка социального воздействия не институализирована, то речь может идти лишь о «дисциплинарности» ЭЭ и ОВОС. В случае ЭЭ, законодательно неурегулированной на федеральном и большей части региональных уровнях, разумной представляется характеристика, основанная на дисциплинарной идентификации их исполнителей. Последние в большинстве известных мне неофициальных ЭЭ — антропологи (*Головнев и др.* 2014; *Звиденная, Новикова* 2010; *Мартынова, Новикова* 2011; *Мурашко* 2002), что позволяет рассматривать этнологическую экспертизу в качестве антропологической практики⁷.

Напротив, ОВОС — официальная процедура, и то, как она практикуется в соответствии с «Положением об оценке воздействия намечаемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду»⁸ и сводом правил «Инженерные изыскания для строительства»⁹, предполагает проведение преимущественно естественнонаучных исследований. Несмотря на наличие социальной составляющей, необходимость привлечения представителей социальных наук нигде особо не оговаривается. По сообщению И. Гулакова и Ф. Ванклея, социальные исследования в рамках оценок воздействия обычно проводятся самими компаниями — силами корпоративных экологов (*Gulakov, Vanclay* 2018: 503). Это согласуется и с моим опытом: в личном общении руководитель департамента экологической безо-

пасности крупной золотодобывающей корпорации (группы компаний) сообщила мне, что оценка воздействия на окружающую среду их предприятия была подготовлена силами департамента под ее руководством и геологоразведочной компании, входящей в группу (ПМА). Вовлеченность, таким образом, не то что антропологов, а социальных исследователей вообще в ОВОС — большой вопрос.

В этом российском контексте обращает на себя внимание разобщенность экспертных сообществ. С одной стороны, сообщество экспертов-антропологов, одна часть которого борется за придание ЭЭ официального статуса (*Novikova, Wilson 2017*), другая — за содержательное преобразование практики до уровня SIA (*Функ 2018*); обе — за прикладную — против рекомендательной — антропологию. С другой стороны, сообщество ОВОС — мало/незнакомое антропологам и мало/незаинтересованное в прикладной социальной науке как таковой. Такое положение дел, пожалуй, даже более точный показатель неинституционализированности оценки социального воздействия в России.

И всё же, если попытаться вообразить институционализацию, чего бы она потребовала от вовлекаемых российских антропологов? Предполагаю, что в первую очередь социально-научной переориентации и интенсификации взаимодействия с представителями социальных наук. От антропологов потребовались бы такие «прикладные антропологии», которые были бы сопоставимы не только между собой, но и с другими прикладными социальными исследованиями. Это бы в свою очередь затронуло профессиональную идентичность российских антропологов, потому что в России до сего дня их дисциплина, пожалуй, в силу упоминавшийся советской инерции, гуманитарна.

В заключение я хочу привести пример разработки закона об экологической экспертизе, которая, по воспоминаниям Н. И. Новиковой (*Новикова 2018: 89*), стала возможна благодаря *объединенным* усилиям. Мне кажется, именно такие — объединенные — усилия, в данном случае представителей разных социальных наук и специальностей, необходимы для институционализации и даже появления в России оценки социального воздействия. В условиях продолжающейся экспансии добывающей промышленности и со-

ответствующей экстрактивной государственной политики такой инструмент может оказаться полезным.

Примечания

- ¹ Хотя тема «этнического» — не исключительно антропологическая (см., напр.: *Брубейкер* 2012). В то же время сама идея того, что антрополог (или любой другой представитель социальных наук, который «занимается» этническим) — это специалист по этнической культуре (не будучи ее носителем, как в большинстве случаев), кажется мне странной. В моем представлении антропологи — специалисты по антропологии, соответствующей социальной теории и методам социальных исследований, в т. ч. «этнического», «культуры» и других сущностей социальной онтологии. Специалистами же по этнической культуре являются собственно люди («информанты»), от которых антропологи об этой культуре узнают.
- ² Англ. *International Association for Impact Assessment*, см.: <https://www.iaia.org>
- ³ Примечательно, что среди авторов этих текстов нет ни одного антрополога.
- ⁴ Проведенные же по заказу «Сахалин Энерджи» и УК «Колмар» оценки социального воздействия, хоть и осуществлялись в российском поле и при участии российских экспертов, на мой взгляд, нельзя назвать собственно российскими, т. к. их проведение обусловлено не требованиями российского законодательства или доброй волей самих добывающих компаний, а условиями, выдвигаемыми международными финансовыми организациями (см.: *Мамонтова* 2015: 117; *Gulakov, Vanclay* 2018: 497).
- ⁵ Хотя, согласно федеральному закону «Об охране окружающей среды», «окружающая среда — это совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов» (Федеральный закон от 10.01.2002 No 7-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «Об охране окружающей среды». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/), на практике под ней понимается лишь первое — «природная среда».

- ⁶ См., напр.: The Interorganizational Committee on Guidelines and Principles for Social Impact Assessment и <http://www.socialimpactassessment.com>
- ⁷ Исключение здесь составляет ЭЭ в Республике Саха (Якутия) — единственном субъекте РФ, где процедура законодательно урегулирована, однако, по замечанию Н. И. Новиковой, антропологи в ней не всегда участвуют (Новикова 2018: 92). Подробнее об ЭЭ в Республике Саха (Якутия) см.: Басов 2018.
- ⁸ Приказ Госкомэкологии РФ от 16.05.2000 № 372 «Об утверждении Положения об оценке воздействия намечаемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в Российской Федерации». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27864
- ⁹ Инженерные изыскания для строительства. Основные положения / Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. М., 2016. <http://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/213/merged.pdf>

Литература

- Басов А.С. Диалог и бюрократические процедуры: этнологическая экспертиза в Республике Саха (Якутия) РФ // Сибирские исторические исследования. 2018. No 2. С. 91–123. <https://doi.org/10.17223/2312461X/20/6>
- Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
- Головнев А.В., Лёзова С.В., Абрамов И.В., Белоруссова С.Ю., Бабенкова Н.А. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: АМБ, 2014.
- Звиденная О.О., Новикова Н.И. Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 года). М.: ИД «Стратегия»; ИП Андрей Яковлев, 2010.
- Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения: этнологическая экспертиза 2011 года. М.: ИП. А.Г. Яковлев, 2012.
- Мурашко О.А. (отв. ред.) Опыт проведения этнологической экспертизы: оценка потенциального воздействия программы ОАО

«Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп коренных малочисленных народов Севера. М.: Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, 2002.

Новикова Н. И. Комментарий: Этнологическая экспертиза: уроки России // *Этнографическое обозрение* 2018. № 6. С. 87–92.

Уилсон Э., Свидерска К. Горнодобывающая промышленность и коренные народы в России: регулирование, участие и роль антропологов // *Этнографическое обозрение* 2008. № 3. С. 17–28.

Функ Д. А. «Этнологическая экспертиза»: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов // *Этнографическое обозрение* 2018. № 6. С. 66–79.

Esteves A.M., Franks D., Vanclay F. Social Impact Assessment: The State of the Art // *Impact Assessment and Project Appraisal*. 2012. Vol. 30. No. 1. P. 34–35. <https://doi.org/10.1080/14615517.2012.660356>

Gulakov I., Vanclay F. Social Impact Assessment in the Russian Federation: Does It Meet the Key Values of Democracy and Civil Society? // *Impact Assessment and Project Appraisal*. 2018. Vol. 36. No. 6. P. 494–505. <https://doi.org/10.1080/14615517.2018.1507111>

Murashko O. What Is the Etnologicheskaja Ekspertiza in Russia? // *Sibirica*. 2006. Vol. 5 (2). P. 77–94.

Novikova N., Wilson E. Anthropological expert review: socio-cultural impact assessment for the Russian North. 2017. https://arran.no/sites/a/arran.no/files/arran_lule_anthro_expert_review_paper8_web.pdf

Stammler F., Wilson E. Dialogue for Development: An Exploration of Relations between Oil and Gas Companies, Communities and the State // *Sibirica*. 2006. Vol 5 (2). P. 1–42.

Vanclay F., Esteves A.M., Aucamp I., Franks D. Social Impact Assessment: Guidance for Assessing and Managing the Social Impacts of Projects. Fargo ND: International Association for Impact Assessment, 2015.

Wilson E. What is Social Impact Assessment. 2017. https://arran.no/sites/a/arran.no/files/what_is_sia_paper3_web.pdf

7.5. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ КОММЕНТАРИИ

Дмитрий Анатольевич Функ

Отработанная практика проведения оценок социального воздействия управленческих решений распространяется довольно быстро. За время, прошедшее с момента подачи статьи в редакцию журнала «Этнографическое обозрение» до того дня, когда я получил первую часть комментариев и сел за написание ответа, в Португалии, например, вышел перевод известной работы Ф. ВанКлэя *Social Impact Assessment: Guidance for Assessing and Managing the Social Impacts of Projects* (личная переписка автора: email от 03.06.2018 г.). В этот же временной промежуток в журнале «Сибирские исторические исследования» были опубликованы четыре статьи в специальной теме номера «Ресурсное проклятие в постсоветской Сибири», в которых на материалах региона в целом (Funk 2018), а также ряда кейсов – по организации этнологической экспертизы в Якутии, рассматриваемой как бюрократическая процедура (Басов 2018), по стратегиям жизнеобеспечения в заброшенных военных городках на Курилах (Бородулина 2018), а также по специфике влияния угледобывающих компаний на индигенные группы населения на примере Кузбасса (Поддубиков, Арцемович, Функ 2018) – были предложены варианты теоретических рамок, позволяющие под новым углом взглянуть на, казалось бы, уже давно известные феномены. Все это не просто свидетельствует о незатухающем интересе к обсуждению проблем практического применения экспертного знания антропологов, но также избавляет меня от необходимости подробно комментировать некоторые пожелания, замечания, соображения оппонентов, т.к. теперь появилась возможность отсылки читателя к соответствующим публикациям.

Все поступившие отклики¹, как мне видится, важны не только в плане прояснения позиций их авторов, но также и для уточнения отдельных деталей и в целом для определения феномена ЭЭ в России.

В представленной мной для обсуждения статье, ограниченной по объему журнальными требованиями, не было возможности подробно останавливаться на анализе, безусловно, уникального опыта организации ЭЭ в Якутии (Величенко 2016: 19–24; Романова, Алексеева 2015: 361–364; Слепцов 2013: 71–75; Слепцов 2015: 15–24; Шадрин 2014: 331–337 и др.). Вместе с тем, я готов повторить свой – лишь на первый взгляд – кажущийся немотивированным вопрос: «Какие задачи в таком случае призвана решать [данная] “этнологическая экспертиза”, остается загадкой». В региональном законе и в практике его реализации в Республике Саха (Якутия) абсолютно очевидны и ориентация на этническое измерение социального бытия, и ограничение списком коренных малочисленных народов Севера, и использование терминологии, не имеющей под собой, с моей точки зрения, каких-либо научных оснований («исконная среда обитания», «этнологическая среда», «развитие этнологической ситуации» и др.). В развернутом отклике Н.И. Новиковой, фактически одного из инициаторов возвращения этнологов/антропологов в законотворческую деятельность (полагаю, где-то с середины 1990-х годов), в той части текста, где «народы» рассматриваются как «площадка», мы снова сталкиваемся с теми же фигурами речи: «Анализ традиционного образа жизни малочисленных народов, зафиксированного до осуществления намечаемой деятельности...»; «Оценка состояния традиционной культуры...»; «Определение и оценка возможных изменений в традиционном образе жизни...»; «Общий прогноз развития... этнокультурной ситуации»; «Разработка мер по предотвращению и/или снижению возможного негативного воздействия планируемой хозяйственной деятельности предприятия на исконную среду обитания и традиционный образ жизни...» (см. текст Н. И. Новиковой). Что понимается под этнокультурной ситуацией, традиционным образом жизни, традиционной культурой, какое отношение это имеет к оценке последствий и, главное, в чем будет выражаться эта оценка (в процентах, в рублях?) – именно эти вопросы, на мой взгляд, и продолжают оставаться ключевыми в наших дискуссиях о возможностях наших же экспертиз. Неважно, как будут названы «исследования по оценке состояния этнокультурной среды (языка, культуры, традиций)» (Слепцов 2018: 94) – комплекс-

ными и/или междисциплинарными, это все равно будет тот язык (и, полагаю, тот образ мысли, который этот язык отражает), который ни при каких обстоятельствах не позволит адекватно оценивать воздействие управленческих решений на жизнь местных сообществ. В. В. Поддубиков, мне кажется, наиболее четко сформулировал суть возникающей перед нами проблемы: «...особенность российской практики этнологической экспертизы... состоит в явном недостатке строгой аналитики и, как следствие, доказательной базы для высказываемых рекомендаций по урегулированию конфликтов на землях коренных малочисленных народов и развитию механизмов компенсации ущерба, нанесенного местным сообществам добывающими компаниями» (см. выше текст В.В. Поддубикова). В дополнение к сказанному отмечу, что существующая «процедура этнологической экспертизы в имеющихся культурных, дискурсивных и экономических условиях структурно *противоречит* возможности диалога (курсив мой. – Д.Ф.) между группами КМНС и промышленными компаниями» (подробно см. гл. 8).

Из наиболее значимых для дальнейшего обсуждения моментов, отмеченных в поступивших откликах, я бы особо выделил мысль Н. И. Новиковой о том, что сообщества (уточню лишь, что не обязательно «этнические»), с которыми мы сталкиваемся, это «стратифицированные общества с различными хозяйственными и культурными практиками» (см. текст Н.И. Новиковой). Упрощенный взгляд на эти сообщества, особенно характерный для ЭЭ в случае работы с индигенными группами, мне представляется одним из самых опасных в попытках помочь людям. Хорошо бы еще понять, кем или чем этот взгляд спровоцирован. Как показывает история антропологии, полевой этнограф часто (я бы сказал, слишком часто) не замечает, как становится пешкой в борьбе локальных элит за ресурсы/власть. Данная проблема вполне достойна обсуждения в случае продолжения разговора об этике.

Не менее значима мысль, высказанная в аналитически насыщенных откликах Н.И. Новиковой и В.В. Поддубикова, о необходимости публикаций и обсуждения существующих в стране практик ЭЭ, что чрезвычайно важно как для формирования у коллег более «широкого кругозора при выполнении ЭЭ» (см. текст Н.И. Новико-

вой), так и для решения проблемы «несопоставимости и неуниверсальности результатов экспертиз, выполненных различными научными коллективами» (см. текст В. В. Поддубикова). Практически во всех поступивших откликах упоминается в том или ином контексте опыт наших якутских коллег. Это вполне обоснованно, но... я бы хотел предложить коллегам найти публикации «оценок воздействия на этнологическую среду», осуществленных в Республике Саха (Якутия). Если не ошибаюсь, есть один-единственный пример такой публикации, на который можно наткнуться лишь на старой версии официального информационного портала Республики Саха (Якутия). В открытости информации мне видится один из залогов успешного развития экспертных практик в нашей стране.

Особо хочу отметить подходы молодых коллег, базирующиеся на их собственном полевом материале, знании отечественной, зарубежной литературы и практических рекомендаций, позволяющие не только на новом уровне обсуждать базовые проблемы, с которыми мы всякий раз сталкиваемся, пытаюсь рассуждать об этнологической экспертизе или реализовывать некую ее разновидность на практике, но и задавать новые, порой неожиданные вопросы, высказывать неординарные мысли. Это могут быть сомнения в возможности осуществления серьезной социальной оценки в рамках этого института в целом (Ковальский). Это может быть и указание на значимость оценок стратегических программ развития и стратегических проектов, позволяющих «проанализировать, насколько они будут отвечать принципам устойчивого развития, и какое воздействие окажут на окружающую среду, экономику и общества, которые попадут под влияние» (Рожкова), — о чем у нас, в отличие от ОВОС и ЭЭ, совсем или почти совсем не принято говорить. Автор реплики не просто указывает на существование такого рода процедур и методов в мировой практике, но и, на мой взгляд, абсолютно справедливо утверждает, что они нереализуемы при сохранении понятий и смысла этнологической экспертизы в том виде, в каком они в большинстве случаев понимаются у нас в стране. И это может быть, наконец, наиболее остро сформулированный во всей этой дискуссии вопрос: а насколько вообще антропологи нужны при проведении оценок социального воздействия? (Ковальский). Могут

лишь подписаться под словами С. О. Ковальского о том, что российская антропология «гуманитарна. Участие же в оценке социального воздействия потребует социально-научной переориентации и более интенсивного взаимодействия с представителями социальных наук». Как скоро это произойдет и какую роль мы (мы ли?) сможем сыграть в этом процессе, пока сказать сложно.

Как очевидные недостатки современных этнологических экспертиз, так и известные положительные принципы проведения оценок воздействия управленческой и бизнес-деятельности на социум, используемые за рубежом, диктуют те перспективные направления, развитием и обязательной имплементацией которых, безусловно, следует заниматься. На мой взгляд, пора уже «перестать — с оглядкой на изжившие себя риторические концепты — изобретать собственные виды “этноэкспертиз”, а начать, наконец, использовать накопленный в мире позитивный опыт проведения SIA...» (Функ 2018: 78), по необходимости дополняя и развивая его.

И последняя ремарка: безотносительно к процессу законотворчества на сей счет и к оценке нашей роли в этом процессе, хочу особо подчеркнуть, что такого рода открытые обсуждения чрезвычайно важны для профессионального сообщества, поскольку позволяют не забывать о рефлексии, в чем, на мой взгляд, и заключается кардинальное отличие науки от «управленчества».

Примечания

¹ Фактически откликов, поступивших в журнал «Этнографическое обозрение», редакции которого, пользуясь случаем, я хочу выразить признательность за организацию этой дискуссии и предоставление площадок в двух номерах, 2018, №6 и 2019, №4, было существенно больше. Я благодарен всем авторам этих откликов и хочу извиниться за невключение всех реплик в данное переиздание; это диктовалось исключительно неурегулированностью вопроса о возможности переиздания текстов, а не какими-то личными соображениями. Соответственно, в своих ответах мне пришлось до известной степени отредактировать исходный текст. Все включенные в настоя-

щую подборку реплики публикуются лишь с минимальной авторской правкой.

Литература

- Funk, D.A. The «Resource Curse» Phenomena in Post-Soviet Siberia (Russia): Anthropological Perspectives // Сибирские исторические исследования, 2018. № 2. С. 81–90.
- Басов А.С. Диалог и бюрократические процедуры: этнологическая экспертиза в Республике Саха (Якутия), РФ // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 91–123. <https://doi.org/10.17223/2312461X/20/6>
- Бородулина А.С. «Ресурсное проклятие» и стратегии жизнеобеспечения на острове Итуруп // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 124–141. <https://doi.org/10.17223/2312461X/20/7>
- Величенко В.В. К методике оценки воздействия на охотничьи ресурсы территорий коренных малочисленных народов Севера // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия «Экономика. Социология. Культурология». 2016. № 4 (4). С. 19–24
- Поддубиков В.В., Арцемович С.А., Функ Д.А. «Ресурсное проклятие» с антрацитовым отблеском: коренные народы и добывающие компании Кузбасса в ситуации конфликта // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 142–163. <https://doi.org/10.17223/2312461X/20/8>
- Романова Е.Н., Алексеева Е.К. Добывающие компании на земле оленеводов (этноэкспертиза на северо-западе Якутии) // Казанская наука. 2015. № 11. С. 361–364.
- Слепцов А.Н. Этнологическая экспертиза в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности народов севера: региональный опыт правового регулирования и правоприменительной практики // Евразийский юридический журнал. 2013. № 12 (67). С. 71–75.
- Слепцов А.Н. Государственная этнологическая экспертиза Республики Саха (Якутия) // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2015. № 1 (4). С. 15–24.

Функ Д.А. «Этнологическая экспертиза»: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов // Этнографическое обозрение 2018. № 6. С. 66–79.

Шадрин В.И. Этнологическая экспертиза в Якутии // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 331–337.

Глава 8

ДИАЛОГ И БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕДУРЫ: ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ) РФ

Александр Сергеевич Басов

Введение

В данном тексте я представлю некоторые этнографические данные, касающиеся практики государственной этнологической экспертизы в Республике Саха (Якутия)¹, основываясь на которых предложу аргумент о структурной непригодности существующей процедуры экспертизы для оправдания связанных с ней ожиданий о налаживании диалога и партнерских отношений между локальными группами КМНС и промышленными компаниями. Повествование построено следующим образом: вначале представлены концептуальные основания моего рассуждения и обоснована их применимость к процедуре этнологической экспертизы, охарактеризованы источники, на которые опирается проведённое исследование; затем даны общие сведения об этапах этнологической экспертизы и вовлеченных в неё участниках. Этапы экспертизы последовательно разбираются с точки зрения условий возможности диалога; в заключении обобщены факторы, препятствующие возможности диалога в рамках процедуры ЭЭ.

Идея исследования, описанного ниже, тесно связана с рассуждением о бюрократии, предложенным Д. Гребером в работе «Утопия правил» (*Graeber 2015*; рус. пер. *Гребер 2016*). Гребер различает два базовых модуса человеческого общения, связанного с координацией каких-либо действий и принятием решений: без вмешательства

насилия (собственно диалог) и с таковым (иерархическое общение). В первом модусе участникам взаимодействия приходится выполнять так называемую «работу воображения» (*interpretive labor*) по отношению друг к другу: когда участник А хочет наладить взаимодействие с участником Б, ему необходимо представлять себе, каково это – быть на месте Б, понимать, о чем Б беспокоится, на что он надеется, чего желает добиться и т.п. Если А не сможет заинтересовать Б в кооперации, она не состоится – ничто, кроме собственного желания, не толкает Б к взаимодействию с А.

Насилие преобразует ситуацию: если А силой может заставить Б выполнить желательную последовательность действий, то желания самого Б уже не имеют для него существенного значения, работу воображения можно отбросить. Это распространяется и на ситуации, которые хотя и не связаны с непосредственным использованием насилия, но подразумевают возможность его применения (ситуации структурного насилия²): например, Б заранее знает, что А готов применить силу и, выполняя дополнительную работу воображения, ведет себя так, чтобы не спровоцировать А. Структурное насилие создает искаженные структуры воображения (*lopsided structures of imagination*), поскольку способный применить насилие участник может экономить усилия на воображении и иметь очень упрощенное, схематичное представление о своем контрагенте.

Более сложным примером ситуации структурного насилия будет такое взаимодействие между А и Б, когда оба они знают о существовании В, который имеет право и возможность применять насилие и при этом устанавливает правила взаимодействия между А и Б. На уровне абстрактного рассуждения, по-видимому, следует принять, что участники будут прикладывать усилия, чтобы понять волю В, выраженную в правилах; при этом сами правила как таковые по определению являются условными и схематичными не только потому, что у В, согласно условиям рассуждения, нет необходимости выполнять работу воображения по отношению к А и Б и их взаимодействиям, но ещё и потому, что иначе они не могли бы быть приложены ко множеству различных ситуаций, т.е. быть собственно правилами. При этом А и Б имеют повод экономить на воображении друг друга, поскольку эта работа уже выполнена правилами,

в согласии с которыми они обязаны действовать. Впрочем, на это можно возразить, что ничто не мешает В составить действительно хорошие правила, которые бы подталкивали А и Б к взаимной работе воображения или даже обязывали к ней того из них, кто в силу каких-то причин уклоняется.

Последняя схема является модельной для бюрократических процедур, т.е. таких, в которых государство предлагает правила взаимодействия между участниками и поддерживает исполнение этих правил, опираясь на своё монопольное право на использование насилия. Процедура государственной этнологической экспертизы (далее по тексту также ЭЭ), как она действует в республике Саха (Якутия), конечно, в полной мере является бюрократической процедурой в указанном смысле. В неё вовлечены, с одной стороны, локальные группы коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС), ведущие традиционный образ жизни; с другой стороны, «хозяйствующие субъекты», намеренные реализовать ту или иную хозяйственную деятельность на территориях традиционного проживания КМНС Якутии; с третьей стороны, государство, принявшее ряд нормативно-правовых актов, регулирующих взаимодействие между локальными группами КМНС и хозяйствующими субъектами и обладающих принудительной силой: лица и организации, не подчиняющиеся предложенным правилам, привлекаются к ответственности.

Однако как в публичном, так и в академическом дискурсах от этнологической экспертизы ожидается установление диалога между хозяйствующими компаниями и КМНС, ЭЭ воспринимается как площадка, где последние могут выразить свое мнение, которое обычно не учитывается компаниями, гораздо более могущественными игроками во всех отношениях⁵ (ср. *Слепцов 2015, Новикова 2017*).

Таким образом, бюрократическая процедура ЭЭ воплощает проговариваемую различными акторами надежду на создание условий для возможности диалога, партнерских отношений между компаниями и коренными народами и полноценного участия последних в принятии касающихся их управленческих решений. Далее на материале полевого исследования будут рассмотрены возможности и ограничения функционирующей в настоящее время

в РС(Я) процедуры ЭЭ относительно её способности производить указанные условия.

Характеристика источников

Полевые материалы собирались в г. Якутске (июнь–июль 2016 г.), а также в г. Москве (сентябрь 2016 г., март 2017 г.) с использованием включенного наблюдения (заседание экспертной комиссии), а также полуструктурированных интервью с членами экспертной комиссии этнологической экспертизы, экспертами, исполнителями раздела проектной документации «Оценка воздействия на этнологическую среду» (далее также ОВЭС), главой муниципального образования, главным инженером компании-заказчика одной из экспертиз, автором закона об этнологической экспертизе. Помимо диктофонных записей, расшифровок, полевого дневника в состав полевых материалов также входят любезно предоставленные собеседниками в ходе полевого исследования документы, сопровождающие процедуру этнологической экспертизы: заключение экспертной группы на материалы ОВЭС; протокол заседания экспертной комиссии; отдельные разделы готовящегося ОВЭС; открытая документация по закупке, техническое задание, коммерческое предложение, а также договор на реализацию ОВЭС.

Литература, посвященная тем или иным аспектам проведения ЭЭ в РС(Я), также входит в состав источников исследования, поскольку авторы интересующих меня академических статей зачастую являются также акторами, участвующими с той или иной стороны в проведении экспертизы. Так, ряд статей написан либо экспертами этнологической экспертизы (*Слепцов* 2012, 2013, 2015; *Слепцов, Гоголев* 2016; *Величенко* 2016; *Пахомов, Мостахова* 2016; *Пахомов, Чомчоев* 2017), либо исполнителями ОВЭС (*Баишева* 2014, 2016; *Сосин* 2015; *Романова, Алексеева* 2015-б; *Потравный, Баглаева* 2015; *Потравный* и др. 2016; *Гассий* и др. 2016). Также часть статей написана экспертами, которые иногда выступают в качестве исполнителей ОВЭС (*Бурцева* и др. 2012; *Бурцева* 2015; *Шадрин* 2013, 2014, 2015).

Кроме материалов, собранных в процессе полевого исследования, и упомянутой академической литературы, источниками для

работы послужили также нормативно-правовые акты, регулирующие проведение этнологической экспертизы (законы, постановления, административные регламенты), материалы парламентских слушаний (как федеральных, так и региональных), отчеты глав муниципальных образований.

Этнологическая экспертиза и ее этапы

Этнологическая экспертиза является государственной услугой, которую предоставляет уполномоченный орган Правительства Республики Саха (Якутия). В нормативно-правовых актах этнологическая экспертиза определяется как «научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социальнокультурной ситуации на развитие этноса» (О гарантиях, ст. 1). Результатом проведения экспертизы является заключение, которое утверждается Правительством РС(Я); оно должно содержать «обоснованные выводы о допустимости (недопустимости) воздействия на исконную среду обитания и традиционный образ жизни малочисленных народов намечаемой хозяйственной и иной деятельности и о возможности ее реализации» (Об этнологической экспертизе, ст. 8) и может быть, соответственно, положительным или отрицательным. В отсутствие положительного заключения реализация хозяйственной и иной деятельности в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов не является легальной.

При реализации этнологической экспертизы события разворачиваются в такой последовательности. Юридическое лицо, предполагающее какую-либо деятельность на территории, являющейся местом традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов, готовит пакет документов, в который входит пояснительная записка по реализации задуманной деятельности и проектная документация.

Обязательным в проектной документации является раздел «Влияние изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса» (в интервью, собранных мной во время полевого исследования, дан-

ный раздел проектной документации фигурировал под названием «Оценка воздействия на этнологическую среду», ОВЭС; эти названия употребляются в данном тексте как синонимичные), содержание которого регламентировано. Указанный раздел должен давать основные сведения о проекте намечаемой деятельности и об альтернативных вариантах его реализации; характеризовать состояние малочисленных народов, состояние видов традиционной хозяйственной деятельности, состояние соответствующих последней земель и необходимых ресурсов, а также фиксировать значимые объекты историко-культурного наследия, поселения, значимые постройки и стоянки; давать оценку размера причиненных убытков; давать рекомендации и предложения по минимизации ущерба и обеспечению устойчивого развития затронутых освоением мест проживания КМНС (Административный регламент... ст. 25.2). Оценка размера убытков, причиненных малочисленным народам и их объединениям в результате нанесения ущерба их исконной среде обитания, осуществляется в соответствии с «Методикой исчисления размера убытков, причиненных объединениям коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в результате хозяйственной и иной деятельности организаций всех форм собственности и физических лиц в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» (далее – Методика), утвержденной приказом Министерства регионального развития Российской Федерации от 09.12.2009 N 565 (О порядке организации... раздел II, ст. 5). В обычном случае (т.е. во всех проведенных до сих пор экспертизах) для подготовки ОВЭС в качестве подрядчика нанимается отдельный исполнитель, способный выполнить удовлетворяющее названным требованиям исследование.

Подготовленный пакет документов передается в уполномоченный орган по проведению этнологической экспертизы. Экспертная комиссия в каждом отдельном случае проведения экспертизы формирует и утверждает состав экспертной группы (не менее трёх экспертов), которая будет проводить экспертизу по данной заказчиком документации. Таким образом, полевые ис-

следования проводят исполнители ОВЭС. Сама процедура этнологической экспертизы не предполагает проведения экспертами полевых или вообще каких-либо научных исследований. Задача экспертной группы состоит в том, чтобы оценить соответствие полученных на экспертизу документов требованиям законодательства, а также оценить адекватность приведенных в документации заказчика исчислений размеров компенсации убытков и разработанных им предложений и рекомендаций, направленных на социальноэкономическое и культурное развитие малочисленных народов, защиту их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов (Об этнологической экспертизе, ст. 3). Экспертная группа готовит заключение по документации заказчика, при необходимости обращаясь к заказчику за дополнительной информацией. Заключение должно содержать рекомендацию экспертной комиссии принять положительное или отрицательное решение.

Затем на заседании экспертной комиссии, состав которой утверждается Правительством РС(Я), при участии представителей заказчика и непосредственных представителей КМНС соответствующего района (без права голоса) рассматривается заключение экспертной группы. Квалификационным большинством состава комиссии принимается положительное или отрицательное итоговое заключение. Принятое заключение утверждается распоряжением Правительства РС(Я), после чего приобретает силу нормативно-правового акта и обязательно к исполнению. В случае положительного заключения реализация заказчиком хозяйственной или иной деятельности должна сопровождаться этнологическим мониторингом⁴.

Всего на момент написания данного текста мне известно о проведении 8 этнологических экспертиз⁵. Все проекты получили положительные заключения⁶. Далее будут рассмотрены отдельные этапы экспертизы с точки зрения тех обстоятельств её проведения, которые создают условия или барьеры для диалога, т.е. для того, чтобы прежде всего компания выполняла работу воображения по отношению к группам КМНС, с которыми сталкивается, а последние имели возможность полноценно представлять свои интересы и быть услы-

шанными, т.е. полноценно участвовать в принятии касающихся их управленческих решений.

Подготовка и выполнение ОВЭС

Разработка технического задания для выполнения ОВЭС

Во всех состоявшихся экспертизах написание ОВЭС поручалось внешним относительно компании специалистам. Это действие сопровождается составлением технического задания и договора об оказании услуг. При этом исполнитель обязан следовать пунктам ТЗ, иначе его работа не будет принята и оплачена – таковы условия функционирования деловой, корпоративной бюрократии.

Из числа имеющихся в моем распоряжении документов я опишу наиболее подробно составленное техническое задание. Согласно данному ТЗ работа должна была состоять из четырех разделов:

1. «Оценка традиционного природопользования территории».
2. «Этнокультурная, социально-экономическая и медико-демографическая характеристика территории».
3. «Воздействие на объекты археологического наследия».
4. «Воздействие... (проекта)... на исконную среду обитания и традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера и мероприятия по минимизации такого воздействия».

К каждому разделу даны более или менее подробные комментарии, поясняющие, каким должно быть его содержание или на что необходимо обратить особое внимание.

Так, во втором разделе, помимо стандартных статистических данных о численности и размещении коренных малочисленных народов, социальной структуре, занятости и образовании населения, медицинском обслуживании и уровне заболеваемости, уровне и качестве жизни населения, согласно ТЗ должны быть также приведены специфические «этнические» данные: «...показатели этнологического мониторинга (языковая ситуация, структура питания (доля этнической пищи)), функционирование родного языка (наличие литературы, СМИ, географических и административных названий на этнических языках, использование этнической симво-

лики в городской среде, в оформлении административных зданий). Показатели функционирования этнической культуры (наличие этнокультурных центров, музеев, фольклорных ансамблей, сувенирных мастерских, обеспечение права на традиционные промыслы и фольклор)» (ПМА 2016: ТЗ).

На выполнение всей работы отводится три с половиной месяца: один месяц – на полевую часть, два с половиной – на обработку данных и написание отчета (ПМА 2016: ТЗ). Указанные требования к разделам свидетельствуют о вполне серьезном подходе авторов ТЗ, о стремлении учесть различные нюансы и в целом – о благонамеренности и добропорядочности составителей. В этом же ключе любопытно следующее дополнительное условие к исполнителю: «Участие в общественных обсуждениях с населением... (населенного пункта)... и общественности проекта ОВЭС (выезд в командировку)» – по-видимому, не частая практика (см. далее обсуждение заседания экспертной комиссии). Важно отметить, что рамках всего ТЗ общественные слушания ближе всего подходят к тому, что можно было бы назвать диалогом, все остальные требования к содержанию работ и способам их проведения скорее воспроизводят способ отношения к исследуемым группам как к объектам исследования, о которых необходимо получить достоверную объективную информацию, отражающую «реальное» положение дел. Особенно характерны в этом ключе следующие условия, которые ставились к ходу работ:

«Совместно с Комитетом по земельным и имущественным отношениям... (района)... получить правоустанавливающие документы, в том числе координаты и площади территорий отведенных для КРО [кочевые родовые общины. – А.Б.]... Запросить в пунктах заготовительных контор (ГУП ФАКП «...» и др.) официальные сведения о цене на прием продукции традиционного промысла за последние 2–3 года. ...В КРО получить официальные сведения о количестве продукции традиционного промысла, потребляемой на собственные нужды ее членов» (ПМА 2016: ТЗ).

Характерен акцент на необходимости получения документированных, подтвержденных, официальных сведений⁷. Более того, одно из требований к исполнителям в доступной мне конкурсной

документации (во всех отношениях тщательно и внимательно написанной), а именно: «положительный опыт прохождения этнологической экспертизы проектной документации, разработанной Исполнителем», по-видимому, является более вежливой и аккуратной формой требования получить положительное заключение как таковое (работа считается выполненной, когда получено положительное заключение), о котором в качестве анекдотичного случая рассказывают исследователи (ЛМА 2016: исполнитель ОВЭС), и в этом качестве указывает на то, что задача компании при прохождении экспертизы состоит скорее в том, чтобы получить положительное заключение, нежели в том, чтобы оценить риски реализации хозяйственной деятельности с точки зрения групп КМНС.

Проведение исследований и написание отчета ОВЭС

Так или иначе, ситуация ОВЭС внутри экспертизы, по-видимому, является ситуацией наиболее полного участия КМНС в процедуре – на всех других этапах экспертизы участие непосредственных представителей локальных групп КМНС, как указывалось выше, никак не оговорено и не предполагается. Рассмотрим теперь, как проходит процесс полевого исследования, как «исполнитель» реализует заказанное ТЗ. Исследователи, проводившие ОВЭС, иногда публикуют некоторые полученные результаты. Ниже я рассмотрю статью, в которой довольно подробно описывается ход исследования (Гассий и др. 2016).

Авторы сообщают, что исследование организовано следующим образом. На первом этапе проводился общий сбор информации, проходили встречи экспертов с представителями профильных министерств и ведомств РС(Я) (Министерства охраны природы, Государственного комитета по делам Арктики, Министерства сельского хозяйства и продовольственной политики, Департамента по делам народов Республики, Министерства здравоохранения, Департамента охотничьего хозяйства, ОАО «Сахагинрозем»). На втором этапе проводились полевые работы с выездом на объекты, социологические опросы населения, встречи экспертной группы с жителями национальных наслегов. На третьем этапе производилась оценка

возможных убытков, а также разрабатывались механизмы компенсации потерь и устойчивого развития территории.

Наиболее вовлекающим КМНС, очевидно, является второй этап. Социологические исследования были сосредоточены на фиксации отношения местных жителей к деятельности добывающей компании (*Гассий и др.* 2016, 93–94). Результаты исследования представлены следующим образом. Было опрошено 167 человек, из которых 48% имеют отношение к традиционным промыслам. Опрос содержал вопросы о приоритетных социально-экономических проблемах (варианты ответа: отсутствие рабочих мест; низкий доход населения; отсутствие дорог; отсутствие перспектив у молодежи), экологических проблемах (сокращение количества объектов традиционного промысла; обеспечение качественной питьевой водой; отсутствие системы сбора и переработки мусора; изменение климата), способах получения компенсации (подписание соглашения о трехстороннем партнерстве (недропользователь, органы государственного управления и коренные жители); создание компанией фонда для компенсации убытков; соглашение о партнерстве и компенсационные платежи), формах компенсации (единовременная денежная выплата; ежегодная денежная выплата в течение хозяйственной деятельности на лицензионном участке; благоустройство территории поселка; создание и содержание объектов сельскохозяйственного назначения – оленеводческих, рыбоперерабатывающих и др.; участие компании в комплексном развитии территории), возможных адресатах компенсации (каждому жителю, коренным общинам поселка, улусу в целом, всем перечисленным). Ответы по каждому вопросу представлены в процентном отношении. На основе полученных ответов сформированы рекомендации по возможности ведения добывающей деятельности и по способам и формам компенсации наносимого ущерба, приведенные в конце статьи. К сожалению, в статье не охарактеризованы способы проведения опроса и составления выборки (чего можно было бы ожидать, если авторы стремились к репрезентативности, на что указывает количественное представление результатов), а также не приведены разъяснения, касающиеся того, почему одни варианты ответа были более популярны, нежели другие. Также остается открытым

вопрос о том, как были сформированы именно такие варианты ответа, предшествовало ли данному опросу какое-либо пилотное качественное исследование. Таким образом, оценить, насколько корректно проведенное авторами исследование представляет позицию групп КМНС, кажется затруднительным. В данном случае я бы хотел акцентировать внимание не на том, были ли у авторов какие-либо методологические основания при подготовке опроса (я предполагаю, что были), а на том, что авторам не кажется важным объяснять эти моменты, как если бы никто и не ожидал этого от статьи о результатах проведенной ОВЭС. Кроме того, из описания исследования кажется очевидным, что никакие представители КМНС не были вовлечены в исследование ни в какой иной роли, кроме как в роли объектов исследования.

К описанному ходу полевого исследования добавлю несколько деталей, почерпнутых из интервью с различными исполнителями ОВЭС. В рамках одного из исследований рабочая группа исполнителей действовала следующим образом. Была разработана анкета, сделана выборка по категориям, в которую попало 148 респондентов (общее население – около 700 человек), исследование проводилось в течение 10 дней. Обычную срочность подобной работы и связанные с ней издержки прекрасно охарактеризовал один из собеседников: «Тут еще, Вы поймите, это всегда форсмажор. Поэтому немножко сыrovата анкета оказалась» (ЛМА 2016: исполнитель ОВЭС).

После анкетирования было проведено интервьюирование выбранных респондентов (около 50 интервью). Вопросы касались отношения к проекту, ожиданий/пожеланий, связанных с промышленной деятельностью и предполагаемыми компенсациями:

АБ: Как Вы строили интервью, какие темы [включали]?

Исполнитель ОВЭС (Исп): Спрашивали их отношение к проекту. Потом надо было на карте фиксировать священные места, где захоронения, старые стоянки. И еще: что бы они хотели от этого проекта. Главное [что отмечали информанты] – чтобы трудоустроили. Второе – чтобы была компенсация для оленеводов. Третье – чтобы в год хотя бы одного-двух выпускников, чтобы им оплачивали учебу на горных специальностях. И еще про онкологические заболевания (речь идет об обеспокоенности местных жителей ростом

количества онкологических заболеваний, который они связывают с деятельностью промышленного предприятия. – А.Б.).

АБ: А про отношение к... (компании)... что говорят?

Исп: В прошлом году отношение было нормальное. Большинство говорили, что проект нужен, чтобы поселок развивался. Ждали дорог, трудоустройства, что наши будут учиться. А потом весной – вот поняла, что отношение совсем изменилось, потому что обещания не сдержали. Люди разочаровались (ПМА 2016: исполнитель ОВЭС).

Показательным является набор ожиданий – стандартный, который соответствует стандартному, по-видимому, содержанию трехстороннего соглашения о сотрудничестве в области социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера: «принять на работу, научить-обучить, помочь при финансировании объектов» (ПМА 2016: представитель компании).

Любопытный комментарий, также касающийся ожиданий от этнологической экспертизы, был получен от другого исполнителя ОВЭС:

«Сейчас общины начали получать деньги – и бросаются в другую крайность, стараются только деньги получить, а все остальное не интересуется. А ведь этнологическая экспертиза о другом – не столько о выплатах, сколько о рассмотрении альтернатив, минимизации ущерба, только потом о компенсациях... Пример из работы по... (проекту)... Мнение населения, какие меры предприятие может оказать для компенсации и вообще: оплатить учебу детям, заплатить за изъятие земли, дать рабочие места, дороге содержать. Я им говорю: ну, все это только поможет добить ваш образ жизни – дети уедут, люди станут работать на предприятии. А суть мероприятий – восполнить ущерб оленеводству. Чтобы оно дальше жило» (ПМА 2016: исполнитель ОВЭС).

Любопытной в данном случае является не только точка зрения исследователя, но и его взаимодействие с исследуемым населением. Это взаимодействие, очевидно, не ограничивается исследованием и фиксацией того, что «на самом деле» думают и чего ожидают общины, а переходит скорее к производству этого «на самом деле». Исследователь включается в процесс производства ожиданий и понимания жителями собственного положения и собственных интересов. При этом его точка зрения является «одной из», она

может быть оспорена, отвергнута или принята. В рамках работы над конкретным разделом ОВЭС, касающимся рекомендаций, исследователь вступает в диалог с членами исследуемого сообщества. Можно было бы сказать, что такого рода диалоги – одно из достоинств процедуры ЭЭ, которая своим существованием дает им повод случиться, дает повод представителям компании (можно считать, что исполнитель ОВЭС является в момент выполнения ТЗ частью компании) вступить в диалог с членами сообществ КМНС. С другой стороны, если кто-то пожелает не согласиться с тем, что данный диалог действительно является устойчиво воспроизводимым равноправным диалогом между КМНС и компанией, а скорее обусловлен личной позицией конкретного исследователя и не имеет непосредственного или очевидного отношения ни к требованиям компании относительно ОВЭС, ни к тому, как в итоге будет выстроено дальнейшее взаимодействие компании и конкретного сообщества, – в таком случае сложно сказать, как можно было бы возразить. В самом деле, о других подобных диалогах мне в ходе полевого исследования слышать не доводилось.

Проведение общественных слушаний с обсуждением результатов ОВЭС

Как упоминалось в описанном выше ТЗ на ОВЭС, прежде чем отчет будет подан на этнологическую экспертизу, компания может обсудить его на общественных слушаниях. При проведении последних за месяц до слушаний сообществу должен быть открыт доступ к материалам, по которым готовятся вопросы и предложения, затем приезжает заказчик, приходят жители, регистрируются, вносят предложения и замечания, которые фиксируются в соответствующем журнале, а завершается всё голосованием по вопросам повестки.

При этом существуют определенные нюансы: «Постоянно объясняем, какой должен быть регламент. Что вопросы или замечания должны быть зафиксированы. Надо с паспортом приходить. Подпись поставить в явочном листе. За всем этим надо следить. Потому что если не следить – мнение могут не засчитать. В журнале надо писать свои соображения. Не просто «я против», а аргументировать... Еще

надо читать документацию. Все тома. Уметь это делать. У каждой общины есть какой-то выход на ученых – или выходы, или через нас. Надо проявлять активность» (ПМА 2016: представитель ассоциации КМНС в РС(Я)). Другими словами, участие в общественных слушаниях в режиме привычного для жителей повседневного общения не является достаточным. Чтобы оказать какое-либо воздействие на дальнейшие управленческие решения, поведение жителей должно соответствовать определенной бюрократической культуре.

С другой же стороны, само по себе проведение общественных слушаний, независимо от того, какое влияние они оказывают (или не оказывают) на дальнейшие события, нельзя считать фактом диалога. В качестве иллюстрации я приведу фрагмент из рассказа о проведении конкретных общественных слушаний, на которых в том числе был представлен раздел отчета ОВЭС.

Исп: Открыл слушания местный гендиректор... (имя)... и дал слово московскому представителю. Тот стал рассказывать про всякое, но население прервало, спросило конкретно: как будут взаимодействовать с местным населением? Например, вот пообещали трудоустроить молодых, а до сих пор еще не трудоустроили. Из-за этого администрация очень враждебно была настроена на третьих слушаниях...

Второй момент: ...(компания)... улусу каждый год выделяет какие-то деньги – какая сумма доходит до самого наслега? Не смогли ответить тоже. И глава улуса не ответил.

Третий момент: на месте разработки находится территория 5 стада. Что будете с этим делать? ...(компания)... говорит, что там пастбища нет – они отправляли вопрос в ГУП (...), им ответили, что там нет ничего. Народ возмутился, была тоже конфликтная ситуация...

Четвертый вопрос – возмущение о шоферах, которые прямо посреди поселка проезжают очень громко и мусорят. Попросили сделать дорогу в объезд поселка.

Пятый вопрос – в качестве компенсации могут ли помочь в финансировании строительства спорткомплекса. Пообещали поставить окна, двери, батареи...

АБ: Кто составлял повестку заседания?

Исп: ...(компания)... Предварительно встретились, составили план, согласовали его с главой администрации наслега. На основе этого проекта пошли слушания...

АБ: За что голосовали?

Исп: Принять повестку дня. Разрешить деятельность... (компания)...

Население сказали, что при условии учета требований. Проголосовали

«да»...

По экспертизе я выступила. Вкратце сказала, что мы провели этноэкспертизу, и в своем отчете какие, как мы считаем, меры могут быть предприняты, как... (компания)... может компенсировать. И какая ситуация может быть впредь, какие угрозы.

АБ: Как люди реагировали?

Исп: Они согласились, что я все сказала про риски и компенсации... (компания)... молчала, а в конце моего выступления гендиректор мне сказал, что у него возникли вопросы по компенсации. Сказал, что потом меня пригласит. Но больше никакой связи с ним не было (*ПМА 2016*: исполнитель ОВЭС).

В приведенном фрагменте следует отметить, во-первых, темы, которые беспокоят жителей в связи с деятельностью компании – уже перечислявшийся выше стандартный набор мер и проблем с которым привычно работать компании и который привычно проговаривать сообществу; во-вторых, фокус слушаний – основной вопрос касался того, разрешить или нет деятельность компании, отчет по ОВЭС был лишь одной из побочных тем; в-третьих, большое количество лакун в общении сторон («не смогли ответить»; «говорят, что там пастбища нет ...народ возмутился»; вопросы по компенсации у гендиректора, «больше никакой связи с ним не было»). Общественные слушания – разовое (впрочем, в некоторых случаях проводятся несколько раз) событие. Чтобы оно могло быть событием диалога, этому должна предшествовать, очевидно, некоторая история диалоговых отношений на предварительных этапах. Подготовка ОВЭС и в силу срочности полевого этапа, и в силу ориентированности исследователей на выполнение пунктов ТЗ, как кажется, не обеспечивает такой истории для вовлеченных сторон.

Прием компанией результатов ОВЭС

Чаще всего в ходе интервью исполнители ОВЭС отвечали, что не знают, кто и как в компании читает их отчет. В некоторых случаях сообщали, что «в... (компании)... целый департамент, и они подробно выспрашивали, особенно про правоустанавливающие документы» (ПМА 2016: исполнитель ОВЭС). Характерный акцент на документальном удостоверении действительности уже отмечался выше. В других случаях упоминались совещания с представителями компании, на которых обсуждались отдельные результаты исследования: «...уже по возвращении нас директор... (компании)... позвал, хотел узнать наши ощущения относительно села, можно ли там работать. Мы сказали, что население не против, но надо больше контактировать с ним. Его больше, как я понял, интересовали частные вопросы – условно, в прошлом году приехали три дембеля, повлияли ли они на криминогенную обстановку в селе? Я о таком даже не задумывался» (ПМА 2016: исполнитель ОВЭС). Любопытно, что направленность интереса представителя компании в данном случае была связана скорее с рисками ведения деятельности на определенной территории, чем с попытками понять положение того сообщества, с которым предстояло работать.

Текст ОВЭС

Результаты ОВЭС не публикуются. С тем, чтобы ознакомиться с примером такого текста во время полевой части моего исследования, также возникли некоторые трудности. Основным мотивом собеседников для отказа в таком ознакомлении были права собственности компании (при этом в самой компании у моего собеседника не оказалось отчета под рукой). Подобное отсутствие опубликованных отчетов по ОВЭС, кажется, в значительной степени тормозит совершенствование текстов отчетов, поскольку исследователи, работающие над следующими проектами, вынуждены начинать с чистого листа (если ранее они не были вовлечены в другие экспертизы). Впрочем, существует одно исключение: материалы ОВЭС по одной из экспертиз были выложены на сайте правительства РС(Я)⁸ и

служат образцами, на которые ориентировались, по крайней мере, некоторые исследователи: «...ряд отчетов об Алданском и Олёкминском районах пару лет назад. Посмотрел, как они описывают, и попытался сделать так же. Чтоб была общая структура. Вот я посмотрел, они делали много таблиц (речь о разделах по демографии, социальному и экономическому положению КМНС), я тоже решил много таблиц сделать, больше цифр, как можно нагляднее» (ПМА 2016: исполнитель ОВЭС). Именно этот текст и будет проанализирован мной далее.

Рассматриваемый текст ОВЭС в точности соответствует по структуре требованиям Постановления, описанным выше. Интересно, в первую очередь, как авторы отчета истолковали, что должно быть помещено в каждом разделе.

Во введении сообщаются основания для выполнения отчета (договор между исполнителем и заказчиком) и официальные требования к отчету, которые предъявляются в законодательстве, в том числе соответствующие определения и необходимые разделы. Помимо этого, во введении дан комментарий по поводу Методики: отмечено, что последняя «предназначена для оценки размера убытков в результате воздействия на окружающую природную среду и хозяйственную деятельность, но не предназначена в качестве инструмента оценки социальных и культурных последствий промышленного освоения на коренное население в зоне воздействия проекта», но также утверждается, что представленная работа направлена на комплексную оценку воздействия (Отчет 2013: 4). С одной стороны, это интригует: интересно, каким образом будет осуществлена оценка воздействия на социальную и культурную «среду». Однако, с другой стороны, кажется, что амбиции отчета ограничены именно оценкой воздействия и при этом сугубо в тех рамках, которые заданы законодательством. Еще более в этом убеждает подраздел 1.1 первого раздела под названием «Нормативно-правовая база». Содержание данного подраздела совершенно не описывает «Общие сведения о проекте намечаемой хозяйственной деятельности» (название первого раздела), поскольку состоит из перечисления нормативно-правовых актов, на которые ориентируются авторы отчета, а также перечня проанализированной проектной документации,

Общество с ограниченной ответственностью
Научно-производственная компания
«СеверПроект»

Заказчик: ОАО «Сахагипрозем»
Договор: № 151/п от 20 декабря 2012г,
№ 155/п от 20 декабря 2012г,
№ 02/п от 09 января 2013г.

ОТЧЕТ № 13/2013

по теме:

Оценка воздействия на этнологическую среду объекта
«Строительство двух одноцепных ЛЭП кВ НПС-15 – НПС-16» в
местах традиционного проживания и традиционной
хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов
севера Якутии ПСХК КРО "Киндигирь" МО «Олекминский
район», КРО МНС-Э «Сэргэлээх», община «Амга» МО
«Алданский район».

Директор

Михалёв О.В.

Раменское – Якутск, 2013

Рис. 1. Обложка анализируемого отчета

законодательных норм и методической литературы, использованных при подготовке отчета. На этом основании мне кажется более уместным воспринимать его как часть введения. В этом разделе меня удивило отсутствие упоминаний о проведенных авторами полевых исследованиях или собранных в процессе таковых материалах. Такого упоминания следовало ожидать, поскольку далее в тексте имеются данные проведенных опросов, размещено большое количество фотографий, составлены подробные карты территорий родовых общин, что свидетельствует о том, что какие-то полевые исследования проводились. Но ни во введении, ни где бы то ни было еще в тексте отчета не описано, как и когда они проводились, как и почему были сделаны выводы.

Как и в случае с приведенной выше статьей, описывающей исполнение ОВЭС, мне кажется важным отмечать отсутствие подобных упоминаний, поскольку именно они могли бы свидетельствовать о качестве проведенных исследований, о каком-либо обосновании претензии на представление точки зрения КМНС. При этом, на мой взгляд, важно не столько то, что в отсутствие указанных разъяснений нет оснований доверять исследователям, сколько то, что исследователи не считают важным убедить читателя, что исследование проведено корректно, что точка зрения КМНС представлена адекватно. Судя по введению, исследователям кажется более важным убедить читателя, что учтены все относящиеся к делу нормативно-правовые акты, и исследование в точности соответствует имеющимся в них требованиям.

В разделе, касающемся «этнокультурного и социально-экономического развития малочисленных народов», сначала приводится обширная статистика по положению КМНС в Якутии вообще, потом по затрагиваемым в проекте районам вообще. Интересно при этом, что если в случае с описаниями экономической части авторы делают какие-то выводы, например, рост безработицы связывается с ростом значимости традиционных видов занятости (Отчет 2013: 25–26), то из данных об образовании, владении языком, здравоохранении никаких выводов не делается.

Раздел, характеризующий виды традиционной хозяйственной деятельности КМНС (наиболее объемный в отчете), так же, как и

ООО Научно-производственная компания «СеверПроект», г. Раменское, М.О, 2013г.

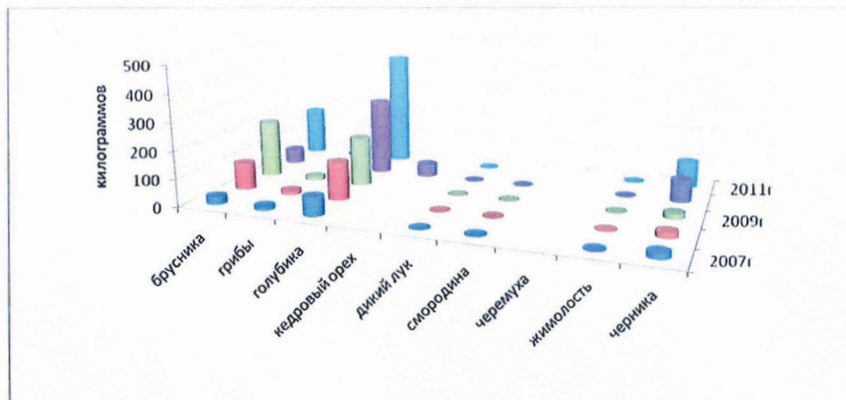

Рисунок 4.4.16 Динамика сбора дикоросов по общине «Сэргэлээх» 2007- 2011 годы.

Рисунок 4.4.17 Сбор дикоросов общиной «Сэргэлээх».

Предметом и целью деятельности *производственного сельскохозяйственного кооператива кочевой родовой общины «Киндигирь»* является развитие традиционных методов и идей сохранения природных и естественных комплексов в едином массиве, расположенных на них водоемов, лесных угодий, имеющих экологическую, производственную, промысловую и эстетическую ценность, как среду обитания, охотничьи, олени пастбища, и другие объекты земли, памятники неживой природы, места стойбищ и кочевий, обрядной, охотничьей и бытовой культуры, обеспечивает сохранность и умножение животных, птиц, рыб и растительного мира. Председателем общины «Киндигирь» является Мыкырытов Андрей Андреевич.

предыдущий, построен по принципу «от общего к частному»: при описании каждого вида промысла сначала дается статистическая информация о его состоянии в Якутии вообще, затем в конкретном районе. После общей части авторы отчета описывают положение каждой отдельной родовой общины, затронутой осуществлением проекта. К описанию каждой общины применена одинаковая схема, согласно которой сначала упоминается имя главы общины, затем указываются правоустанавливающие документы и лицензии, виды традиционной деятельности, в которые вовлечена община, количество членов общины, приводится карта её территории, отмечено, к какому «хозяйственному центру» (поселению) она привязана, представлены фотографии членов общины во время осуществления традиционной деятельности, перечисляется имеющаяся в распоряжении общины производственная техника (лодка, снегоход, мотоцикл), после чего приводятся количественные характеристики по каждому виду традиционного природопользования, в который вовлечена община: оленеводство (сколько оленей, как реализуется, схема угодий), охотпромысел, рыбалка, сбор ягод.

Из повторяющейся схемы «от общего к частному», большого количества приводимой авторами статистики (иногда даже не очень понятно, к чему именно она приводится – как в случае с данными о КМНС Якутии вообще), количественного описания состояния общин мы, как кажется, узнаем некоторые устойчивые, объективные вещи о состоянии живущих в местах реализации проекта людей, однако авторы ничего не сообщают нам о том, что значит быть охотником в общине «Киндигирь». Любопытно, что и фотографии, которые дают довольно сильное ощущение присутствия, вписаны в текст не в этой роли, а скорее в виде иллюстраций к тому, что представители общины действительно занимаются традиционной хозяйственной деятельностью (см. Рис. 2. Обращает на себя внимание подпись к фотографии, на которой запечатлены улыбающиеся дети с большим количеством собранных ягод: «Рисунок 4.4.17 Сбор дикоросов общиной «Сэргэлээх» (Отчет 2013: 49)).

Что касается приверженности авторов доклада количественным показателям, любопытным примером таковой является приведенная в разделе «Разработка рекомендаций и предложений в соответ-

ООО Научно-производственная компания «СеверПроект», г. Раменское, М.О. 2013г.

Таблица 8.1 Оценка воздействия на этнологическую среду при строительстве ЛЭП 220 кВ НПС-15 – НПС-16

Характеристика	Отрицательный	Не изменится	Положительный	Итого
Демография				
-половой состав	+	+		0%
-возрастной состав				
-естественное движение населения				
-миграционный процесс				
Здравоохранение				
-изменение состояние здоровья	+		+	0%
Занятость				
-постоянная				
-временная	++		+	-10%
-сезонная				
Культура				
Язык		+		0%
ТТХД ¹		+		0%
-оленьеводство				
-охотпромысел				
-рыболовство	++			-20%
-собирательство				
-художественные промыслы и народные ремесла				
Экономика				
-благоустройство территории			++	+20%
-рынок сбыта продукции				
Всего				-10%

+ - изменение показателя до 20%

++ - изменение показателя 20 – 50%

+++ - изменение показателя более 50%.

¹ Территории традиционной хозяйственной деятельности

Рис. 3. Сводная таблица, фиксирующая оценку воздействия реализации проекта на этнологическую среду

ствии с требованиями действующего законодательства» таблица оценки воздействия реализации проекта на этнологическую среду (ср. рис. 3), итоговая цифра которой показывает, что «в результате строительства двух ЛЭП 220 кВ НПС-15 – НПС-16 ожидается ухудшение этнологической среды на 10%» (Отчет 2013: 65). Что именно скрывается за десятью процентами ущерба, и как авторы переводят в сравнимые единицы влияние на демографию, культуру, собирательство и рынки сбыта продукции, к сожалению, не объясняется.

Таким образом, стремление показать, что все правила учтены и объективно, в цифрах, зафиксированы все необходимые параметры деятельности КМНС, не только доминирует в тексте отчета и в том, как видят авторы свою задачу, но и вытесняет ту работу воображения, которая спонтанно возникает в процессе исследования или составления текста отчета.

Работа экспертной группы

Работа экспертной группы начинается после того, как проектная документация подается на этнологическую экспертизу.

Экспертная группа вырабатывает заключение, которое является основным источником информации для большинства членов комиссии. Заключение описывает проектную документацию (не только ОВЭС, но все разделы, поданные на экспертизу) и оценивает ее. Содержание данного текста не регламентировано. Наиболее сильное впечатление при чтении доступного мне заключения экспертной группы произвел контраст между весьма суровой критикой поданных на экспертизу материалов (например, некорректный радиус воздействия; заниженная стоимость оленя; заниженные убытки по охоте; опора на литературные источники и аналогии, а не на собранные на местах сведения в оценке рыболовства; недостаточная представленность социально-экономических обязательств компании) и итоговым положительным заключением. При этом решение всех названных проблем оставляется на период этномониторинга (ПМА 2016: заключение экспертной группы).

Одно из объяснений таких решений может быть построено как своеобразное отражение того способа, каким обосновывается пре-

имущество процедуры государственной ЭЭ по отношению к общественной (ср. Слепцов 2015). Последнее заключается в том, что при применении ЭЭ сообщества КМНС гарантированно получают относительно большие суммы компенсации. В условиях противоречивости законодательства и политики, направленной скорее на поддержку промышленных компаний, чем на поддержку аборигенных сообществ, позиция «получить по крайней мере что-то» оборачивается необходимостью давать положительные заключения.

Исходя из описанной позиции, направленной скорее на обеспечение сообществам КМНС справедливых компенсаций, т.е. на экономические цели, чем на сохранение образа жизни («этнокультурные» цели), наличие/отсутствие диалога, учет мнения людей, проживающих в зоне освоения, уходят на второй план. Для определения размеров компенсации не нужно вести диалог и знать о тревогах и заботах контрагентов – достаточно фиксировать показатели, которые требуются для расчетов. Соответственно, часть, посвященная в заключении рекомендациям, выглядит до некоторой степени не связанной с остальным текстом.

Еще одно замечание, касающееся (косвенно) отсутствия направленности на диалог, связано с закрытостью информации, недоступностью заключений экспертных групп и с недоступностью текстов ОВЭС. Наличие того и другого в открытом доступе, вероятно, позволило бы будущим исполнителям быть более подготовленными при работе над собственными отчетами.

Заседание Экспертной комиссии этнологической экспертизы

Подготовленное экспертной группой заключение рассматривается членами Экспертной комиссии (ЭК). Далее будет кратко описан ход заседания экспертной комиссии этнологической экспертизы – я приведу частично обработанные записи полевого дневника (меня попросили не вести диктофонную запись), а затем прокомментирую их.

Заседание разворачивалось следующим образом. Руководитель экспертной группы представил заключение ЭГ – кратко пересказал содержание поданных на оценку материалов, комментарии экс-

пертной группы и выводы о том, что несмотря на некоторые недочеты, которые предлагается исправить в ходе этнологического мониторинга реализации проекта, группа рекомендует принять положительное заключение.

Далее последовало выступление главы муниципального образования, в котором был высказан ряд критических замечаний по поводу текста ОВЭС (в частности, о заниженной оценке ущерба), а также приведено пожелание провести общественные слушания для обсуждения ОВЭС, прежде чем будет вынесено решение комиссии: «...другая компания... весной проводила общественные слушания по ОВЭС по... проекту...». Дальнейшее обсуждение развернулось следующим образом.

Председатель комиссии спросил, действительно ли глава МО предлагает изменить порядок проведения ЭЭ. Глава ответил, что хотелось бы провести слушания, поскольку в тексте ОВЭС множество ошибок, «хотя мы и не можем обязывать, конечно». Руководитель ЭГ уточнил: чтобы провести общественные слушания, надо менять закон об ЭЭ. К этому председатель комиссии добавил, что если слушания провести в нынешней ситуации, и при этом на слушаниях будут не согласные с результатами ОВЭС, а комиссия будет согласна, получится коллизия. С другой стороны, продолжил руководитель ЭГ, хотя ущерб действительно занижен (в тексте, подготовленном ЭГ, все высказанные главой замечания учтены), он посчитан в соответствии с Методикой, и до тех пор, пока не принята более адекватная региональная методика расчета убытков, бессмысленно предъявлять претензии к исполнителю ОВЭС.

Затем последовал комментарий от одного из членов ЭК о том, что он считает текст ОВЭС очень некорректным (предоставил для протокола 4 листа замечаний) и опасается, что если по данному тексту будет принято положительное заключение, то следует и в будущем ожидать новых и новых некорректных текстов. В дополнение к этому прозвучал и комментарий главы МО о том, что «...компания... – это НАШЕ предприятие, мы должны пример показать другим недропользователям».

Комментарий представителя компании заключался в том, что показатели ущерба, может быть, и занижены («про Методику я мол-

чу»), но при этом совокупный ущерб посчитан по всей территории участка, в то время как реально компания намерена задействовать только 25–30% территории. Кроме того, компания готова платить столько, сколько надо («если надо в два раза больше – мы готовы»), единственное требование – четко прописать в законе, чтобы это было ясно установлено.

В итоге было решено оформить поступившие замечания предложением к протоколу и поручить компании доработать ОВЭС, а также пригласить на следующее заседание исполнителя ОВЭС. Решение было принято комиссией единогласно (ЛМА 2016: заседание комиссии).

На данном заседании меня удивил перевод заданного главой муниципального образования довольно практического вопроса об обсуждении результатов ОВЭС на общественных слушаниях, с одной стороны, в административно-правовую плоскость соотношения статуса решения слушаний со статусом решения ЭК и возможная коллизия несовпадения данных решений как повод снять предложенный вопрос с обсуждения; с другой стороны, перевод на язык различимых для управляющего корпорацией конкретных цифр, при этом вопрос об обсуждении на слушаниях, как и все другие вопросы, откладывающие принятие положительного заключения, воспринимаются, по-видимому, как ходы в торгах, которые компания со своей стороны должна уравнивать поднятием ставок денежных компенсаций. Оба ответа закрывают возможность для выстраивания диалога, подменяя его более формализованными и простыми взаимодействиями.

Итогом работы Экспертной комиссии является Заключение этнологической экспертизы. Текст заключения ЭЭ тесно связан с текстом заключения экспертной группы. По сути, это сокращенная версия последнего. Соответственно, прежде всего устанавливается соответствие поданных материалов принятому законодательству. Затем дается пересказ содержания материалов, включая цифры предполагаемых компенсаций. Фразой «По итогам экспертизы материалов...» вводится блок про выводы и дается положительное заключение. В конце следует блок с рекомендациями.

При сравнении заключений различных экспертиз интересно, что рекомендации в каждом случае устойчиво повторяются, и сводятся в итоге к тому, чтобы компания а) заключила соглашение с муниципальным образованием; б) разработала программу содействия устойчивому развитию КМНС (устойчивый набор предлагаемых для программы мероприятий: финансирование образовательных программ по смене профессиональной ориентации; содействие проведению мероприятий этнокультурной направленности; стимулирование обучения для КМНС с последующим трудоустройством на объектах предприятия); в) приняла программу этнологического мониторинга. Такая повторяемость заключений может быть связана с упомянутой вторичностью этнокультурной части экспертизы относительно экономической (и, соответственно, рекомендаций относительно компенсаций) и с тенденцией к формализации и упрощению процедуры.

Выводы

В данном тексте для анализа процедуры этнологической экспертизы я предложил использовать концептуальную рамку, ставящую условием возможности диалога и партнерских отношений приложение сторонами усилий воображения. Основываясь на полевом исследовании, я могу утверждать, что в нынешней конфигурации процедура ЭЭ, несмотря на связанные с ней ожидания, не создает условий для того, чтобы компании выполняли работу воображения по отношению к локальным группам КМНС.

Работа воображения – очень этнографическое понятие. Я имею в виду, что это процесс, который всегда должен совершаться конкретными лицами в условиях некоторой повседневности – в этом смысле его наличие или отсутствие удобно фиксировать этнографически. Процедура ЭЭ как нечто целое не существует в повседневности – она складывается из действий множества людей, которые происходят в различных обстоятельствах в различное время. Рассмотрев этнографически складывающие процедуру экспертизы этапы (насколько это было возможно, учитывая ограничения, налагаемые характером и количеством собранных материалов⁹), я не могу указать

какой-либо из них, на котором принимающий решения сотрудник компании прикладывает бы усилия, чтобы вообразить, что значит быть членом локальной группы КМНС, и как, исходя из этого, лучше строить взаимодействие.

Это связано с несколькими факторами. Во-первых, с бюрократической природой как процедуры, так и компании, проявляющейся в том, что участники с любой стороны в первую очередь заинтересованы в демонстрации выполнения регламентирующих процессы взаимодействия правил (ср. по этапам: составленное ТЗ следует требованиям НПА; исполнители ОВЭС следуют ТЗ, чтобы их труд был оплачен; итоговый отчет, заключения всех этапов всегда прежде всего перечисляют учтенные НПА). Во-вторых, со сложившейся культурой отчетов и вообще с пониманием того, что в контексте подобных процедур является убедительным, когда даже при наличии данных, собранных качественными методами (более значимыми с точки зрения работы воображения), предпочтение отдается в первую очередь фиксации действительности в «объективно проверяемых» числовых показателях, статистических закономерностях и т.п. (ср. требования к исполнителям ОВЭС, выраженные в ТЗ; отсутствие методологических комментариев в статьях исследователей ОВЭС и доступном отчете ОВЭС; ориентированность экспертов на расчет компенсации и сравнительно стандартная рекомендательная часть). В-третьих, с распространенным приемом перевода всего дискурса о ресурсном конфликте в плоскость денежного расчета и оценки компенсаций (ср. разбор заседания экспертной комиссии; доступные комментарии представителей компании по поводу отчетов исполнителей ОВЭС).

Все факторы, очевидно, взаимосвязаны: опора на правила взаимодействия, числовые показатели на входе, денежные компенсации на выходе, все вместе они делают взаимодействие максимально экономным в том смысле, что его реализация требует понятных и минимальных усилий. Но последний фактор особенно интересен в аналитическом плане. Кажется, что он довольно естествен – нам привычно представлять деятельность компаний (предполагая, что и их сотрудники так мыслят) в терминах денежного расчета (доходы, расходы, проценты, компенсации и т.п.). С другой стороны, де-

нежный расчет, позволяющий и одновременно вынуждающий оперировать точными цифрами в исчислении задолженности (в нашем случае – компенсации) является антиподом работы воображения. Возможность рассчитать и выплатить точную стоимость причиненного ущерба означает возможность по окончании выплат или даже по окончании расчетов больше не принимать во внимание ничего, что происходит с контрагентом далее. В этом смысле денежный расчет конституирует не отношения между членами одного сообщества (в добрососедских отношениях зачастую не принято рассчитывать точно – всегда или чуть больше, или чуть меньше – так создается сеть связывающих сообщество «долгов»), а отношения между чужими друг другу агентами, не желающими поддерживать сколько-нибудь длительные социальные связи¹⁰. Но именно поддержание социальных связей требует работы воображения и является синонимом партнерства или диалога. Отказ от неё буквально означает отказ от того, чтобы составлять единое сообщество. Другими словами, процедура этнологической экспертизы в имеющихся культурных, дискурсивных и экономических условиях структурно противоречит возможности диалога между группами КМНС и промышленными компаниями.

В последнем абзаце я намеренно максимально заострил предложенный аргумент – исключительно в аналитических и академических целях возбуждения критической дискуссии. В повседневности такие острые углы отсутствуют: представители компаний и локальных групп КМНС всё же сосуществуют, договариваются, экспертизы происходят, рекомендации исполняются, компенсации выплачиваются. Мой текст в этом смысле не носит алармистский характер, я не призываю отменять процедуру этнологической экспертизы в РС(Я) или как-либо существенно её менять (во всяком случае, я не знаю, как именно это можно было бы сделать). Но мне кажется важным всё же учитывать те структурные ограничения и барьеры для диалога и партнёрских отношений, которые здесь обсуждались, по крайней мере, если диалог и партнёрство действительно являются искомым способом взаимодействия между группами КМНС и промышленными компаниями.

Благодарности

Автор выражает благодарность и глубокую признательность всем, без кого данное исследование было бы невозможным, в особенности Д.А. Функу, Н.А. Стручковой, А.Н. Слепцову, Е.Н. Романовой, В.И. Шадрину, а также А.И. и К.М. Яковлевым.

Список сокращений

КМНС – коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ
МО – муниципальное образование

НПА – нормативно-правовой акт

ОВЭС – оценка воздействия на этнологическую среду

ПМА – полевые материалы автора

РС(Я) – Республика Саха (Якутия)

ТЗ – техническое задание

ЭГ – экспертная группа

ЭК – экспертная комиссия

ЭЭ – этнологическая экспертиза

Примечания

¹ В Российской Федерации существуют различные варианты проведения этнологической экспертизы (см.: *Богоявленский* и др. 2002; *Мурашко* 2006; *Звиденная, Новикова* 2010; *Мартынова, Новикова* 2012; *Садовой* 2013; *Головнёв* и др. 2014; *Поддубиков, Садовой, Белозёрова* 2014; ср. также *Функ* 2015), но в данном тексте термин «этнологическая экспертиза» отсылает к государственной этнологической экспертизе, как она проводится в РС(Я).

² Термин «структурное насилие», насколько можно судить, первоначально предложил Йохан Галтунг (Galtung 1969), после чего он много обсуждался (ср.: *Dilts et al.* 2012), однако, в работе Гребера и в данном тексте термин используется несколько иначе – в качестве обозначения ситуаций, происходящих в условиях угрозы применения насилия.

- ³ О правовом и социальном состоянии различных групп КМНС в РС(Я), отдельных проблемах их взаимоотношений с промышленными компаниями см.: (Астахова 2011; Шадрин 2015; Романова, Алексеева 2015-а; Алексеева 2015; Потравный и др. 2016; Мостахова 2016).
- ⁴ На конец 2019 года опыт проведения такого мониторинга в РС(Я), а также какая-либо разъясняющая документация по способам его проведения отсутствуют.
- ⁵ На конец 2019 года известно о 13 прошедших экспертизах (В Якутии..., 2019).
- ⁶ Краткая информация о большинстве экспертиз доступна на сайте профильного на момент написания текста министерства РС(Я) [<https://minobchestvo.sakha.gov.ru/-ekspertnaja-komissija-etnologicheskoy-ekspertizy/svedeniya-o-provedennyh-etnologicheskikh-ekspertizah>, дата обращения: 19.03.2018].
- ⁷ Для корректного расчета ущерба необходимо точно определять, какие именно территории закреплены за общинами коренных малочисленных народов, иначе отсутствуют правовые основания для получения соответствующих компенсаций. При попытке определения точных границ обнаруживаются разнообразные трудности с оформлением общинами документов по ведению хозяйственной деятельности, бухгалтерской отчетности, с государственной регистрацией недвижимости (Власов 2013; Слепцов 2015: 23; Баишева 2014-а: 93; 2016: 584). Другой проблемой является закрепление участков и документы об этом закреплении (Шадрин 2015). Проблема заключается в том, что стоимость проведения кадастровых работ, уточнения границ общины составляет 200– 300 тысяч рублей (Баишева 2014-а: 93), это составляет большую часть годового дохода общины, ведущей традиционный образ жизни (Сосин 2015: 72), т.е. экономически невозможно.
- ⁸ Текст и материалы ОВЭС по одной из экспертиз можно найти на сайте предыдущего уполномоченного органа по ЭЭ, см. «Этнологическая экспертиза в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов» [<http://old.sakha.gov.ru/node/119623>, об-

ращение 28.02.2018]. Текст также доступен на сайте компании «Arctic Consult» [<https://arctic-consult.com/archives/8503>, дата обращения: 01.11.2019].

- ⁹ Следует учитывать недостаточность проведенных полевых исследований для всесторонней разработки заявленной темы. Так, следует гораздо внимательнее отнестись как к исследованию позиций и действий, занимаемых и предпринимаемых сотрудниками промышленных компаний в рамках проведения этнологической экспертизы, так и к непосредственным обстоятельствам повседневных действий сообществ КМНС, проживающих на территориях интенсивного промышленного освоения. Безусловно, необходимо проведение дальнейших исследований.
- ¹⁰ См. подробнее о денежном расчете, долге и социальных связях (Гребер 2015).

Литература

- Dilts A., Winter Y., Biebricher T., Johnson E.V., Vázquez-Arroyo A.Y. & Cocks J.* Revisiting Johan Galtung's Concept of Structural Violence // *New Political Science*. 2012. № 34 (2). P. e191–e227. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/07393148.2012.714959> (дата обращения: 24.02.2017).
- Galtung J.* Violence, Peace, and Peace Research // *Journal of Peace Research*. 1969. № 6(3). P. 167–191. URL: <http://www.jstor.org/stable/422690> (дата обращения: 24.02.2017).
- Graeber D.* The utopia of rules: on technology, stupidity, and secret joys of bureaucracy. New York; London: Melville House Publishing, 2015. 262 p.
- Gupta A.* Red Tape: Bureaucracy, Structural Violence, and Poverty in India. Durham, NC: Duke University Press, 2012. 368 p.
- Административный регламент предоставления Департаментом по делам народов Республики Саха (Якутия) государственной услуги «Этнологическая экспертиза в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов»: Приложение к приказу Де-

- партаментa по делам народов Республики Саха (Якутия) от «18» июля 2012 г. № 67-од.
- Алексеева Е.К.* Компании-недропользователи и коренные народы Арктики // Научное и образовательное пространство: перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2015. С. 222–224.
- Астахова И.С.* Власть и коренные малочисленные народы Севера: опыт взаимодействия на примере Республики Саха (Якутия) // Арктика и Север. 2011. № 3. С. 1–8.
- Баишева С.М.* Малочисленные этносы в местах традиционного природопользования: возможности и ограничения (из опыта этнологической экспертизы) // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики: Сборник научных статей по итогам всероссийской с международным участием научно-практической конференции (г. Кемерово, 17–18 окт. 2014 г.). Кемерово: Практика, 2014. С. 91–100.
- Баишева С.М.* Взаимодействие бизнеса и коренных малочисленных народов Якутии: социальный контекст и жизненные реалии // Business Economics. 2016. Issue 4 (2), vol. 51. P. 580–584.
- Богоявленский Д.Д., Мартынова Е.П., Мурашко О.А., Хмелева Е.Н., Якель Ю.Я., Яковлева О.А.* Опыт проведения этнологической экспертизы. Оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп коренных малочисленных народов Севера. М., 2002. 134 с.
- Бурцева Е.И., Набережная А.Т., Барашков Н.А., Павлова А.Н., Ноговицын Р.Р.* Новый этап промышленного развития Южной Якутии и проблемы социальной защищенности малочисленных народов Севера // Стратегия развития рынка. 2012. № 20 (161). С. 13–23.
- Бурцева Е.И.* Проблемы социальной защищенности коренных малочисленных народов Севера и промышленное освоение Республики Саха (Якутия) // Ресурсная экономика в контексте современных тенденций глобализации: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2015. С. 186–189.

- Макаренко И.* В Якутии недропользователи нанесли ущерб общинам на 400 млн рублей. // Yakutia-daily.ru, 01.11.2019. URL: <https://yakutia-daily.ru/v-yakutii-nedropolzovateli-nanesli-ushherb-obshhinam-na-400-mln-rublej/> (дата обращения: 02.11.2019).
- Величенко В.В.* К методике оценки воздействия на охотничьи ресурсы территорий коренных малочисленных народов Севера // Вестник Северо-восточного федерального университета имени м. К. Аммосова. Серия «Экономика. Социология. Культурология». 2016. № 4 (04). С. 19–24.
- Власов А.В.* Доклад в Общественной палате Российской Федерации на конференции.
- «Промышленные компании и коренные народы». 2013. URL: <http://old.sakha.gov.ru/special/node/131297> (дата обращения: 24.02.2017).
- Гассий В.В., Потравная Е.В., Кузнецов И.В., Захаров С.А.* Согласование интересов целевых групп в сфере недропользования: социально-экономические, экологические и этнографические аспекты // Недропользование XXI век. 2016. № 2 (59). С. 90–97.
- Головнёв А.В., Лёзова С.В., Абрамов И.В., Белоруссова С.Ю., Бабенкова Н.А.* Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2014. 232 с.
- Гребер Д.* Долг: первые 5000 лет истории / пер. с англ. А. Дунаева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 528 с.
- Гребер Д.* Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 224 с.
- Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год. М., 2016. URL: <http://ombudsmanrf.org/www/upload/files/docs/appeals/d2015w.pdf>
- Звиденная О.О., Новикова Н.И.* Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 года). М.: ИД Стратегия; ИП Андрей Яковлев, 2010. 154 с. Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения. Этнологическая экспертиза 2011 года. М.: ИП А.Г. Яковлев, 2012. 132 с.
- Миськова Е.В.* Левиафан: дискурсивная зависимость от нефти. От ресурса к метонимии и обратно // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 83–107. DOI: 10.17223/2312461X/14/5

- Мостахова Т.С.* Социально-демографические аспекты освоения арктических районов: проблемы воспроизводства населения, промышленное освоение и локализация этносов КМНС // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения: материалы VIII Международной научно-практической конференции (Апатиты, 14–16 апреля 2016 г.). 2016. С. 337–344.
- Мурашко О.А.* Этнологическая экспертиза в России и международные стандарты оценки воздействия проектов на коренные народы // Прил. к альманаху «Мир коренных народов – Живая Арктика». М., 2006. 114 с.
- Новикова Н.И.* Этнологическая экспертиза в академическом дискурсе и ожиданиях коренных народов // Арктика: экология и экономика. 2017. № 4 (28). С. 125–135. DOI: 10.25283/2223-4594-2018-1-125-135.
- О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: федеральный закон от 30.04.1999 N 82-ФЗ (ред. от 13.07.2015).
- О порядке организации и проведения этнологической экспертизы в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов (вместе с «Положением о порядке организации и проведения этнологической экспертизы», «Положением об Экспертной комиссии этнологической экспертизы»): постановление Правительства РС(Я) от 06.09.2011 N 428. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2017).
- Об утверждении методики исчисления размера убытков, причиненных объединениям коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в результате хозяйственной и иной деятельности организаций всех форм собственности и физических лиц в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации: Приказ Минрегиона РФ от 09.12.2009 N 565.
- Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия): за-

кон Республики Саха (Якутия) от 14.04.2010 820-З N 537-IV (принят постановлением ГС (Ил Тумэн) РС(Я) от 14.04.2010 З N 538-IV). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2017).

Отчет № 13/2013 по теме: Оценка воздействия на этнологическую среду объекта.

«Строительство двух одноцепных ЛЭП кВ НПС-15 НПС-16» в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов севера Якутии ПСХК КРО «Киндигирь» МО «Олекминский район», КРО МНС-Э «Сэргэлээх», община «Амга» МО «Алданский район». Раменское; Якутск, 2013. 75 с.

Парламентские слушания – Правовое обеспечение этнологической экспертизы как обязательного условия при освоении северных территорий. Федеральное Собрание Российской Федерации. Парламентские слушания. 25 октяб. 2007 г. М.: Изд-во Совета Федерации, 2008. 108 с. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d44f2438657bd5f0bd.pdf>

Пахомов А.А., Мостахова Т.С. Этносоциальные проблемы территорий Якутии в зоне строительства газопровода «Сила Сибири» // Регион: экономика и социология. 2016. № 3 (91). С. 133–142.

Пахомов А.А., Чомчоев А.И. Этносоциальные проблемы арктических территорий в зоне промышленного освоения на примере Анабарского национального (долгано-эвенкийского) и Оленекского национального эвенкийского районов Республики Саха (Якутия) // Sciences of Europe. 2017. № 12. С. 38–42.

Поддубиков В.В., Садовой А.Н., Белозёрова М.В. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов: методы прикладной этнологии. Кемерово: Практика, 2014. 358 с.

Потравный И.М., Баглаева В.О. Об интеграции задач экологического аудита и этнологической экспертизы при обосновании проектов хозяйственного освоения территории // Горизонты экономики. 2015. № 5 (24). С. 44–47.

Потравный И.М., Гассий В.В., Черноградский В.Н., Постников А.В. Социальная ответственность компаний-недропользователей на

- территории традиционного природопользования как основа партнерства власти, бизнеса и коренных малочисленных народов Севера // Арктика: экология и экономика. 2016. № 2(22). С. 56–63.
- Потравный И.М., Гассий В.В., Тамбовцева Т.Т.* Этнологическая экспертиза как инструмент согласования интересов целевых групп в сфере традиционного природопользования // Экономика природопользования. 2016. № 3. С. 80–92.
- Романова Е.Н., Алексеева Е.К.* Экономические мегапроекты России: взаимодействие добывающих промышленных и коренных малочисленных народов Севера компаний (на примере Южной Якутии) // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2015а. № 5. С. 84–88.
- Романова Е.Н., Алексеева Е.К.* Добывающие компании на земле оленеводов (этноэкспертиза на северо-западе Якутии) // Казанская наука. № 11. Казань: Казанский Издательский Дом, 2015б. С. 361–364.
- Садовой А.Н.* Этнологическая экспертиза в системе регионального этнологического мониторинга // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности. Сборник статей по итогам межрегион. науч.-практ. семинара (Кемерово, 21–22 нояб. 2012 г.). Кемерово: Практика, 2013. С. 67–82.
- Слепцов А.Н.* О правовых аспектах взаимодействия промышленных компаний и народов Севера при промышленном освоении территорий традиционного природопользования // Правовые и социально-экономические проблемы развития народов Арктики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Якутск, 2011 г.). Якутск, 2012. Вып. 9. С. 24–31.
- Слепцов А.Н.* Этнологическая экспертиза в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности народов севера: региональный опыт правового регулирования и правоприменительной практики // Евразийский юридический журнал. 2013. № 12 (67). С. 71–75.
- Слепцов А.Н.* Государственная этнологическая экспертиза Республики Саха (Якутия) //

- Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2015. № 1 (4). С. 15–24.
- Слепцов А.Н., Гоголев П.В. Методические рекомендации по проведению этнологической экспертизы в Республике Саха (Якутия). Якутск: Издательский дом СВФУ, 2016. 48 с.
- Сосин П.В. Южная Якутия: социальная адаптация и этноэкологические проблемы коренных малочисленных народов Севера // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 2 (11). С. 69–74.
- Функ Д.А. (ред.) Культура и ресурсы. Опыт этнологического обследования современного положения народов Севера Сахалина. М.: Демос, 2015. 272 с.
- Шадрин В.И. Этнологическая экспертиза как инструмент защиты коренных малочисленных народов Севера: опыт, проблемы, перспективы (На примере Республики Саха (Якутия) // Арктическая зона Российской Федерации: Северо-Восточный вектор развития: сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 380летию вхождения Якутии в состав Российского государства. 28–30 ноября, г. Санкт-Петербург. СПб., 2013. Ч. II. С. 406–413.
- Шадрин В.И. Этнологическая экспертиза в Якутии // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 331–337.
- Шадрин В.И. При принятии решений в сфере недропользования необходим учёт интересов коренных малочисленных народов Севера. 2015. URL: <http://iltumen.ru/content/vyacheslav-shadrin-%C2%ABpri-prinyatii-reshenii-v-sfere-nedropolzovaniyaneobkhodim-uchet-interes> (дата обращения: 12.03.2017).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уважаемые читатели!

Как вы могли видеть на страницах этой книги, тема ресурсного экстрактивизма в его социально-антропологическом измерении актуальна и довольно многогранна. В контексте глобального дискурса она связана с концептами неолиберальной модели капитализма; неокOLONиальных практик и процессов деколонизации (чаще всего в отношении индигенных групп в регионах добычи ресурсов); оценки социального импакта добывающих индустрий; развития политик социальной и экологической ответственности компаний, добывающих ресурсы в различных регионах мира, как правило удаленных от центров распределения создаваемых в итоге благ и ресурсной ренты и вызванных этим диспропорций в уровне и темпах социально-экономического развития и доступе к благам.

Тематика экстрактивизма актуальна и в отношении наметившегося в последние десятилетия кризиса ресурсного благополучия, задающего всеобъемлющий контекст поиска альтернативных смыслов дальнейшего развития общества, основанного на принципах эффективного (минимального) потребления невозобновляемых ресурсов. В условиях, когда снижение ресурсопотребления становится признаком экономической эффективности, экологической и социальной ответственности, а добыча сырья, соответственно, снижается, неминуемо возникает комплекс сложнейших проблем, связанных не только и не столько со сменой экономических стратегий регионов и стран с сырьевой ориентацией экономики, сколько с масштабными мировоззренческими сдвигами, социальными трансформациями и новым, по сути, этапом самоопределения общества и отдельных социальных групп. Все это – тот круг вопросов, исследуемых в проблемном поле антропологии экстрактивизма, который важен не только с эвристической, но и практической точек зрения. В этом смысле у антропологов сегодня существует вполне определенная повестка, которая в значительной части связана с анализом широкого контекста конструирования возможного (?) постэкстрактивистского будущего человечества.

Различны и интересны своим разнообразием применяемые антропологами языки описания социальных проявлений и влияния экстрактивизма, его онтологии и интерпретации. Применяемые сегодня подходы варьируют от локальных фокусов оценки воздействия добывающих компаний на местные сообщества – как правило индигенные – до попыток описать роль невозобновляемых ресурсов (будь то нефть, природный газ, уголь или минералы) как нечеловеческих акторов общественных отношений. На этой основе в пространстве антропологического дискурса экстрактивизма рождаются разнообразные его интерпретации как модели социально-экономического развития, фактора ресурсных конфликтов, системы взаимодействий внутри социума.

Важный фокус антропологии ресурсов в мировой исследовательской практике связан с описанием множества разнообразных кейсов социальных и культурных проявлений экстрактивизма, что дает возможность для широких (как в географическом, так и содержательном смысле) сравнений и универсальных обобщений. Именно на основе такого рода сравнений возможно построить системное представление об экстрактивизме и его воздействии на общественное развитие, что сегодня, в контексте нарастающих темпов изменений и дискурса ресурсопользования как основы развития общества, представляется особенно важным.

С точки зрения повестки антропологии экстрактивизма большое значение имеют его российские кейсы, которые, между тем, еще не были обобщены на основе единого языка описания в едином контексте социального импакта ресурсов и ресурсоориентированного развития. Настоящее издание предпринимает именно такую попытку обобщения, как показалось авторам, наиболее интересных и важных иллюстраций взаимодействия ключевых агентов экстрактивизма – добывающих компаний, власти и местных сообществ – в российских регионах ресурсного типа.

Основу авторского коллектива настоящего издания составили российские антропологи, имеющие практический опыт исследований в проблемном поле экстрактивизма и его социального импакта. Большинство из коллег, представивших свои тексты для публикации в настоящей монографии, как это было отмечено во введении к

книге, были объединены работой над исследовательским проектом № 15-18-00112 «“Ресурсное проклятие” на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп» (2015–2019 гг.), получившим финансовую поддержку Российского научного фонда. Именно тематика проекта, его целевые установки и задачи предопределили подбор размещенных в книге материалов и результатов исследований по существу различных случаев социальных проявлений российской модели экстрактивизма. Впоследствии некоторые наши коллеги, не участвовавшие в реализации проекта, смогли вписаться в заданную методологическую рамку и предложить свои тексты для публикации.

По итогам пятилетнего цикла исследовательской работы в рамках указанного проекта в целом удалось впервые собрать воедино и представить в настоящем издании наиболее яркие российские примеры социального импакта ресурсного капитализма в таких его проявлениях, как: воздействие на местные сообщества в регионах добычи полезных ископаемых; региональные политики и практики в направлении экспертизы и редукции социальной напряженности вокруг проблем изъятия ресурсов и ресурсной ренты; дискурсы ресурсной зависимости и многостороннего диалога по вопросам актуальной повестки развития ресурсных регионов.

Авторский коллектив исходит в своих описаниях экстрактивизма из довольно широкого его концептуального понимания, возникшего в результате наших попыток обобщить мировой опыт социально-антропологических исследований в соответствующей области – антропологии ресурсов, ресурсоориентированного и устойчивого развития. Концепт экстрактивизма употребляется нами как основополагающий для описания модели общественного развития, основанной на ресурсной зависимости экономики и социальных систем. В этом смысле экстрактивистские практики, лежащие в основе экономики регионов ресурсного типа, являются моделирующими для социального процесса в целом и его особенностей у социально уязвимых групп (таких как коренные народы, или шире – местные сообщества) в частности. Задача социальной

антропологии в этом смысле состоит в описании и предиктивной аналитике социального импакта экстрактивизма как модели и парадигмы развития с учетом всех характерных для него вызовов, проблем и рисков.

Важной задачей антропологии экстрактивизма является также проектирование возможных постэкстрактивистских практик и соответствующих моделей общественного развития, что имеет существенное значение в контексте глобальной повестки. В представленных в настоящей книге материалах такое понимание экстрактивизма, равно как и разнообразие его возможных социальных проявлений, в полной мере нашло свое отражение.

Описанные авторами разнообразные кейсы социальных проявлений экстрактивизма в России ценны также постольку, поскольку являют собой результаты наших попыток апробировать на российском материале исследовательские подходы и методы, распространенные в зарубежной практике социальной антропологии, их адаптации к национальной и локально-региональной специфике районов проведения основной части наших полевых исследований – ресурсных регионов в Сибири, российской Арктике и на Дальнем Востоке России. Результаты этой части работы позволили выявить ряд несоответствий между сложившейся в России практикой оценки воздействия добывающих индустрий на индигенные сообщества – т.н. этнологических экспертиз – и мировой повесткой в этом вопросе, которая в целом свободна от этнического фокуса, алармистской постановки исследовательской задачи, а также разрывов между задачами оценить реальные риски для местных сообществ и содержанием исследовательских программ, в которых у наших российских коллег нередко присутствуют попытки непременно найти и защитить от разрушительного воздействия экстрактивизма некие устойчивые этнические традиции, составляющие основу этнокультурной среды. Дискуссии на данную тему полностью посвящена вторая часть данной книги, где авторы разделов представляют свои рефлексии относительно исследовательской программы и оптимальных подходов к оценке социального воздействия экстрактивизма.

Фактически, настоящая монография является важной попыткой заложить основы для развития антропологии экстрактивизма

в России с учетом мирового исследовательского опыта, распространенных онтологий, языков и методов. Этим, как нам кажется, определена в основном ценность и, кстати сказать, своевременность появления настоящего издания. Оно не просто завершает пятилетний цикл исследований по теме экстрактивизма и его российских практик в рамках одного из грантовых проектов, но и ставит задачу пересмотра ранее устоявшихся в российской антропологии подходов, довольно фрагментарных в отношении объекта исследования – социального воздействия экстрактивизма. С практической точки зрения своевременность появления данной коллективной работы объясняется также тем, что в России именно в настоящий момент формируются основы государственной регуляции некоторых практик в обсуждаемой нами области. В частности, в скором времени ожидается появление Федерального закона об этнологической экспертизе, который установит ее процедуры, а вероятно и аналитические индикаторы. С момента введения закона, видимо, ранее применявшаяся российскими антропологами исследовательская программа будет в существенной мере меняться. И в этот непростой переходный период академическому сообществу крайне важно будет провести некую ревизию ранее полученного опыта, отрефлексировать его в контексте мировой повестки и, быть может, развить на основе такого рода критики оптимальные стратегии развития национальной традиции антропологии экстрактивизма.

Разумеется, не все аспекты исследовательской программы антропологии экстрактивизма затронуты в настоящем издании. За пределами нашего внимания остался, к примеру, такой важный для дисциплины фокус, активно разрабатываемый зарубежными коллегами, но совершенно не апробированный на российском материале, как антропология корпораций, в т.ч. добывающих компаний, которые, как и местные сообщества в регионах добычи полезных ископаемых, могли бы и неизбежно должны стать объектом исследований, сосредоточенных на корпоративной культуре, ключевых дискурсах по существу социальных проблем, происходящих в корпорациях (как социальных общностях) изменениях и многом другом.

В недостаточной мере осмыслены антропологами также властные корпорации как акторы экстрактивистских практик со всеми

характерными для них дискурсами, мотивацией в решении соответствующих проблем и в целом в контексте конструирования повестки развития на долгосрочную перспективу.

Достаточно узок и круг описанных на российском материале практик социальной ответственности добывающих компаний, а опыт оценки их социального воздействия на местные сообщества остается фрагментарным, методологически и даже идеологически неоднородным, что не способствует формированию в стране единого и эффективного с точки зрения решения практических проблем пространства исследований и экспертизы.

В мировой исследовательской повестке данные вопросы широко представлены как эмпирическими описаниями отдельных кейсов, так и концептуальными обобщениями теоретического характера. Устоялись вполне «стандартные» и неоднократно апробированные исследовательские подходы и в целом в предметной области антропологии экстрактивизма выросли системные практики.

В завершение остается лишь выразить надежду на то, что стадия первоначального накопления исследовательского опыта в направлении антропологии экстрактивизма, которая длится в России с середины 1980-х годов, в ближайшей перспективе сменится стадией формирования полноценной и системной исследовательской практики, а описанные нами в настоящем издании кейсы социальных проявлений экстрактивизма будут дополнены более масштабными теоретическими обобщениями, вписанными в контекст мировой повестки социальной антропологии, и займут там достойное место.

Авторский коллектив настоящего издания приглашает к обсуждению опубликованных в книге материалов и дальнейшему исследованию проблематики экстрактивизма коллег, представляющих сообщество антропологов, этнологов, социологов, специалистов из смежных академических дисциплин, полагая, что меж- (или интер-) дисциплинарный дискурс может послужить дальнейшей разработке проблем социального импакта экстрактивизма на новой основе.

Выражаем благодарность всем авторам настоящего издания, нашим партнерам по проведению полевых исследований, инфор-

мантам, Российскому научному фонду, поддержавшему проект исследований российских кейсов ресурсного проклятия и социальных конфликтов в местах добычи полезных ископаемых, и всем, кто так или иначе сопричастен к появлению этого коллективного труда.

*В.В. Поддубиков,
Д.А. Функ*

29–30 ноября 2019 г.

SUMMARY

Chapter 1

LEVIATHAN: THE DISCURSIVE DEPENDENCE ON OIL. FROM RESOURCE TO METONYMY AND BACK

Miskova Elena V.

The chapter presents research in the field of social anthropology on the issue of oil dependence and conflicts associated with it and involving many different actors. The anthropological approach used here is different in that it places an emphasis on the context of formation and reproduction as well as of authorship of the discourse around the «vitally important resource», in which indigenous communities are involved in a special capacity, with a strictly defined role, and wherein they have no say. Thus, anthropologists expand the sphere of their analysis through importing sociological, economic and philosophical concepts of biopolitics, discursive dependence and metonymy, resource curse, etc. The chapter deals with general theses underlying such approaches described in some recent anthropological monographs.

Keywords: resource curse, discursive dependence on oil, biopolitics

Chapter 2

YUGANSKIE KHANTY AND OIL: A STRATEGY OF COEXISTENCE

Danilova Elena N.

In 2016, a conflict over land took place between the natural resource extraction industry and the indigenous population in the Khanty-Mansi Autonomous Region – Yugra, in the area of the middle Bolshoy Yugan River. The Khanty have long believed this territory to be inhabited by the spirit protecting the river as a whole. Possible loss of this territory as a symbol of traditional beliefs, destruction of the local landscape, and social changes became the central questions that the conflict raised. The local indigenous people appealed to the governor of the region to estab-

lish the territory as a state-protected one. As a result, in 2018, a project was developed, under which the territory is designated as an integrated, dynamic system for both environmental management and support of the local ethnic population, with some of its areas allocated for different uses, including for industrial development specifically, which introduced a way for the industry and the population to coexist, using and protecting local resources.

Keywords: indigenous peoples, Khanty, natural resource extraction industry, coexistence

Chapter 3

MODELS OF RELATIONS BETWEEN NATURAL RESOURCE EXTRACTION INDUSTRY AND INDIGENOUS POPULATION OF CHUKOTKA

Kolomiets Oksana P.

The chapter explores how industrial companies and indigenous population cooperate in the region of Chukotka, looking into the legislation regulating their relations, practices of reaching agreement between the two sides, employment programmes the companies have in place for the local population, and mechanisms for inclusion of the population in management. Analysis of the industry-population relations allows believing that, with further industrial development, partnerships between the two sides will expand and deepen, with the industry taking cooperation to the regional level.

Keywords: indigenous population of Chukotka, natural resource extraction companies, cooperation programmes, forms of cooperation, social partnership

Chapter 4

THE «RESOURCE CURSE» WITH A SHADE OF ANTHRACITE: INDIGENOUS PEOPLES AND EXTRACTION COMPANIES OF KUZBASS IN A CONFLICT SITUATION

*Poddubikov Vladimir V., Artsemovich Sergey A.
and Dmitriy A. Funk*

The chapter discusses research on social costs of the Russian model of coal extractivism. Through the case of one of the most notorious and acute conflicts between indigenous population – the Shors – and coal mining companies operating in the Kemerovo region (Russia), it describes key conflict discourses, examines practices of coping with the conflict as well as the implications thereof, and identifies the potential for indigenous communities' post-conflict recovery. The chapter is based on the authors' multi-year observation of conflicts unfolding in the regions of extensive coal mining. In Russian social anthropology scholarship, conflicts over resources on the land of indigenous peoples have not been much elaborated on in terms of trauma, overcoming of trauma and post-conflict recovery; the case study given in the chapter partly fills this gap.

Keywords: extractivism, conflicts over resources, «resource curse», social anthropology, assessment of industrial development projects' social impact, indigenous peoples

Chapter 5

THE «RESOURCE CURSE» AND LIFE STRATEGIES ON THE ISLAND OF ITURUP

Borodulina Alevtina S.

The chapter explores the politics and practices of consumption in quasi-closed military border towns, both operating and disbanded, in the Kuril Islands. Located in remote territories of the same status as the Far North areas and isolated both formally (with an internal visa regime in place) and geographically (low transport accessibility), these towns from

the very beginning found themselves heavily dependent on resources from the centre. The island's good old times remembered by respondents saw the situation when the resources were allocated in return for loyalty. The post-Soviet period, however, has witnessed the transformation of social contract, reduced resource allocation and adaptation of the local population to new patterns of the latter, as well as changes in local consumption practices and the development of new life strategies. A part of the adaptation process has been constituted by cooperation enhanced by digital tools, which the author suggests should be called the «messenger turn». To a greater or lesser degree, this turn is characteristic of the whole of the region and is particularly clearly seen from the cases under consideration in the chapter. In the studied cities of Iturup unique quasi-market relations are being built by the local population; and certain conflicts can be observed here between civilians, the military, and the locals over emerging consumption practices and resources.

Keywords: Sakhalin and the Kuril Islands, military towns, closed societies, resource curse, life strategies, politics of consumption

Chapter 6

EXTRACTIVISM IN THE RUSSIAN NORTH: CORPORATIONS AND INDIGENOUS PEOPLES ON DISTRIBUTION OF BENEFITS

Novikova Natalia I.

The chapter discusses the variety of oil and gas companies' policies toward the indigenous population in the Russian Federation through a comparative analysis of the cases of Khanty-Mansi Autonomous Region, Yamal-Nenets Autonomous Region, and Sakhalin. Specifically, the research focus includes the indigenous population of the Russian North and the following companies: Gazprom, LUKOIL-West Siberia, Surgutneftegaz, Sakhalin Energy, and Exxon Neftegaz. The chapter draws on a number of published research studies, analysis of research literature, regulatory documents and standards for business, Russian legislation, and field materials, and applies legal pluralism and stakeholder theories as its methodology. The chapter analyses the policies of distribution of primarily non-financial benefits from industrial development in relation

to the prospects for improving the indigenous population's well-being – who implements these policies and how. In conclusion, the Russian legislation is considered with regard to corporate social responsibility and indigenous interests.

Keywords: legal pluralism, indigenous peoples, oil and gas companies, corporate social responsibility, sustainable development, regions of the Russian North

Chapter 7

«ETHNOLOGICAL EXPERT ASSESSMENT»: EVALUATING THE SOCIAL IMPACT OF INDUSTRIAL PROJECTS IN RUSSIA

Funk Dmitriy A.

The chapter looks into the principal definitions and types of ethnological expert assessments in Russia and examines in detail several cases thereof. It points to the problematic issues in the development of such assessments, arguing that, at present, there is no well-defined, scientifically informed and widely accepted concept of what ethnological expert assessment is or ought to be, while its methods are random and varying depending on the competence and professionalism of work groups that conduct it. It is further shown that nearly all assessments of the kind that have been conducted to date rest on the idea of searching for the «norm of culture» (which, in the overwhelming majority of cases, happens to be limited to cultural situations of small ethnic groups), as well as on an attempt to emotionally evaluate the damage to that «norm». The chapter presents approaches to, and principles of, social impact assessment (SIA) that have been successfully tested and put into practice in various countries and argues for their adoption and more vigorous use.

The chapter contains comments of Natalia Novikova, Vladimir Poddubikov, Yulia Rozhkova, and Svyatoslav Kovalskiy replied to by Dmitriy Funk.

Keywords: ethnological expert assessment, social impact assessment, indigenous peoples of the North, Russia

Chapter 8

DIALOGUE AND BUREAUCRATIC PROCEDURES: «ETNOLOGICHESKAYA EKSPERTIZA» (ETHNOLOGICAL IMPACT ASSESSMENT) IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Basov Aleksandr S.

State ethnological impact assessment (so-called «etnologicheskaya ekspertiza») in the Republic of Sakha (Yakutia) is a legal procedure implemented in the region and aimed at regulating tense relations between industrial actors and indigenous peoples over natural resources. Such tensions seem to exist for as long as the «industrial» development and use of territories do not take into account «indigenous» interests which ethnological impact assessment is called on to defend. Furthermore, assessment procedures are expected to become a medium that would ensure dialogue and partnership between industrial companies and indigenous peoples. However, these procedures are very much bureaucratic in nature and are organised by specific bureaucratic means; thus they can be analysed through the concept of structural violence. The chapter argues that state ethnological impact assessment as a bureaucratic procedure is structurally incompatible with the conditions needed for the sought-after dialogue and partnership.

Keywords: ethnological impact assessment, indigenous peoples of the North, structural violence, work of imagination, bureaucracy

ОБ АВТОРАХ

Арцемович Сергей Александрович (Artsemovich Sergei A.) — младший научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета, г. Томск.
E-mail: s.artsemovich@gmail.com

Басов Александр Сергеевич (Basov Aleksandr S.) — стажер-исследователь, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, аспирант кафедры этнологии, Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва.
E-mail: a.basov@iea.ras.ru

Бородулина Алевтина Сергеевна (Borodulina Alevtina S.) — стажер-исследователь, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва.
E-mail: albor@iea.ras.ru

Данилова Елена Николаевна (Danilova Elena N.) — научный сотрудник Центра этноистории, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург
E-mail: danilova@northarch.ru

Ковальский Святослав Олегович (Kovalsky Slava) — аспирант кафедры этнологии, Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, стажер-исследователь, отдел Севера и Сибири, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва
E-mail: sokovalsky@iea.ras.ru

Коломиец Оксана Петровна (Kolomiets Oksana P.) — к.и.н., ведущий научный сотрудник лаборатории истории и экономики, ФГБУН Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН, г. Анадырь
E-mail: okkolo@mail.ru

Миськова Елена Вячеславовна (Miskova Elena V.) — к.и.н., доцент кафедры этнологии, Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва
E-mail: milenk2@gmail.com

Новикова Наталья Ивановна (Novikova Natalia I.) — д.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва
E-mail: natinovikova@gmail.com

Поддубиков Владимир Валерьевич (Poddubikov Vladimir V.) — к.и.н., заведующий лабораторией этносоциальных исследований, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (КемГУ), г. Кемерово
E-mail: poddub@gmail.com

Рожкова Юлия Владимировна (Rozhkova Julia V.) — аспирантка кафедры этнологии, Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, стажер-исследователь, отдел Севера и Сибири, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва
E-mail: rozhkova@iea.ras.ru

Функ Дмитрий Анатольевич (Funk Dmitriy A.) — д.и.н., проф., директор Института этнологии и антропологии РАН, заведующий кафедрой этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
E-mail: d_funk@iea.ras.ru

**Рекомендовано к печати
ученым советом Института этнологии и антропологии РАН
и ученым советом исторического факультета МГУ
имени М. В. Ломоносова**

Научное издание

**«Ресурсное проклятие» и социальная экспертиза
в постсоветской Сибири: антропологические перспективы**

Ответственный редактор Д. А. Функ

Издательская подготовка ООО «Типография «Демос»
Дизайн, компьютерная вёрстка – О.Е. Грибов.
Подписано к печати 16.12.2019
Формат 70×100 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура PT Serif Pro Extended. Печать офсетная.
Усл. печ. листов: 25,35. Уч.–изд. листов: 14,44.
Тираж 500 экз. Заказ №0551.
Отпечатано в ООО «Типография «Демос»
634033, ул.Пушкина, 22, оф.30.